

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLXXXVIII

Salamandra P.V.V.

ДУЭЛЬ МАГОВ

Две вампирские
повести

Salamandra P.V.V.

Дуэль магов: Две вампирские повести. Пер. с англ. Е. Янко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 170 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCLXXXVIII. Вампирская серия).

В книгу вошли две вампирские повести американских фантастов 1930-х годов: «Пожива вампира» Торпа Мак-Класки и «Дуэль магов» Пола Эрнста. Оба произведения впервые переведены на русский язык.

© Authors, estate, 2018

© E. Yanko, переводы, 2018

© Salamandra P.V.V., оформление, 2018

1819-2019

ВАМПИРСКАЯ СЕРИЯ

К

**200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПУБЛИКАЦИИ
«ВАМПИРА» Д. ПОЛИДОРИ**

ДУЭЛЬ МАГОВ

Морн Мак-Кракен

Пожива вампира

Weird Tales

JUNE

LOOT OF THE VAMPIRE

By THORP McCLUSKY

an uncanny thrill-tale that
will hold your fascinated
attention

BLACK CANAAN

By ROBERT E. HOWARD

spine-chilling voodoo
and bitter magic

THE HOUSE OF THE EVIL EYE

By HUGH DAVIDSON

an exciting weird story
about a glance that
spelled doom

THE GRINNING GHOUL

By ROBERT BLOCH

a story of stark horror

THE TELEPHONE IN THE LIBRARY

By AUGUST W. DERLETH

a grim story of a mysterious
voice that whispered over the
wires in the midnight hours

Жемчужное ожерелье

За изящным овальным столом в кабинете Дэвида Айкельмана друг против друга сидели двое. Все в этой комнате говорило о богатстве: каждый предмет мебели, каждая гравюра, любой ковер или абажур свидетельствовали о безупречном вкусе хозяина. Дэвид Айкельман был всемирно известным торговцем драгоценностями.

Только что стемнело. На ювелире все еще был консервативный деловой костюм, в который он неизменно облачался ровно в полдень; его гость успел переодеться в смокинг...

На столе, между мужчинами, лежал продолговатый футляр с поднятой кожаной крышкой. Внутри него мягко мерцали отборные жемчужины ожерелья стоимостью в четыреста тысяч долларов.

Первым заговорил посетитель:

— Теперь, Айкельман, вы знаете, по какой причине я хотел встретиться с вами после закрытия магазина. Девушка, сами понимаете; хочу устроить ей сюрприз. Предосторожность излишней не бывает. Извините за доставленные неудобства.

Речь гостя, вежливая и выстроенная с точностью, свойственной человеку, в совершенстве владеющему языком, была призвана означать извинение. Однако Айкельман не мог не почувствовать, что вся предупредительность только поверхностна и этот долговязый и угрюмый его клиент — создание бессердечное, не ведающее сожалений. Айкельман умел оценивать людей не хуже, чем жемчужины; и потому в ответ он лишь развел руками.

— Не беспокойтесь, Ваше Сиятельство, — быстро добавил он. — Сегодня я собирался поужинать в городе, а вечером, не исключено, пойти в театр. Так что закрываю я магазин, предвкушаю отдых — и тут вы.

Клиент улыбнулся, но улыбка была холодна.

— Наши переговоры должны остаться в тайне, не так ли, Айкельман? — осторожно спросил он. — Это необходимо, ибо...

Ювелир серьезно сказал:

— Я буду хранить чек в личном сейфе. Об этом будет знать лишь страховая компания.

Клиента ответ, кажется, удовлетворил.

— Четыреста тысяч, я верно услышал?

Он полез во внутренний карман и извлек тонкую черную чековую книжку.

Айкельман поспешно закивал.

— Да, четыреста тысяч, Ваше Сиятельство.

Клиент холодно посмотрел на Айкельмана.

— Рекомендательных писем вам хватило? — многозначительно спросил он.

Айкельман, неожиданно задохнувшись и оттого запинаясь, уважительно подтвердил:

— О да, Ваше Сиятельство. Их более чем достаточно, уверяю вас.

Мрачная усмешка ничуть не смягчила резкие черты лица посетителя. Он молча выписал чек, левой рукой осторожно помахал им, просушивая чернила, а правой вернул изысканное золотое перо Айкельмана обратно в чернильницу.

Ювелир не сводил с чека алчного взгляда. Наконец чернила просохли. Посетитель, будто желая помучить его подольше, поставил локти на полированную столешницу и, зажав уголки чека в обеих руках, держал его прямо перед носом Айкельмана.

Ювелир, уставившись на чек с непосредственностью ребенка, завидевшего яркую игрушку, поначалу не осознал, что взгляд клиента, смотрящего на него поверх чека в самой близости от его носа, сосредоточился и застыл на его лице. Тем не менее, Айкельману вдруг стало не по себе.

Он поднял глаза, встретился ими с глазами посетителя — неожиданно и невероятно чарующими и в то же время холодными, как камень; в их глубине пылало неземное свечение сияющих рубинов.

Айкельман с усилием попытался отвести взгляд, но не сумел. Его вниманием завладела чужая, гораздо более сильная воля. Внезапно ему стало страшно, во рту пересохло, нервы дрогнули. Подумалось, уж не сон ли это; ювелир не мог вымолвить ни слова; впрочем, он даже не пытался открыть рот. Было похоже, что на него наложили чары, загипнотизировали его.

Тогда он подождал, не ответит ли взгляд посетитель. Но эти страшные глаза по-прежнему жгли и сокрушали его разум. И он ощутил, как закружилась голова и мир словно подернулся поволокой. Лицо клиента вдруг померкло, лишь нечеткая, бледная тень мерцала и дергалась перед ним, дразня тонкой сардонической усмешкой алых губ.

И ювелир Айкельман, негибачый делец, понял, что сознание тает, как туман над простором, как дымка над водой...

2

Беззвучное убийство

Шон О'Шонесси, служивший в ювелирном магазине Дэвида Айкельмана детективом и сейчас раскладывавший пасьянс в застекленной кабинке бухгалтерии справа от бронзовых дверей входа, сидел как на иголках. Когда мистер Айкельман попросил его задержаться после работы, он молча предположил, что хозяин опасается таинственного покупателя. И в то же время мистер Айкельман настоял, что проводит клиента сам, а О'Шонесси лучше не показываться!

Было двадцать минут одиннадцатого. Уже два часа мысли О'Шонесси уходили все дальше и дальше от карт, и он принимался строить догадки — догадки о том, что может происходить за закрытой дверью в глубине антресольного¹ этажа.

---

¹ Антресоль — верхний полуэтаж, встроенный в объем основного этажа.

В магазине царил тишина, прерываемая лишь шорохом карт и дыханием самого детектива. Из-за толстого стекла двери кабинета Айкельмана не доносилось ни звука, однако это не имело значения; О'Шонесси знал, что если люди внутри говорят, не повышая голоса, внизу ничего слышно не будет. Там, где он сейчас сидит, в дюжине футов от входа, он различит только шум перебранки или драки. Но ничего подобного не слышалось.

И все-таки О'Шонесси чувствовал неладное: что-то явно шло не так, совершенно не так. Наконец, когда минутная стрелка приблизилась к одиннадцати, он, не сомневаясь, что за самовольство его ждет строгий выговор, не смог больше выносить напряжение. Очень, очень тихо детектив проследовал между занавешенными рядами витрин к задней лестнице. Спрятавшись от янтарного сияния, исходившего из-за матового стекла кабинета, он прислушался.

За закрытой дверью стояла мертвая, давящая тишина.

О'Шонесси решительно постучался. Ему не ответили. Тишина внутри звенела настоящей угрозой.

Затем О'Шонесси попытался открыть дверь. К его удивлению, она легко поддалась. О'Шонесси быстро вошел в комнату и тут же остановился, не в силах сдержать резкое приглушенное восклицание.

Дэвид Айкельман сидел лицом к двери за овальным столом красного дерева, но посетитель исчез!

Шон О'Шонесси мгновенно осознал, что Дэвид Айкельман мертв, хотя глаза его оставались приоткрытыми и он непринужденно раскинулся в кресле, небрежно положив на стол перед собой правую руку. Недвижность позы, остекленевший взгляд и бледность кожи подсказали детективу, что ювелир уже не дышит.

О'Шонесси кинулся к окну, выходящему на задний двор, и вперился в черноту за блеклым кругом света, падающего из комнаты. Хотя ночь была очень темной, детектив отлично знал двор: неподалеку находилась вентиляционная шахта между двумя соседними зданиями, по гладким кирпичным стенам которой мог подняться разве что человек-муха.

Но даже если учесть такую возможность, все равно прямо перед носом взволнованного О'Шонесси маячили толстые стальные прутья решетки, защищающей окна кабинета, и располагались они так часто, что и ребенку было не протиснуться!

Вверх по спине поползли мурашки, заставляя тело содрогаться; глаза О'Шонесси непонимающе смотрели то на решетку, то на мертвого ювелира, а внутри волнами накатывал безотчетный, животный ужас. Пусть клиенту удалось исчезнуть, но он не мог покинуть комнату ни через окно, ни через дверь...

Внезапно затрясшимися пальцами О'Шонесси поднял трубку телефонного аппарата Айкельмана и набрал номер полиции.

3

Странная смерть

Комиссар Чарльз Б. Этредж не присутствовал при обычной для начала дела суматохе, последовавшей за звонком О'Шонесси в полицейское управление, по вполне уважительной причине: он сопровождал сначала в театр, а затем в ресторан девушку, на которой был намерен жениться. Первое известие о предстоящем расследовании он получил, когда его автомобиль тихо остановился перед ее многоквартирным домом.

Швейцар, вежливо поклонившись, быстро подошел к ним и протянул записку, оставленную патрульной машиной — коллеги знали, что комиссар скорее всего заедет к Мэри. Этредж прочитал послание и мрачно сказал невесте:

— Милая, мне надо уйти. Только что произошло страшное преступление. Убили ювелира Айкельмана.

Мэри была отлично воспитана. Поэтому она не стала возражать и ни о чем не спросила, лишь отозвалась:

— Как жаль, Чарли. Ты не забудешь позвонить мне утром, дорогой мой?

Быстро наклонившись, она поцеловала комиссара в щеку. Не успел он протянуть руки и обнять ее, как она закрыла за собой дверцу. Мэри обернулась, заходя в подъезд, и с улыбкой помахала на прощанье...

Он медленно нажал на газ. Сначала неохотно, потом все больше набирая скорость, длинный черный седан влился в поток городского транспорта.

К тому времени, как Этредж добрался до ювелирного магазина, почти все детективы в штатском, фотографы и патрульные успели разойтись. Однако его с нетерпением ждали лейтенант Питерс из убойного отдела, три детектива из бюро расследований, судебно-медицинский эксперт и помощник окружного прокурора.

А в углу кабинета Айкельмана стояла зловещая плетеная корзина, в которой телу вскоре предстояло совершить краткое путешествие в морг.

Все поздоровались без лишних эмоций и слов. Этредж, изредка комментируя, выслушал краткий отчет лейтенанта Питерса о том немногом, что им удалось выяснить. Они мало что знали. Данные состояли наполовину из рассказа О'Шонесси, наполовину из того, что нашли эксперты, кропотливо осмотрев место происшествия.

— Вы задержали О'Шонесси для допроса? — со значением спросил Этредж.

Питерс с ухмылкой кивнул.

— Скользящая у него история. По-моему, его рассказ, как Айкельман лебезил перед таинственным покупателем и величал его «Вашим Сиятельством», шит белыми нитками.

Этредж осматривал ящики письменного стола.

— Вижу, казначея фирмы зовут Беном Сигалом. Привезите его сюда. Нам надо узнать, что именно украдено... Нет никаких бумаг, где значилось бы, кто тот загадочный аристократ из показаний О'Шонесси?

— Карманы Айкельмана были кем-то обчищены. Надо заметить, с толком и расстановкой.

— Для О'Шонесси это нехорошо, — кратко отметил Этредж.

Перед отправкой тела в морг, комиссар с любопытством в последний раз осмотрел покойного.

— Надо же! До чего он бледный! Будто из него всю кровь выкачали! Черт побери, Хэнлон, как именно его убили? Выкладывайте все, что в голову придет; ошибиться не страшно.

Доктор Хэнлон сухо ответил:

— Мы его не раздевали, комиссар. Я просто осмотрел тело, стараясь не потревожить улики. Но с уверенностью заявляю, что крупных ран на нем нет, так же, как следов яда на губах и во рту или следов удушения. Необычную бледность можно отнести за счет какой-либо формы анемии.

Этредж усмехнулся.

— Иными словами, Хэнлон, в эти игры вы не играете. На теле ничего заметней царапин не видно, значит, больших ран нет. Какой же вы осторожный! Ладно, лично я думаю, что он истек кровью — есть на нем раны или таковые отсутствуют.

Потом он заговорил гораздо серьезнее:

— Утром сделаете вскрытие. И сразу сообщите мне, каким образом он был убит.

4

Переливание крови

Было далеко за полночь. Словно черный саван, непроглядная тьма предрассветного часа окутала спящий город.

Но Дервин, смотритель морга, не спал. Ему только что привезли очередное тело, и теперь, на излете ночи, он сидел в своей каморке, пытаясь взбодриться чтением детектива.

И тут он услышал шорох — загадочнейший шорох из комнаты за спиной, откуда не могло исходить ни звука!

Лошадиное лицо Дервина застыло от напряжения, и он, что-то буркнув, посмотрел сквозь закрытое проволочной решеткой окошко в тяжелой дубовой двери.

Сцена, свидетелем которой ему выпало стать, лишила его тело сил, заставила пальцы лихорадочно трястись, а без того слабый рассудок мигом швырнула в пропасть безумия.

Внутри от стола к столу ходил человек, на секунду поднимая серые простыни и вглядываясь в лицо каждого упокоившегося несчастного. Наконец высокий незнакомец сорвал простыню с тела Айкельмана и небрежно отбросил ее в сторону.

Высокий незнакомец в нарядном вечернем костюме! Он присел на краешек стола и обнажил руку ювелира до локтя, затем проделал ту же странную операцию со своей.

С этого мгновения Дервин, лепечущий, трясущийся Дервин, даже вернись к нему потерянный разум, вряд ли бы понял, что именно происходило перед его глазами. Он едва ли смог бы осознать, что незнакомец переливал мертвецу свою собственную кровь!

Бормотание Дервина перешло в нечеловеческие крики, когда зритель увидел, как тело Айкельмана, мертвого ювелира, пошевелилось и село на столе; губы мертвеца задвигались — он о чем-то говорил с этим небывалым посетителем; затем оба поднялись, быстро зашагали к зарешеченному окошку за столами, с невероятной ловкостью запрыгнули на подоконник и, извиваясь, пролезли сквозь прутья, расположенные настолько часто, что между ними не пробралась бы и кошка — после чего исчезли в ночной тьме...

Дервин смотрел затуманенными, сумасшедшими глазами, как медленно-медленно затворяется окно...

Из покойницкой больше не доносилось ни звука. Но возле дубовой двери жутко и монотонно завывал безумец.

5

Похищенное тело

Полицейский комиссар Этредж, лейтенант Питерс и мистер Бенджамин Сигал сидели в кабинете Дэвида Айкельмана. Близился рассвет, все трое устали, их глаза покраснели. Перед ними на столе лежали бесчисленные пачки ведомостей и ценных бумаг. Дверца сейфа была распахнута.

Этредж обратился к Сигалу:

— Пропали только жемчуга?

— Только жемчуга, комиссар.

Этредж задумчиво потер пальцем подбородок.

— Все указывает на то, что мистер Айкельман лично взял их из сейфа, — размышлял он вслух. — Да и на замке лишь его отпечатки.

— Это подтверждает рассказ О’Шонесси! — воскликнул Питерс.

Этредж кивнул.

— Да. Наш преступник не открывал сейфа.

Неожиданно он вновь принялся задавать Сигалу вопросы:

— Вы утверждаете, что мистер Айкельман присутствовал на всех переговорах, касающихся этих жемчугов?

— Конечно. Мистер Айкельман никому не доверял наиболее важные дела.

— Иными словами, вам неизвестно, полон или нет список возможных покупателей, который вы предоставили мне?

— Нет, я этого не знаю.

— Слышали ли вы, как мистер Айкельман обсуждал продажу ожерелья на личной встрече или по телефону?

Сигал, нахмутив лоб, принялся перечислять длинную череду обрывков слышанных им разговоров, совещаний, на которые его приглашали, а также рассказал о кое-каких встречах посекретнее. Вдруг комиссар прервал его.

— Значит, вы слышали, как он обсуждал сделку по телефону и говорил крайне почтительно, обращаясь к собеседнику по-английски и по-немецки? — с чрезвычайным интересом осведомился Этредж.

Сигал подтвердил это кивком.

— Выясните, — медленно проговорил Этредж, — кто из клиентов, упомянутых в вашем списке, знает немецкий язык. О’Шонесси утверждает, что когда вчера вечером Айкельман привел таинственного незнакомца в магазин, тот говорил раскатисто и гортанно. Айкельман, в свою очередь, обращался к гостю с почтением: «Ваше Сиятельство!».

— И еще разузнайте, — продолжал Этредж, — кто из ваших клиентов носит аристократический титул!

Внезапно раздался телефонный звонок. Комиссар Этредж, быстро покачав головой, остановил Сигала, который авто-

матически потянулся к дороговому хромированному аппарату. Затем снял трубку сам.

— Говорит комиссар Этредж.

Голос в наушнике прозвучал необычайно громко, разорвав напряженную тишину комнаты. Этредж даже отодвинул трубку подальше от уха. Выслушав сообщение до конца, он аккуратно положил трубку на место. А когда он заговорил с Сигалом и Питерсом, голос его звенел от удивления, удивления с немалой толикой страха.

— Звонили из морга, — задумчиво произнес он. — Дервин, тамошний ночной смотритель, сошел с ума. Тело Айкельмана было... похищено!

6

Раздумья

Ровно в двенадцать часов того же, второго в расследовании по делу Айкельмана, дня в кабинете комиссара Этреджа в полицейском управлении раздался громкий телефонный звонок. Комиссар быстро наклонился вперед и снял трубку. Хриплый голос телефониста наполнил комнату. Но Этредж просто выслушал сообщение. Еще до звонка он знал, что пришла Мэри. Она отличалась пунктуальностью.

Он встретил ее снаружи, в мрачном каменном коридоре, и сжал ее изящные, затянутые в перчатки ручки в кратком, безмолвном приветствии. Затем они вышли на залитую солнцем улицу, покинув печальное здание, предназначенное лишь для наказания за преступные деяния и человеческую глупость.

— Сегодня ты прекрасна, как никогда, мисс Мэри Робертс, — сказал он.

Девушка взяла его под руку, и они влились в бурлящую полуденную толпу. Мэри искоса бросила на него взгляд.

— Чарльз, ты не спал. Глаза у тебя усталые.

Он слегка коснулся своего острого, нервного подбородка. Вернувшись от Айкельмана, он только и успел побриться и принять душ.

— У тебя глаз-алмаз, Мэри. — Они проходили мимо ресторанчика. — Не зайдем пообедать?

За обедом Чарльз поведал ей о событиях ночи. Мэри, внимательно слушая рассказ, с прискорбием замечала его посеревшее лицо, недоумение во взгляде и сомнение в голосе.

— Не пытайся взваливать все на себя, Чарльз, — мягко произнесла она. — Детективы в отделе компетентны и, в конце концов, на убийстве Айкельмана свет клином не сошелся!

— Не знаю, не знаю, — хмуро ответил он. — Мэри, если мы принимаем слова О’Шонесси за истину, преступник становится совершенной загадкой. А взять похищение тела Айкельмана из морга! Кто в такое поверит? Однако это произошло. И Дервин сейчас в городской больнице бормочет себе под нос что-то про ходячих мертвецов и таинственного незнакомца в смокинге, вошедшего в окно и сумевшего увести с собою труп!

Он сделал мрачную паузу.

— Я заходил в морг — сегодня утром. И все окна были... закрыты.

— Но ты упомянул, что кто-то смахнул пыль с подоконника, — напомнила Мэри. Он посмотрел на нее и согласился:

— Да. Но, Боже мой, ни одно человеческое существо не способно просочиться сквозь такую решетку, как в морге и у Айкельмана. Это невозможно.

— То же самое утверждает О’Шонесси.

— Именно. — Он несколько минут помолчал, погружившись в размышления, и продолжал: — Мужчина высокого роста, говорит с немецким акцентом, одет в смокинг, неплохо знаком с Айкельманом, раз тот принял его одного у себя в кабинете после закрытия магазина. Умеет выходить и входить сквозь решетку, словно ее нет, и убивает без следов, за исключением того, что жертва выглядит обескров-

ленной.

Комиссар нахмурился еще сильнее.

Они встали, собираясь уйти.

— Может быть, ты поспрашиваешь об этом своих приятелей, — предложил Этредж с привычной лукавой улыбкой, которую Мэри так любила. — Узнай, не приехал ли с визитом какой-нибудь граф или князь, подходящий под эти приметы!

7

Мертвец возвращается

Вечером, в восемь часов пятнадцать минут, офицер Бэйнс, стоявший на посту в магазине Айкельмана, услышал короткий стук тростью с золотым набалдашником о бронзу двери. Сквозь стекло он увидел невысокого дородного человека, пребывавшего в отвратительном настроении и чрезвычайно спешившего попасть внутрь. Полицейский замешкался и удары в дверь возобновились с удвоенной яростью. Буквально тотчас сердито зазвенел ночной звонок.

Из глубины магазина послышались быстрые шаги мистера Бенджамина Сигала...

— О Господи, это мистер Айкельман!

В возгласе казначея звучал неприкрытый ужас. Ноги его подкосились, от лица отлила кровь, и он побледнел, как воск.

Офицер Бэйнс почувствовал, как по спине пополз холодок — могильный холод.

— Это тот самый, которого *убили*? — прошептал он.

Неистовые удары в дверь не желали прекращаться.

— Отворяй, Сигал, дурак распроклятый! Чего испугался? Впускай, говорю тебе!

Дрожащими руками офицер Бэйнс открыл дверь. Дэвид Айкельман вошел в свой магазин.

— Сигал, хватит стоять и пялиться, как идиот! Пошли в кабинет. Ох, что мне довелось испытать...

Затем он впервые заметил полицейского. Глаза его от ненависти налились кровью.

— Так-так! Они что, полицию сюда приволокли? Чудненько! Эй, ты, — он угрожающе шагнул вперед, — выметайся с моей собственности!

Ошарашенный Сигал попытался возразить:

— Но вы считались убитым. Полиция...

Айкельман накинулся на него, как загнанный в угол зверь.

— Полиция? Глупости! Я похож на мертвеца? — Он расхохотался, и от его смеха по коже полисмена побежали мурашки.

— Ты, ищейка! Убирайся, откуда появился!

Полицейский перевел беспомощный взгляд с разъяренного ювелира на мистера Сигала.

— Я должен здесь оставаться, пока меня не отпустят. — Вдруг ему в голову пришла мысль: — Я могу сообщить, что вы живёхоньки. И все закончится. Разрешите позвонить.

Айкельман поджал губы и стоял с каменным лицом.

— В этом магазине телефоном тебе не пользоваться! — прорычал он. — Пошел вон! В конце квартала есть аппарат, оттуда и звони своим треклятым полицейским. И чтоб от тебя не было ни слуху ни духу!

Офицер Бэйнс умоляюще взглянул на Сигала. Тот ободрительно кивнул.

— Да, — сказал казначей, — лучше позвоните из аптеки на углу. Можете известить начальство, что мистер Айкельман в полном порядке, но в данный момент не желает встречаться с полицией. Возможно, через час или два....

— Никак не через час, — прохрипел Айкельман. — Даже не уверен, что завтра. Убирайся!

Полицейский ретировался, пока глаза Айкельмана не успели разгореться гневом, ибо ювелир был собственником и налогоплательщиком. Да и насолить при желании тоже мог...

Оставшись наедине с Сигалом, Айкельман повел казначея в свой кабинет. Там они уселись. Мистер Айкельман молчал. Но стоило Сигалу заглянуть в глаза хозяина, как в нем зародилась тревога, постепенно охватывая душу и перерастая в страх. Дело в том, что мистер Айкельман некоторым образом переменялся, почти незаметно, но ужасно.

Вдруг мистер Айкельман вскочил на ноги, угрожающе нависнув над подчиненным. Сигал заворуженно смотрел в красные-красные глаза, не в силах отвести взгляда, и почувствовал, как безумный испуг тисками сжал тело, заставил побледнеть и застыть на месте. Тем временем стальные пальцы Айкельмана сжали горло несчастного и проволокли слабо сопротивляющегося казначея по столу, словно груды тряпья. На мгновение лицо хозяина сблизилось с лицом Сигала, и глаза ювелира победно сверкнули, а губы исказила нечеловеческая усмешка. Потом мир померк в милосердном забытьи...

8

Еще одна жертва

Когда офицер Бэйнс покидал магазин, *казалось*, что никаких причин для тревоги не было. И все-таки Бэйнс знал, что не имел права оставить пост, не связавшись предварительно с детективом-лейтенантом Питерсом. Поэтому, добравшись до аптеки, он намеренно не упомянул о том, что ушел от ювелира. Однако не забыл отметить, в каком гневе пребывал мистер Айкельман.

Короткий приказ Питерса поверг его в отчаяние:

— Хватит болтовни про Айкельмана. Оставайтесь на месте, пока вас не отпустят. Я сейчас подъеду!

Борясь с дурными предчувствиями, Бэйнс положил трубку и быстро вернулся к магазину. Приди он на десять секунд раньше, он бы увидел, как мистер Айкельман с портфелем в руках выходит из бронзовых дверей своего предприятия

и направляется к шикарному глянцевому «роллс-ройсу», ожидающему его чуть дальше по улице. Но случилось так, что полицейский лишь скользнул взглядом по роскошному автомобилю с шофером и двумя пассажирами внутри, а затем машина с тихим рычанием и грацией пантеры проплыла мимо в сторону аптеки...

Дойдя до магазина, Бэйнс подергал за ручку и нажал на кнопку звонка. Ответом ему была абсолютная тишина.

Он только-только начал ощущать всю нелепость положения, в которое себя поставил, когда из подъехавшей полицейской машины вышли лейтенант Питерс и двое в штатском.

— Что здесь произошло? — воскликнул Питерс.

Бедняга, запинаясь, ответил:

— Мистер Айкельман рвал и метал. Велел мне убираться вон и оставаться снаружи.

Питерс задержал взгляд на полицейском. В глазах его читалось сочувствие, даже жалость. Затем он произнес:

— Надеюсь, ничего страшного не произошло. Но если что, значка вы лишитесь или даже отправитесь строить дороги в компании других заключенных, — и принялся давить на кнопку звонка.

— Слушайте, Бэйнс, — чуть погодя сказал он, — бегите к телефону и позвоните сюда, прикажите им открыть дверь. Говорите, там Айкельман с Сигалом? Ладно, право войти у нас имеется: дело не закрыто, мертв Айкельман или даже жив. Не забывайте, что мы по-прежнему расследуем похищение драгоценностей.

Двадцать минут спустя, под звон разбитого стекла, детективы проникли в магазин.

Они обнаружили Сигала в кабинете Айкельмана: казначей в нелепой позе распростерся на столе, покрытое багровыми пятнами лицо, однако, было бледно, как у призрака, широко распахнутые глаза слепо взирали в пустоту. Выругавшись от неожиданности, Питерс опустился на колени рядом с ним. Детектив с облегчением выдохнул: пусть неуверенно и слабо, но сердце Сигала продолжало биться.

Не церемонясь, Питерс влил виски между сжатыми челюстями Сигала, а затем протер его лицо водой. Мало-помалу Сигал начал проявлять признаки возвращающегося сознания. Он беззвучно стонал и поворачивал голову, грудь его вздымалась. Один из полицейских уже вызвал скорую.

Питерс растирал казначею запястья и вдруг заметил чуть видимое красноватое пятнышко на одном из них. Это был след на лучевой вене, похожий на отметину от недавно сделанного укола.

В окно влетел звук сирены подъехавшей кареты скорой помощи. Вошли люди в белых халатах; врач молча опустился на колени рядом с Сигалом. Бегло осмотрев казначея, он сказал:

— Опасности для жизни нет, но придется отвезти его в больницу и уложить в постель. То, как его душили, — он указал на синяки на горле Сигала, — не прошло даром. К тому же, у него полный упадок сил.

Но Питерс, внезапно опустив квадратные плечи, уже успел отвернуться к телефону и теперь набирал номер комиссара Этреджа. Набирал, чтобы сообщить, что дверца сейфа распахнута, на полу валяются пустые футляры из-под украшений, на табурете лежит открытая стальная коробка для ценностей, а по всему красно-золотому ковру в чудовищном беспорядке разбросаны горы бумаг...

9

Кинжал с серебряным лезвием

В четыре утра, на третий календарный день следствия по делу Айкельмана, комиссар Этредж и детектив-лейтенант Питерс вторично собрались уходить из ювелирного магазина. Нервы их были расстроены долгими часами ставящего в тупик расследования, тела сковала усталость.

Магазин был ограблен второй раз за сутки, и теперь пропали двести тысяч долларов облигациями и драгоценности на сумму вдвое большую!

В ту самую минуту, когда полицейские намеревались запереть опустошенный кабинет, им позвонили из управления.

Тело Дэвида Айкельмана обнаружили в канаве на Уолкотт-Бич-роуд — с кинжалом в сердце.

Этредж крепко выругался, что с ним случалось нечасто. Но за руганью скрывался вновь разгоревшийся энтузиазм...

Через несколько минут длинный черный седан комиссара мягко скользил по окраинам, направляясь в Уолкотт. Сидящий за рулем Этредж молчал; детектив-лейтенант Питерс тоже не пытался заговорить.

В Уолкотте не было морга. Этредж подъехал непосредственно к полицейскому участку из красного кирпича. Войдя в здание, они узнали, что труп Айкельмана положили, за неимением лучшего места, на кушетку в комнатухе, находящейся прямо позади стола сержанта.

Уолкоттский коронер рассматривал тело со странным, необычным любопытством.

Необычным, поскольку на первый взгляд казалось, что все предельно ясно. Человека нашли в канаве с ножом в сердце. Труп выбросили из автомобиля; ничто не говорило о том, что убийца или убийцы выходили из машины.

Однако коронер изучал труп Айкельмана с чрезмерным, чуть ли не фанатичным вниманием.

Он выпрямился и пожал руки Этреджу и Питерсу.

— Этого вашего Айкельмана, — озадаченно произнес он, — наверное, выбросили из машины нынче ночью, так как пролежал он у дороги от силы часов десять, прежде чем его нашли. Может, еще меньше; не исключая, что его заметили почти сразу после того, как он оказался на обочине. Но умер он намного раньше, чем преступники избавились от тела. Оно успело начать разлагаться.

Комиссар Этредж не смог скрыть удивления:

— Когда, говорите, он умер?

Коронер уверенно ответил:

— Не меньше тридцати шести часов назад.

Комиссар задумчиво продолжал:

— Таким образом, он был мертв по крайней мере сутки, прежде чем его бросили в канаву?

Коронер кивнул:

— Не меньше суток, точно!

Этредж и Питерс переглянулись. Они *знали*, что в восемь вечера Айкельман был еще жив! Заявление коронера не могло быть правдой.

Но все же — *было*. Он не мог ошибиться.

Безуспешно пытаясь осмыслить невозможное, Этредж поднял кинжал, которым закололи ювелира, и осторожно подержал оружие за кончик лезвия. Одна деталь привлекла его внимание.

— Какой занятный клинок, — как бы невзначай отметил он. — Не похоже, что рукоять ему родная. Выглядит самодельным, будто его отлили в форму, а лишь затем прикрепили к рукояти и заточили. Кому это могло понадобиться?

Тут заговорил Питерс; глухим от ужаса, причина которого была понятна ему одному, голосом он сказал:

— Клинок не стальной! Металл мягче. Серебро! Я уверен, он серебряный!

10

Граф Вурц

Когда Этредж и Питерс отправились обратно в город, первые сияющие лучи солнца пронзили горизонт, подобно гигантскому золотому вееру. Этредж не сводил внимательных глаз с дороги, тогда как мысли его были заняты попытками собрать воедино смутные наметки из улик. Он задумчиво пробормотал:

— Видит Бог... мы просто *обязаны* так или иначе объяснить все загадки в этом деле. Тем более что сейчас у нас по-

явилось кое-что новое. Мы узнали, что наш преступник ездит на автомобиле.

— Подозреваю, что у него «роллс-ройс», — предположил Питерс. — Когда вчера я распекал Бэйнса, тому удалось вспомнить, что, выходя из аптеки, он видел «роллс-ройс», отъезжавший от магазина Айкельмана.

— Займитесь этим, — сурово приказал Этредж. — Или... погодите. Лучше будет, если я высажу вас у городской больницы. Сигал, наверное, уже пришел в себя. Спросите, у кого из клиентов Айкельмана есть «роллс-ройсы». Нутром чую, что наш парень из них. Помните, ювелир его знал.

— Вы будете в управлении?

Этредж неожиданно улыбнулся.

— Я приеду в управление в течение часа. А пока прервусь и уговорю Мэри угостить меня завтраком. Возможно, она подаст мне идею, а еще грейпфрут и бекон.

Питерс вышел возле больницы. Этредж заскочил домой, помылся, побрился, позвонил Мэри и поехал к ней.

Мэри сама открыла ему дверь и проводила в столовую, где весело булькала кофеварка, жарился ароматный бекон и заманчиво блестели дольки грейпфрута. Мэри не сводила с Этреджа сияющих карих глаз, а он, покончив с едой, потягивал свой кофе, черный и несладкий.

— Как успехи, Чарльз? — тихо спросила она.

Он устало покачал головой.

— Давай ты, Мэри. Выкладывай, кто из твоих титулованных знакомых говорит по-немецки. И у кого из них есть «роллс-ройс»!

Мэри закрыла глаза и беззвучно зашевелила губами, пытаясь вспомнить.

— Во-первых, Банни Брэйнард. У него «роллс-ройс», но он не аристократ и вечно бегаёт за девушками. Во-вторых, Тони Кастелони; итальянец, с каким-то там титулом, но вряд ли он бегло говорит по-немецки.

— Возьмем его на заметку, — задумчиво произнес Этредж.

— В-третьих, Леопольд — то есть граф Вурц; самая подходящая кандидатура.

Она резко замолчала, а по щекам разлился румянец. Потом смущенно продолжала:

— Знаешь, он такой рафинированный, чертовски красивый и богатый космополит. Ходят слухи, что он разбил не одно сердце. Он как Змий, Чарльз; неприятный, но очаровательный.

Она потупилась, взгляд сделался туманным.

— Я и сама подпадала под его обаяние, было дело.

— Тогда он определенно наш парень, — посмеиваясь, сказал Этредж.

Но Мэри не шутила.

— Не паясничай, Чарльз. Граф Вурц настоящий джентльмен. Однако есть в нем нечто странное. Веющее бедой. Недавно ходили нелепейшие слухи: говорили, Катарина Грант так страдала от любви к нему, что умерла. И если бы не его вид, такой... такой *инфернальный*... люди бы ничего подобного не подумали.

— Как она умерла? — непринужденно спросил Этредж.

— Ох, кажется, это была анемия. Ей пришлось сделать невероятное количество переливаний крови. Но она все равно не выжила. Сам понимаешь, как глупо это звучит...

11

У графа посетитель

Был ли граф Леопольд Вурц тем, кого искали? Пять часов интенсивной, тяжелой работы помогли открыть ряд удивительных сведений. Комиссар Этредж и детектив-лейтенант Питерс убедились, что граф Вурц приобрел у Айкельмана брелок с бриллиантом и несколько других безделушек; они выяснили, что у Вурца действительно имелся «роллс-ройс», и удостоверились, что граф был *единственным* говорящим по-немецки аристократом среди клиентуры Айкельмана.

Являлись ли эти факты простым совпадением или же представляли собой ряд неявных улик, безошибочно указывающих на неуловимого преступника?

Иные сведения, которые удалось собрать полиции о графе Вурце, были не столь вдохновляющими. Выяснилось, что он не самозванец и его титул, как и право пребывать в Америке, не вызывает сомнений; Вурцы считались одним из стариннейших, а до войны и богатейших семейств Венгрии. Граф Вурц, мягко выражаясь, питал страсть к путешествиям. И обладал немалым состоянием.

Вот на такой личности комиссар Этредж сосредоточил свое внимание.

Вдруг, с пугающей внезапностью очнувшегося в гробу покойника, комиссар выбросил незажженную сигару в корзину для бумаг и вскочил на ноги.

— Питерс, я собираюсь нанести визит этому господину Вурцу, — объявил он.

Питерс, не выказав удивления, кивнул. Этредж едва ли не беспечной походкой покинул комнату...

Граф Вурц снимал апартаменты в безумно дорогом доме, эдаком двадцатидевятиэтажном вавилонском дворце. Этредж вышел из лифта и очутился в богато украшенном фойе с высоким сводчатым потолком. Бросив оценивающий взгляд на обстановку, он как ни в чем не бывало позвонил в колокольчик над изысканным столиком, служившим подставкой под низкую вазу, по всей видимости, предназначенную для визитных карточек.

Вскоре из длинного коридора, ведущего в комнаты, раздался звук тихих шагов, и перед Этреджем предстал пухлый блондин неопределенного возраста с необыкновенно пустым лицом. Он молча и равнодушно ожидал дальнейших действий посетителя.

— Мне бы хотелось увидеться с графом Вурцем, — уверенно сказал Этредж. И протянул визитку. Лакей зажал карточку между указательным и большим пальцами правой руки и, не взглянув, уронил ее в вазу на столике.

— Графа Вурца нет дома. Граф Вурц вернется после восьми, — монотонно и гортанно произнес он.

Этредж решил, что блондин, вероятно, служил семейству с незапамятных времен и был человеком умственно отсталым.

— Я приду в половине девятого, — медленно проговорил комиссар, чтобы лакей понял его. Тот ответил неловким кивком, напомнив прусского пехотинца...

Этредж ушел. Но в восемь двадцать пять он опять стоял в приглушенном свете роскошного фойе со сводчатым потолком.

На сей раз на звонок ответил другой слуга, вероятно, дворецкий, суровый субъект почти разбойничьего вида с жестким тонкогубым ртом и пронзительным взглядом.

— Пройдемте со мной, комиссар, — коротко сказал он, принимая трость и шляпу. — Граф Вурц нашел для вас время и попросил без промедления проводить вас к себе.

Не померещилась ли комиссару нотка презрения в его резкой манере?

Круто повернувшись, слуга прошествовал по коридору и остановился у затерявшейся среди безупречных деревянных панелей небольшой ореховой двери. Распахнув ее, он подождал, пока Этредж войдет, а затем тихо затворил дверь за его спиной.

* * *

Комната, в которой очутился Этредж, не поражала размерами — обычный закуток, отданный под библиотеку. Вдоль стен стояли полки в человеческий рост, забитые под завязку томами дорогими и не раз читанными, что тотчас бросилось комиссару в глаза. Ближе к центру комнаты в лучах яркой люстры обретался письменный стол; за столом сидел человек. Поблизости было удобное кресло, пододвинутое для беседы с гостем.

Хозяин поднялся, вышел из-за стола, протянул руку Этреджу. И Этредж во время краткого рукопожатия почувствовал, как по телу пробежали мурашки, словно он прикос-

нулся к змее или жабе. Стараясь побороть отвращение, он улынулся и сказал:

— Граф Вурц?

— Комиссар Этредж. Пожалуйста, садитесь.

Сидя напротив графа, Этредж тайком разглядывал человека, с которым так стремился встретиться. Сначала его постигло разочарование: граф был просто высок и худощав, лет тридцати пяти или около того, с резкими чертами лица, гладко выбрит, с необычайно длинными и тонкими руками, с редующими волосами на висках, посеребренных сединой. Одет он был строго — в безупречный смокинг и белоснежную рубашку.

Несколько минут они обменивались ничего не значащими фразами. Этредж действительно не знал, как начать разговор, и граф Вурц легко и без усилий направлял беседу. Но наконец комиссар сумел перехватить инициативу:

— Вы, граф Вурц, конечно, спрашиваете себя, зачем я здесь.

Граф вежливо наклонил голову.

— Да, мне было бы любопытно узнать это. Я рад побеседовать с вами, однако... — И он указал на загромождавшие стол бумаги.

Этредж залез в карман и, как бывало всегда, стоило ему почувствовать, что собеседник непрост, достал портсигар. Затем открыл его и предложил графу сигару. Губы Вурца на миг скривились в усмешке.

— Благодарю. Не курю. Могу ли я предложить вам вина? — И он потянулся за графином, стоявшим у него под рукой.

Этредж замешкался. Но граф с улыбкой наполнил два бокала. Грациозно поднеся один из них ко рту, он жестом предложил второй комиссару. Тот тоже взял бокал.

— Вы знали мистера Дэвида Айкельмана? — спросил Этредж.

Граф кивнул.

— Иногда я делал у него покупки.

Голос его звучал равнодушно, однако Этреджа не покидало ощущение, что Вурц затаился, подобно крадущемуся зверю. Глаза графа светились опасностью.

— Значит, вам известно, что Айкельман убит? — не сдавался комиссар.

Граф Вурц пожал плечами.

— Это известно всем и каждому. Спросите любого прохожего на улице, он ответит то же, что и я.

Этредж помолчал и заговорил снова. Ему хотелось, чтобы вся важность последующих слов застигла графа врасплох.

— Известно ли вам, что в таинственном посетителе магазина Айкельмана узнали вас? Знаете ли вы, что вчера вечером вас видели, когда вы без четверти девять отъезжали в своем автомобиле вместе с мистером Айкельманом от его магазина?

Глаза графа сверкнули ярким пламенем недвусмысленной угрозы, но тут же погасли.

— Вы меня поражаете, — спокойно ответил он. — Полагаю, здесь какая-то ошибка.

Этредж, приняв за аксиому то, что Вурц, как ни странно, был нужным ему человеком, хрипло атаковал:

— Никакой ошибки. Вы замешаны в смерти Айкельмана!

Как опрометчиво он заявил это, позволив нервам расшататься!

Граф Вурц чуть наклонился на стуле поближе к нему.

— Надо понимать, я арестован? — спросил он.

Комиссар Этредж покачал головой, проклиная себя за безрассудство.

— Пока нет.

Он поднялся, собираясь уходить. Граф Вурц смотрел на него любопытными, жадными глазами на неподвижном, словно высеченном из камня лице. Его тонкие губы горели кровавым пятном на мертвенно-бледной коже...

— Сядьте! — рявкнул граф.

Этредж осторожно опустился обратно в кресло. Вурц глядел на него, как на безобидное насекомое, неожиданно выпустившее жало.

— Хочу предупредить, — многозначительно проговорил граф. — Вы ведь состоите в отношениях с некоей мисс Мэри

Робинс?

Этредж не ответил на эту дерзость.

Граф продолжил:

— Когда-то она была не совсем равнодушна ко мне. Вы уж простите, если я покажусь излишне самоуверенным, но думается, увести ее у вас для меня не составит большой трудности. Будете мне досаждать, я вам отомщу. А что до дела Айкельмана, то, явившись сюда сегодня, вы выставили себя полным глупцом. Доброй ночи, сэр.

Комиссар Этредж возмущенно поднялся. Поборов желание опустить кулак на чрезмерно бледное лицо, он повернулся к выходу. Но вдруг заметил бокал графа. Он по-прежнему был полон до краев — граф не притронулся к вину.

— Вы не пили! — удивленно воскликнул комиссар.

Граф Вурц ухмыльнулся, и Этредж увидел жемчужно-белый оскал.

— Я не пью вина, комиссар Этредж. Оно напоминает мне кровь. Вы мне не нравитесь, сэр; начинаю думать, что я скорее изопью чашу с вашей кровью, чем бокал этого вина! А теперь, прошу, оставьте меня.

И граф Вурц смотрел, как закрывается дверь, все с той же механической, ужасающе вежливой улыбкой, застывшей на лице. Затем задумчиво снял телефонную трубку и набрал номер Мэри Робертс.

— Мэри? — спросил он, когда горничная позвала девушку к телефону. — Это Леопольд... Хотелось бы встретиться... Да, срочно. Ты сегодня будешь на благотворительном вечере у Мура?.. Ужин... от него я отвертелся, но после него ожидаются азартные игры. Знаешь, я собираюсь там читать мысли.

— Я ведь... не в самых близких отношениях с Мурами, — попыталась возразить Мэри.

— Но у тебя есть какие-то планы на вечер? Если нет, то пойдем со мной. Будет славно...

«Как волк!»

Комиссар Этредж, вернувшись в полицейское управление, сел за свой стол и схватился за голову. Господи, что за ерунда! Ни единой улики против Вурца. Бэйнс даже не знает, был ли тот автомобиль «роллс-ройсом». О'Шонесси не видел лица человека, приходившего к Айкельману в магазин. Ни одного отпечатка пальца, необходимого для обвинения, не найдено.

А газеты только и ждут ареста...

К тому же этот упрямый коронер из Уолкотта написал в отчете, что тело Айкельмана сочилось свежей кровью, тогда как сутками ранее доктор Хэнлон с уверенностью утверждал, что потеря крови привела Айкельмана к смерти от анемии!

Да и как в трупе человека, умершего сорок часов назад и находящегося на первых стадиях разложения, мог оказаться переизбыток живой крови?

Почувствовав, что еще секунда бездействия сведет его с ума, Этредж вскочил на ноги, сделал два стремительных шага и распахнул дверь.

— Питерс!

Из дверного проема чуть дальше по коридору высунулась голова Питерса.

— Зайдите и составьте мне компанию, — приказал комиссар, — иначе я умом тронусь.

В кабинете он рассказал Питерсу о случившемся и дословно передал разговор с Вурцем.

— Он насквозь порочен, — серьезно сказал Этредж. — Я чувствую все зло, от него исходящее, как если бы передо мной была гремучая змея. Он как волк.

Питерс пробормотал, будто бы про себя:

— Как волк, говорите? Надо же!

В этом странном замечании не было ни намека на насмешку. Этредж вздрогнул.

— Вы о чем? — медленно спросил комиссар.

Но Питерс ушел от ответа.

— Лучше пока вам не знать. Иначе решите, что у меня не все дома. Мне бы как-нибудь на этого парня посмотреть.

— Еще увидите, — мрачно пообещал Этредж...

Повисла тишина.

Вдруг Этредж беспомощно развел руками.

— Черт побери, Питерс, я места себе не нахожу... Пойду-ка к Мэри. Мне нужно выпить.

Он набрал номер девушки. Ответила горничная, сказав, что Мэри ушла на благотворительный вечер к Мурам: «Граф Вурц пригласил».

Этредж изумленно положил трубку и посмотрел на Питерса, сидящего напротив.

— У вас смокинг выглажен? — спросил он с показным равнодушием. Но голосом надтреснутым, неестественным.

— Думаю, да, — ответил Питерс. — Я приготовился к балу на день святого Патрика.

Этредж провел языком по пересохшим губам.

— Хорошо, тогда идите домой и переоденьтесь. У нас по плану посещение благотворительного вечера миссис Уэстон Б. Мур. Не исключено, что нам повезет и вы встретитесь с графом Вурцем лицом к лицу!

13

Вечер у миссис Мур

Мистер Уэстон Б. Мур был одним из множества нуворишей, возвращенных «Ревущими двадцатыми», и одним из немногих, ухитрившихся сохранить состояние после Великой депрессии. В наиболее консервативных кругах поговаривали, что дело тут в его отнюдь не кристальной честности...

Но как бы то ни было, если миссис Уэстон Б. Мур затевала что-либо, она делала это с размахом. И благотворительный вечер не стал исключением из правил. Она украсила

свой сад тысячами разноцветных фонариков. На одной из террас устроила танцевальную площадку и не поскупилась на дорогой оркестр. Вдоль дорожек и тропинок в дюжине стратегических точек расставила армию официантов, смешивающих напитки для текущей рекой толпы. Избранные из ее ближнего круга теперь присматривали за двумя десятками ярких киосков с разнообразными надписями: «Предсказание судьбы», «Восточная ночь», «Поцелуй»... В нескольких комнатах ее особняка велась игра — за карточными столами и рулеткой. Каждый час на лужайке перед домом давала представление труппа яванских танцовщиц.

Над всей этой кутерьмой и легким опьянением витал, надо сказать, не то что бы непринужденно, Дух благотворительности.

Миссис Мур, переспелая крашеная блондинка, лично приветствовала графа Вурца и Мэри у столика, целенаправленно поставленного у ворот усадьбы. С графом Вурцем она рассыпалась в любезностях, затем преувеличенно вежливо поздоровалась с Мэри.

— Я так и знала, что вы придете после ужина! — щебетала она. — Я рассказала всем-всем за столом, как вы ненавидите ужинать вне дома. Все те, кто с вами пока не знаком, сгорают от желания познакомиться со столь эксцентричным господином! А уж когда я сказала им, что вы будете предсказывать судьбу...

— Никаких предсказаний, — с улыбкой поправил ее граф Вурц. — Буду просто читать мысли. Сами понимаете, это всего лишь фокус.

— Ах, граф, я не сомневаюсь, что здесь нечто большее, чем простой *спектакль*! Вы говорите, как настоящий профессионал. Я всем-всем сказала, что вы были на Тибете, и в Китае, и в разных удивительных странах. Это будет сенсация. Вы всегда казались таким невероятно загадочным!

Граф Вурц нахмурился.

— Никогда не хотел выглядеть загадочным, — быстро проговорил он. — Всегда пытался быть как можно... нормальнее и человечнее.

Миссис Мур зарделась.

— Какой вы скромный! Однако, я совсем вас заболтала. Простите. Делайте что душе угодно, дорогие мои, развлекайтесь. Как я рада, что вы пришли, мисс Робертс. А когда вы займете свое место в шатре для чтения мыслей, граф Вурц?

Граф задумался.

— Ну, не слишком поздно. Скажем, я буду там с... одиннадцати до двенадцати. Это даст вашей профессиональной гадалке час передышки.

Миссис Мур восторженно закудахтала:

— Чудесно! Я сейчас же отдам распоряжения. И не растягивайте свои... свои сеансы, или как там это называется, надолго. Просто ошарашьте человека каким-нибудь неожиданным откровением — и зовите следующего. Граф Вурц, вы произведете фурор. Да мы за вход к вам по пятьдесят долларов брать будем.

По неясной причине граф Вурц довольным не выглядел.

* * *

Мэри Робертс и Вурц медленно прогуливались по дому и саду, время от времени останавливаясь попытать счастья в какой-нибудь игре или купить по завышенной цене безделушку, пока не дошли до цыганского шатра. Он, в отличие от большей части аттракционов миссис Мур, был настоящим. Его потрепали время и ветры; некогда сияющий яркими красками стяг на нем пестрел штопкой и заплатами. У входа стоял зазывала, смуглый человек с крючковатым носом и бегающими черными глазами чистокровного цыгана. У шатра притулились на корточках двое ребят-шек, а внутри, конечно, сидела их мать-цыганка, жена зазывалы. Где бы миссис Мур ни разыскала гадалку, пусть даже через театрального агента, ей удалось привлечь на вечеринку нечто подлинное — к сожалению, едва ли не единственно истинное на ее фальшивом празднике.

Затем произошло что-то странное. Мэри остановилась и зачарованно посмотрела на цыганят. Зазывала в эту минуту молчал, так как в шатер недавно зашел посетитель. Граф Вурц остановился чуть поодаль.

Цыган скользнул взглядом по Вурцу. Их глаза встретились.

Не исключено, что в тот миг граф думал о чем-то своем, позабыв, где он находится.

Цыган же, уставившись в его смотрящие в никуда глаза, неожиданно вздрогнул, попятился и затрясся от ужаса. А затем — дрожащей рукой — осенил себя крестом!

Да и с графом Вурцем внезапно произошло неладное. Он грубо схватил Мэри за руку и потащил ее прочь...

— Не то яванский танец пропустим, — объяснил граф, когда она попыталась возразить...

Пройдя вдоль стоящих в ряд киосков, они добрались до конца центральной аллеи. Вскоре показались яванские танцовщицы. Мэри с наслаждением посмотрела их представление; граф, однако, стоял рядом с ней с видом чуть ли не отстраненным, будто взирал свысока на тщету человеческую и происходящее вокруг совершенно его не касалось.

На обратном пути граф Вурц посмотрел на часы.

— Не хочешь ли потанцевать, Мэри, пока я... даю спектакль? Или предпочитаешь азартные игры?

Мэри задумалась.

— Что-то танцевать не хочется. Я тут почти никого не знаю. Хотя от рулетки я бы не отказалась.

Граф остановился у входа в особняк, достал из кармана тонкую пачку хрустящих новых купюр и протянул ей.

— Выиграешь, поделим пополам. Проиграешь, ну и пусть. Что нам деньги?

14

Секундное опоздание

Комиссар Этредж и детектив-лейтенант Питерс добра-

лись до поместья Муров именно в ту минуту, когда в громкоговорителях, развешенных по центральной аллее, прозвучало объявление, что граф Леопольд Вурц находится в «Шатре прошлого, настоящего и будущего» и в течение часа будет проводить там сеансы чтения мыслей.

По странному совпадению, миссис Мур реквизировала для этих целей тот самый цыганский шатер.

— Вы хотели посмотреть на Вурца, — угрюмо сказал комиссар Этредж. — Вот вам деньги. Я и без того собирался сделать пожертвование, но лучше вложиться именно таким способом.

Вокруг выцветшего шатра успела собраться чуть не сотня гостей. Несколько человек в переднем ряду приготовились заплатить и лично выяснить, есть ли правда в экстравагантных утверждениях миссис Мур.

Первый посетитель, представительный джентльмен средних лет, уже вошел внутрь через полотняный полог. Граф Вурц, очевидно, настроился как можно быстрее разлучить гостей с их деньгами благотворительности ради: не прошло и полутора минут, как клиент с несколько изумленным выражением лица выскочил из шатра, бормоча нечто невнятное.

Первый успех Вурца подстегнул любопытство толпы, тут же выстроившейся во внушительную очередь. Комиссар Этредж почувствовал облегчение, увидев, что Питерс ухитрился пробраться в первую шестерку: такими темпами он должен был оказаться в шатре минут через десять, а то и раньше.

Вурц отправлял клиентов восвояси со скоростью механизма. Люди входили в шатер и сразу же выходили из него с ошеломленными и оттого глуповатыми лицами.

«А он знает свое дело», — подумалось комиссару.

Детектив-лейтенант Питерс, сейчас стоявший чуть ли не у самой двери, тоже осознал всю серьезность положения, в которое себя завел, и решил начать что-нибудь сосредоточенно напевать в уме. Ни единой мыслью не должен он был выдать графу, как его зовут и кто он по роду занятий.

Пока он раздумывал над этим, настал его черед идти в шатер; в следующую секунду он почувствовал, как из его

руки вынимают пятьдесят долларов за билет, а затем грязный полог опускается за его спиной.

Висящая над головой электрическая лапочка, два позолоченных стула, стол с принадлежностями для гадания: хрустальным шаром и колодой засаленных карт — вот и всё, что составляло обстановку.

Но Питерс отметил это лишь бессознательно, потому что его внимание приковал человек, сидящий с совершенно прямой спиной на одном из стульев лицом к входу. Высокий и едва ли не до истощенности худой, с острым подбородком и чуткими ноздрями, он прожигал посетителя пронзительным взглядом. И в то же время лицо графа Вурца оставалось неподвижным, как у мертвеца. Его щеки поражали смертельной бледностью. И лишь тонкие губы пылали алым, словно покрашенные.

Эти впечатления мгновенно пронеслись в мозгу Питерса. Он почувствовал, как внутри растет паника, и принялся напевать про себя одну и ту же строку: «До неба далеко-высоко; до неба далеко-высоко».

Тонкогубый рот графа дернулся.

— Садитесь, — сказал он и вдруг произнес:

— «До неба далеко-высоко». Вы сопротивляетесь мне. Но это не имеет значения: хотите — продолжайте, но так только деньги впустую потратите. Как вас зовут?

Питерс молчал, однако в голове непроизвольно всплыло имя. Граф улыбнулся.

— Питерс. А профессия? Полицейский? — Глаза его холодно блеснули. — Любопытно. Вы знакомы с комиссаром Этреджем? И меня знаете? Полагаете, я замешан в дело Дэвида Айкельмана?

Граф с серьезным видом подался вперед.

— Вы понимаете, что связать меня с Айкельманом невозможно — это абсурд. Пожалуйста, не беспокойте меня больше по этому поводу...

А затем, со скоростью бегущего по проводам тока, в мозг Питерса вернулась мысль об изначальной цели его визита. Стоило ему об этом подумать, как граф Вурц тоже ее узнал. В подтверждение этому, как только рука Питерса скользну-

ла во внутренний карман пиджака, аристократ моментально дернулся вперед и выбил блестящий прямоугольник из руки посетителя. Предмет упал на грязный ковер, и начищенный ботинок графа Вурца опустился на него, раздробив на сотню осколков...

Питерс, как сумасшедший, принялся напевать про себя: «До неба далеко-высоко, до неба далеко-высоко...»

Граф Вурц заговорил едким тоном:

— Какие интересные у вас подозрения, господин детектив-лейтенант Питерс. Вам бы лучше о подобном не думать. Вы же не в Средневековье, не в феодальной Европе, а в современной Америке. Заикнетесь кому-нибудь о них — и станете посмешищем. А сейчас уходите.

Граф не знал одного: выбивая зеркальце из руки Питерса, он опоздал на секунду. И то, что Питерс увидел, теперь не давало полицейскому покоя!

15

Мэри Робертс

Питерс вышел из цыганского шатра с белым как мел лицом. Губы шевелились, словно он что-то твердил про себя; в глазах застыл неприкрытый ужас.

Толпа довольно ахнула: граф Вурц оказался настоящей сенсацией...

Комиссар Этредж поспешил к коллеге, поддержал его за локоть и повел прочь от зевак. Питерс пошатывался, будто пьяный. Этредж остановился в безлюдном месте за небольшой рощицей. Питерс молчал.

Внезапно лейтенант поднес руку ко рту, напряженно сглотнул — и его вывернуло чуть ли не наизнанку!

— Господи, — прохрипел Этредж, — что же там произошло?

Питерс покачал головой. Его лоб покрылся испариной.

— Не могу... пока вам сказать, комиссар. Это... это невероятно. Погодите... поговорим попозже. Принесите... принесите мне выпить.

Этредж быстро вернулся в центральную аллею и нашел киоск с напитками.

— Стакан виски, — коротко приказал он.

Бармен в белом пиджаке приподнял брови, однако исполнил приказ. Этредж взял стакан, положил на стойку десять долларов и зашагал по аллее обратно.

Возле цыганского шатра он внезапно замедлил шаги. Оттуда только что вышел человек — очень смуглый мужчина с багровым шрамом на левой щеке, оставленным, вероятно, лет двадцать назад ударом сабли.

Комиссару Этреджу он показался подозрительно знакомым...

Питерс без промедления проглотил принесенный напиток, после чего вроде бы успокоился. Теперь, опираясь на руку Этреджа, он смог вернуться на аллею.

И вот тогда Этредж увидел, что у ворот поместья стоят граф Вурц и Мэри! Они как раз намеревались сесть в автомобиль графа. Этредж сжал руку Питерса.

— Пойдемте, соберитесь с силами. Нам нельзя их упускать!

Грубый, звероподобный слуга, провожавший Этреджа тем вечером в библиотеку к Вурцу, теперь был одет в форму шофера. Он открыл дверцу «роллс-ройса» перед хозяином с дамой, а затем сел за руль. Постепенно набирая скорость, машина скользнула в темноту.

16

Гипноз

Пока автомобиль мягко рассекал ночную тьму, граф Вурц вкрадчиво спросил Мэри:

— Устала?

Его голос излучал море доброты. Он внимательно смотрел на спутницу, не выдавая собственного удовлетворения. Ведь она, не чувствуя подвоха, сидела у окошка, и ночной бриз ласкал ее правую щеку; в ней не было ни подозрений, ни напряжения.

— Нет, не устала. — Она порылась в сумочке и протянула ему свернутые купюры. — Я проиграла, — расстроенно сказала она.

Он взял деньги и положил в карман, не пересчитывая.

— Ерунда! Я о выигрыше и не думал. Сама игра понравилась?

Она усмехнулась.

— Как любому другому в подобных обстоятельствах.

— Тогда деньги потрачены не зря, — заверил ее граф.

Немного помолчав, он продолжал, как показалось Мэри, с грустью в голосе:

— Посмотри на меня, Мэри. Ты меня боишься?

Их взгляды встретились: в слабом блеске его глаз светилась нежность; глаза Мэри лучились дружкой, которую она мечтала подарить этому одинокому, никем не понятому человеку. Она думала о том, что люди были несправедливы к графу: «Они... в глубине души считают его чудовищем. Но он... не такой».

— Я тебя не боюсь, — выдохнула она.

— Посмотри на меня, — прошептал он.

В его голосе было успокоение и торжественность звучащего издалека песнопения. Она слушала его и чувствовала, как накатывает истома и сладко опускаются веки. Душа, вырвавшись из тела, парила в эфемерном пространстве сновидений. Осязаемый мир с проносящимся мимо ночным пейзажем, монотонным гудением мотора, светом фар и нарастающим гулом встречных автомобилей исчез в бесплотности теней. Вся реальность сосредоточилась в глазах графа Вурца: Мэри почудилось, что если она сможет достаточно глубоко проникнуть в них, там найдутся разгадки всех тайн, пришедших из глубин времен. Глаза Вурца горели, словно глаза божества...

Сама того не осознавая, Мэри все глубже и быстрее со-

скальзывала в манящий и бесконечный водоворот. Глаза графа Вурца росли, превращаясь в солнца-близнецы, ослепительные, роковые, кроваво-красные. И если до этого она будто скользила по склону, то теперь он превратился в крутой откос перед пропастью.

Ее захлестнул горячий, невыносимый страх. Она отчаянно стремилась выползти из этой невероятной пропасти обратно в явь. Но вдруг откос исчез. И она падала, падала, падала с нарастающей скоростью в небытие.

А глаза графа Вурца продолжали расширяться, пока не заполнили вселенную целиком; казалось, что сейчас будет последняя вспышка зловещего света! А потом — тьма...

Граф Вурц резко отпрянул и выпрямил спину, глядя на девушку, которая сидела с широко распахнутыми, слепыми глазами, погрузившись в абсолютную черноту гипноза. В его глазах не осталось ни намек на нежность; в полутьме они сверкали, как у зверя. Вурц медленно заговорил:

— Ты под гипнозом. Я твой хозяин. Ты подчинишься мне, когда бы я ни позвал, где бы ты ни находилась. Поняла?

— Поняла, — ответила Мэри. В ее голосе не было ни следа разумного сознания, не было ни личности, ни жизни.

Граф наклонился к ней, провел несколько раз ладонью перед ее глазами и обратился к ней по имени. Мэри очнулась с пугающей внезапностью.

— Я... я упала в обморок? — удивленно спросила она. — На какое-то мгновение у меня сильно закружилась голова.

— Ты побледнела... самую малость, — заверил ее Вурц. — Наверное, в зале с рулеткой было накурено...

17

Голый череп

Комиссар Этредж и детектив-лейтенант Питерс проследовали за «роллс-ройсом» до самого центра города. Не ве-

ря своим глазам, они сейчас наблюдали, как граф Вурц за- просто провожает Мэри до ее двери.

Затем пересекает тротуар, садится обратно в автомобиль... Полицейские молча смотрели, как «роллс-ройс» отъезжает от обочины и исчезает в потоке транспорта.

И тогда заговорил Питерс:

— Комиссар, нам надо поехать туда, где никто не помещает нашей беседе. Это... это существо опасно. Нужно подумать над планом.

Этредж, ничуть не удивившись, согласился:

— Отправимся ко мне. Я неплохо смешиваю виски с содовой...

Этредж не обманул. Однако Питерс, сидя в одном из мягких кресел комиссара со стаканом крепкого напитка в руке, все еще не знал, как начать.

— Комиссар, — наконец сказал он, — вы что-нибудь читали про вампиров?

Да, прямо к делу! Он не стал ходить вокруг да около.

Этредж покрутил в руке стакан.

— Попадалось что-то в библиотеке, — ответил он. — Да и в кино пару-тройку раз их показывали.

— Комиссар, — без тени улыбки продолжал Питерс, — вампиры действительно существуют. Граф Вурц — вампир.

Этредж рассмеялся.

— Чепуха, Питерс. Вампиры — это средневековые выдумки, как привидения, ведьмы и прочие суеверия. Может, вам... нехорошо?

Питерс отрицательно покачал головой.

— Со мной все в порядке.

Он взял стакан, сделал маленький глоток и поставил обратно.

— Комиссар, мир верил в вампиров тысячи и тысячи лет, — с необычной серьезностью настаивал лейтенант. — В любой стране, среди людей всех рас, самых образованных и самых невежественных, живет и процветает вера в вампиризм. Не будь для нее оснований, она бы ни за что не преодолела все языковые барьеры, не пересекла океаны и пустыни, не выдержала испытания веками.

Этредж заерзал и пробормотал:

— Фольклор.

Питерс кивнул.

— Конечно, фольклор, но такой фольклор, в который по сей день верят шестьдесят процентов народностей мира; вечные легенды, поражающие, если копнуть глубже, легкой узнаваемостью и неизменным сходством описываемых феноменов. У вампиров одни и те же характеристики. И неважно, откуда пришло сказание — из Америки или Бирмы. Вампиры существовали всегда, комиссар. Нам лишь не удалось их изучить, добраться до их сути.

— Неупокоенные, — кивнул Этредж. — Ни живые, ни мертвые. Хорошо, я выслушаю вас. Но предупреждаю, что меня не переубедить.

В комнате на мгновение воцарилась напряженная тишина. Комиссар ждал продолжения. Питерс заговорил, сперва довольно неуверенно.

— Я читал о подобном, — будто извиняясь, сказал он. — Не потому, что верил, а просто интересовался, как вышло, что легенды о вампирах так распространены. Мне хотелось выяснить, почему целые народы туманили себе головы столь невозможными сказками. Поначалу меня чрезвычайно удивляло то, что рассказы о вампирах, прочитанные мной, в сущности настолько похожи друг на друга. Я не мог найти этому удовлетворительного объяснения.

Но постепенно, сам того не желая, я был вынужден заключить, что сказания о вампирах основаны на реальных фактах, пусть даже искаженных выдумками и невежеством рассказчиков. Это вдруг подогрело мой интерес к отрывочным сведениям о вампирах и вампиризму в целом. Я принялся отделять правду от фантазий, чтобы как можно яснее увидеть, какие из основных черт вампиров наиболее распространены и имеют научное объяснение. Я хотел узнать, на что вампир способен, а на что нет, и примирить это знание с законами природы; короче, моей целью было разрушение легенды о вампиризме. Выяснив, какие главные характеристики роднят всех вампиров, я начал склоняться к мысли, что в действительности так называемые вампиры мо-

гут быть членами некоего тайного культа и, весьма вероятно, обладать отличными навыками гипноза, а также физическими возможностями, превышающими силу обычных смертных, и все это благодаря строгой системе питания и упражнений. Почти повсеместная легенда о том, что вампиры питаются исключительно человеческой кровью, отлично вписалась в эту гипотезу.

Комиссар Этредж вздохнул с облегчением.

— Здесь мне совсем нечего возразить, — сказал он.

* * *

Питерс мрачно кивнул.

— Скажу вам не только это... Конечно, я отсеял как можно больше невероятных черт, которыми наделялись вампиры. К примеру, мне не верилось, что они способны изменять телесную форму, превращаясь в волков или летучих мышей. Однако, следуя теории, что вампиризм является культом, я допускал, что они умели внушать подобные иллюзии с помощью гипноза. Я не понимал, почему вампиры не могут пересекать текущую воду или чем им так страшен чеснок. Я проследил появление легенды о могуществе креста в борьбе с вампирами и понял, что происхождение ее церковное: в Средние века священники использовали крест и святую воду против всех сил зла. Я поверил, что вампир умрет, если воткнуть ему в сердце кол, выстрелить серебряной пулей или вонзить в него серебряный кинжал, хотя в душе предполагал, что свинцовая пуля или стальной кинжал исполнят эту роль не хуже. Как ни странно, за все время моего погружения в тему нашлось очень мало, так сказать, доказанных случаев убийства вампиров.

Меня так и не смогли убедить в том, что вампир — это человек, который умер и не умер одновременно, то есть является, как его часто определяют, «неуспокоенным покойником». И я не сомневался, что в зеркале вампир отразится.

Питерс замолк, его охватила дрожь.

— Граф Вурц... отражается в зеркале, — прошептал он. — Я взял зеркальце с собой в шатер, посмотрел в него... посмотрел на графа Вурца. Да... я видел его отражение.

Он заставил себя продолжить:

— Когда произошло убийство Айкельмана, мое любительское расследование уже привело меня именно к этим выводам. А теперь, комиссар, я должен найти объяснение произошедшему в реальности, понять, как вышло, что нечестивая форма жизни, которой и существовать-то не должно, существует! Ибо, комиссар, граф Вурц — вампир, он будто вышел из старинных сказаний о вампирах!

— Вы утверждаете, что он мертв и в то же время жив? — осторожно спросил Этредж. — Чепуха!

Питерс покачал головой.

— Вот уж не знаю. Но научное обоснование непременно найдется — обязано найтись. Я понятия не имею, вправду ли он мертв или это какая-то зловещая отсрочка прихода смерти.

В зеркале я увидел череп. Комиссар, это был голый череп, но с настоящей кровью в сосудах, пронизывающих серую гниющую плоть! По какому необыкновенному природному закону это *существо* кажется нам человеком, я ни за что не скажу; разве что это мощный гипноз. Вурц, должно быть, умер десятилетия два назад. Он скелет, облаченный в живой гной и ярко-красную кровь. Это объясняет, как он протиснулся между прутьями решетки в морге: это же кости да слизь, почему бы им не просочиться в такие узкие щели?

— Айкельман, тем не менее, только-только умер, — напомнил Этредж.

Питерс согласился.

— Вурц высосал его кровь и заразил его. Айкельман тоже был вампиром. Он начал быстро разлагаться, еще до того, как О'Шонесси обнаружил тело. Вы же помните, уолкоттский коронер сказал, что ювелир, вероятно, мертв примерно тридцать шесть часов, тогда как мы знали, что Айкельмана видели живым в тот же вечер?

Питерс серьезно кивнул, подчеркивая свои слова.

— Вампиры — действительно живые мертвецы. Это существа, тела которых каким-то чрезвычайным образом вместо пребывания в могиле продолжают двигаться и жить, пусть и чудовищно изменившись!

Он умолк. Тут собеседники заметили, как первый серый лучик рассвета проник в комнату, отчего теплое электрическое сияние поблекло.

Этредж неуверенно рассмеялся.

— Тогда ваш вампир сейчас спит, — сказал он. — На дворе-то рассвело.

У Питерса перехватило дыхание. Неужели Этредж прав? Может, он специально притворился, а на деле пытался заставить себя не верить в то, что пишут о вампирах? Исключено ли, что столько легенд в совокупности своей содержат толику истины? Вполне вероятно, что вампиры *в самом деле* спят с рассвета до заката. Не представляется ли допустимым, что на нечеловеческие процессы, отвечающие за их существование, каким-то образом влияет прямой солнечный свет?

А если это так, то почему бы серебряным пулям не вредить вампирам больше, чем сталь и свинец? Вдруг их нечеловеческая физиология не переносит серебра? И чеснока.

Питерс глубоко задумался.

— Комиссар, — сказал он, — возможно, вы не ошибаетесь и Вурц сейчас спит. Нам нельзя терять времени. Мы пойдем к нему и уничтожим его!

18

Отчаянное намерение

Прошло полдня, однако Этредж и Питерс ничего не предприняли для уничтожения Вурца. Вместо этого они заперлись в кабинете комиссара, похожем на офис клерка, и спорили, спорили, спорили.

Питерс, увы, не предвидел, как подействует на Этреджа домашняя рутина: ванна, смена белья, завтрак. Яркий дневной свет затмил события ночи, а вместе с ними начала таять вера в догадки, которые всего-то несколько часов назад казались такими правдоподобными.

— Этот человек, безусловно, убийца, — яростно доказывал Этредж. — Но, Питерс, мы не можем запросто ворваться в его дом и казнить, руководствуясь такими дикими предположениями, как ваши. Здесь должен действовать закон.

Питерс выругался.

— Но, дружище, вы сами не представляете, какого демона вы выпускаете из рук! Неужели вам неясно, что сегодня, пока не стемнело, наш последний шанс? Завтра Вурц исчезнет. Но вчера у него не было времени покинуть свое... свое проклятое логово. Он пока еще там.

С порывистостью человека, внезапно решившегося на отчаянный шаг, Этредж отрезал:

— Я вам скажу, что сделаю. Рискну своей карьерой — и вашей тоже — но достану Вурца. Мы арестуем его и обыщем квартиру. Но если улики против него не найдется...

Питерс, почувствовав мрачное удовлетворение, кивнул.

19

Живые мертвецы

— Ушел!

Они час орудовали ломиком и топором, вскрывая стальную дверь, ведущую от лифтов в жилище Вурца.

— Ушел! — вновь прошептал Питерс.

В огромных апартаментах царила мертвая тишина, будто в полночь в соборе...

Полицейские вошли в коридор и беззвучно прошли по нему, утопая ногами в толстом ковре. По пути они проверяли все двери. Какие-то легко открывались, и полицейские видели комнаты, меблированные с показной роскошью. Некоторые оставались запертыми.

Казалось, они идут по дворцу, пустому и давно покинутому обитателями, только и ждущему, когда появится новый хозяин и своей живостью и смехом преобразит его в рай на земле.

— Его логово! — прохрипел Этредж.

Ломиком и топором он проделал щель в толстых ореховых панелях. Комнату залил свет. Это Питерс включил лампу на столе.

Но обыск письменного стола графа Вурца ничего не дал. Там не нашлось ни компрометирующих бумаг, ни подозрительных документов.

Затем Этредж и Питерс перешли к полкам, вынимая книгу за книгой и с надеждой пролистывая их. Ничего там не найдя, они простучали стены, перевернули ковры и заглянули за картины. Обыск оказался безрезультатным.

Наконец Этредж, остановившись посреди кабинета, проворчал:

— Хватит терять здесь время, Питерс. Мы уже сунули головы в петли. Так что теперь можем обыскать и другие запертые комнаты.

Они вскрыли дверь соседней комнаты и замерли от удивления.

Внутри было мрачно, почти темно. На окнах висели плотные шторы; свет проникал сюда только из коридора. Но хватило и этого тусклого освещения, чтобы разглядеть богато обставленную спальню.

Поверх шелкового покрывала на кровати лежала женщина в красивом платье: руки скрещены на округлой юной груди, волосы тщательно уложены, губы приоткрыты, между ними — блеск ослепительно белых зубов. Ножки в серебряных туфельках покоились на бархатной подушечке, аккуратно положенной на покрывало.

— Господи! — выдохнул Этредж, входя в комнату. — Она либо мертва, либо сон у нее очень крепкий!

Он подскочил к кровати, осторожно взял девушку за запястье и сосредоточенно замер. Потом, покачав головой, склонился, приспустил сияющую ткань вечернего платья с атласных плеч девушки и прижал ухо к ее красиво очерченной груди.

— Она... мертва!

Питерс включил ночник рядом с собой и посмотрел на тело. Он приподнял девичью руку и отпустил — она медленно упала. Ему показалось, что хотя плоть была холодна, ее сковал не холод простой человеческой смерти. Это скорее походило на хлад безымянного ужаса, пробуждающего отвращение, хлад червоточины — красоты нечестивой.

— Она не умерла, — прохрипел он, — но и не жива. Глядите: на щеках румянец, губы изогнуты в улыбке. Тело ослаблено, напоминает тряпичную куклу. Она будто бы вот-вот раскроет глаза и заговорит с нами.

— Катаlepsия, — пробормотал Этредж. — Нам нужен врач. Она слишком молода, чтобы умереть, — и слишком красива.

Взгляд Питерса помрачнел.

— Не катаlepsия. Нужно зеркало! — Он оглядел комнату. И ахнул.

В этой роскошной спальне зеркала не было!

— Комиссар, — медленно начал он, — вы мне поверите, если я предъявлю доказательство?

Этредж серьезно кивнул.

— Тогда вызовите лифт. Идите и найдите зеркало. Принесите его сюда. — Он присел на край кровати, не глядя на недвижно лежащую рядом с ним красавицу в приведенном в беспорядок вечернем платье.

Звук удаляющихся шагов Этреджа смолк...

Питерс заворуженно посмотрел на лицо девушки.

«Интересно, кто она... кем была?» — мрачно подумал он. Он пристально вгляделся в ее черты, от ослепительной красоты перехватило дыхание. Но в то же время ему было не по себе: такой красоты, красоты блудной и бездушной, ему еще не приходилось встречать ни в одной женщине. Постепенно на душе становилось все тревожнее, по спине побежали мурашки...

В комнату тихо вошел Этредж, приблизился к другой стороне кровати и устался на лежащую перед ним девушку. В руках его был небольшой кожаный футляр. Питерс догадался, что комиссар побывал в аптеке на углу и купил набор туалетных принадлежностей, в который входило зеркальце. На лице Этреджа застыло выражение крайнего удивления.

— Зажгите люстру, Питерс. По-моему, я уже... уже встречался с ней раньше.

Питерс молча устался на Этреджа, который изучал спокойное, красивое лицо девушки при ярком освещении.

— Определенно, я ее видел, — бормотал комиссар. — Но где? Она очень похожа на Катарину Грант, да вот только сестры у Катарины не было. А сама она, — задумчиво произнес он, — конечно, мертва.

Этредж резко замолчал. В голове всплыли слова Мэри: «Недавно ходили нелепейшие слухи: говорили, Катарина Грант так страдала от любви к нему, что умерла».

— Давайте, Питерс, — приказал он, — не будем медлить с вашим зеркальным экспериментом!

* * *

Дрожащими руками Питерс раскрыл кожаный футляр и вынул дешевое прямоугольное зеркало. Он встал так, чтобы свет, падающий на застывшее, бездушное лицо красавицы, как можно отчетливее выявил его черты...

И посмотрел на отражение. Поначалу выражение Питерса не менялось, оставаясь выжидательным и опасливым, словно он принуждал себя смотреть на нечто жуткое. Затем, как ни странно, иступленный страх исчез из его взгляда, но руки по-прежнему сильно тряслись. Он с неловкой решимостью протянул зеркало комиссару.

— Не такое уж оно и страшное, не как у Вурца, — буркнул он. — Хвала Создателю! И как давно умерла эта Грант?

— Примерно полгода назад, — ответил Этредж.

Питерс дотронулся до его руки.

— А Вурц уже лет двадцать мертв, — сказал он. — Это точно она. Посмотрите сами.

Когда Этредж взглянул в зеркало, его лоб покрыла испарина, он мгновенно побледнел: девушка в отражении потеряла всю нежность и свежесть, ее испещренная сероватыми пятнами кожа мерцала пурпурной синевой. По лицу разлилась восковая желтизна, местами переходящая в бурый цвет опавшей листвы.

— Маска смерти, — прошептал Этредж. — Смерти, спасенной от разложения рукой искусного бальзамировщика.

Он уронил зеркало и неверящими глазами посмотрел на девушку: она лежала перед ним, бледная и нежная, будто спящая!

— Питерс, что это за чертовский фокус с зеркалом? — сипло спросил он дрожащим голосом. — Что за этим стоит? — И тут его поразила ужасающая мысль: — Интересно, как эта женщина будет выглядеть на фотографии? Неужели так же, как в зеркале?!

Комиссар распрямился с суровым и напряженным видом.

— Она не пробудится? — Он бросил оценивающий взгляд на лежащую.

— Легенды утверждают, что нет. До заката, — с пугающей уверенностью ответил Питерс.

— Тогда пойдете. Надо обыскать остальные комнаты — и найти графа Вурца!

20

Во власти вампира

Первой Этредж и Питерс обыскали изысканно обставленную комнату, вероятно, гостевую. К своему удивлению, там они обнаружили зеркало, великолепное, двойное, в тяжелой бронзовой раме.

— Наш друг граф, должно быть, временами принимает гостей, — многозначительно произнес Этредж. — А он в себе весьма уверен!

Вторая комната оказалась меньше. Обставлена скуднее; в пустом шкафу висел костюм дворецкого; в комодѣ нашлась лишь кучка заношенного белья.

Безусловно, здесь жил тот самый слабоумный, который встретил Этреджа при его первом визите днем...

Остались только две запертые двери, и, сломав одну из них, полицейские внезапно завершили свои поиски. Нарушив неприкосновенность уединенного пристанища, они уви-

дели чрезмерно худого, безупречно одетого графа Вурца, погруженного в сон и лежащего на кровати поверх покрывала...

Этредж быстро и бесшумно пересек комнату. К безукоризненно белой манишке аристократа был пришпилен квадратный листок бумаги с монограммой. Комиссар протянул руку и сорвал его с груди графа Вурца.

Это было вызывающее в своей краткости послание, на чертанное неразборчивым почерком Вурца, и предназначалось оно комиссару:

Комиссар Этредж! Не совершайте опрометчивых поступков. Свяжитесь со своей невестой. Она спит. Лишь я способен пробудить ее.

Леопольд Вурц.

Безжалостное письмо упало к ногам Этреджа. В смятении он обернулся и увидел телефон в нише у изголовья кровати. Дрожащими пальцами он набрал знакомый номер Мэри.

Этредж, сходя с ума от отчаяния, заговорил шепотом и резко. Прошло много, много времени, пока наконец вновь не ответила горничная, теперь уже дрожащая от необъяснимого, внезапного страха.

Но Этредж выслушал только начало ее истеричного бормотания. Трубка выпала из его одеревеневших пальцев.

— Питерс! — В его крике была неизбывная мука. — Он что-то сотворил с Мэри! — Этредж посмотрел холодным, неожиданно жестоким взглядом на графа. — Но я дождусь его пробуждения, проснись он даже через миллион лет!

Пробуждение вампиров

Мир за окнами апартаментов погрузился в сумерки. Стоило солнцу зайти, как мгновенно проснулся граф Вурц!

Этредж услышал, как Питерс со свистом втянул воздух. Он повернулся, очнувшись, и заметил, как отрывисто затрепетали и поднялись веки спящего.

С самого момента пробуждения граф Вурц оценил обстановку и смотрел ясно, спокойно — смотрел с презрением?

Словно смакуя сладкий миг возвращения в сознание, он предпочел лежать и оставался неподвижен. Только горящие глаза говорили о том, что в его теле опять зажглась нечестивая жизнь. Затем, очень медленно, его губы скривились в усмешке.

— Я знал, что вы здесь, комиссар, — сказал он тихо и спокойно, но в то же время излучая угрозу. — Я предвидел, что вы придете. Я до сих пор жив, и значит, вы все-таки рыцарь. Конечно, вам уже известно, что с Мэри не все хорошо, и теперь вы ждете и гадаете, как заставить меня ее освободить. Или даже готовитесь со мной торговаться. Ладно, я слушаю.

Этредж, грозной тучей нависнув над огромной кроватью, собрался заговорить. И в ту же секунду, уловив в глазах Вурца красную искорку триумфа, он резко обернулся и увидел, как железный прут опускается на голову Питерса, услышал ужасающий звон металла при ударе о плоть и кости. Тут же на него набросилась девушка, а звероподобный шофер Вурца отскочил от недвижимого тела лейтенанта. Девушка кинулась на Этреджа с неистовой, буйной, демонической яростью. Он выставил руки вперед, защищаясь, но почувствовал, как стальные ногти графа Вурца впились в его запястья. Уродливый шофер вырос перед комиссаром и замахнулся прутом, недавно использованным против Питерса.

Господи! Он тоже был живым мертвецом! Его перекошенный рот казался кроваво-красным!

И тогда сознание Этреджа поглотил адский вихрь из каскадов света и водопадов тьмы...

22

Мэри исчезает

Протискиваясь сквозь бесконечные слои исполненной муки темноты, Этредж сумел очнуться. Голова разрывалась от боли. Когда бушующий перед глазами туман начал развеиваться, комиссар увидел, что лежит на кровати графа; Питерс, в свою очередь, невыразимо медленно пытался подняться с золотисто-алого ковра.

Лейтенант повернул к комиссару залитое кровью лицо.

— Боже, Питерс, — хрипло прошептал Этредж, — они...

И вдруг он вспомнил про Мэри!

Шатаясь и спотыкаясь, он добрался до телефона — и услышал, как горничная на другом конце провода с откровенным облегчением рассказала, что Мэри Робертс встала, оделась и, отпустив совершенно ошеломленного доктора, успевшего их посетить, ушла из дома...

Этредж осторожно положил трубку на рычаг и повернулся к Питерсу, который как раз встал на ноги и, оступаясь, словно пьяный, схватился за опору балдахина.

— Питерс, она ушла! — глухо сказал он. И сразу по ввалившимся глазам лейтенанта понял, что тот и так знает. — Нам надо ее отыскать!

— Нам надо отыскать их... обоих! — мрачно поправил Питерс.

Но где и как? Откуда начать розыски? На эти вопросы ответа не было. Полицейские понимали, что граф со своим ужасным напарником ускользнули — безвозвратно. И не оставили намека на то, куда скрылись.

Чуть позже, воспользовавшись телеграфом, Этредж приказал эксгумировать тело Катарины Грант. И вместе с Питерсом, затворившись в мрачных серых стенах полицейского управления и задействовав все механизмы закона, принялся нетерпеливо ждать новостей.

Минуты напрасного ожидания томительно перерастали в часы; отчаявшиеся, но пока бессильные что-либо предпринять, Этредж с лейтенантом вновь и вновь с разных точек зрения обсуждали это невероятное дело.

Их озадачило одно необъяснимое обстоятельство. Они постоянно возвращались к нему, как будто чувствовали, что именно в нем кроется разгадка тайны. Зачем графу Вурцу понадобилось посещать благотворительный вечер миссис Мур? По какой причине он провел целый час в «Шатре прошлого, настоящего и будущего»?

23

На борту яхты «Синтия»

Время шло...

С Роуздейлского кладбища сообщили, что могила Катарины Грант вскрыта. Склеп разграблен; гроб пуст...

Большие уродливые часы высоко на стене над столом комиссара медленно отсчитывали минуты; было далеко за полночь. Близился рассвет. Город спал.

— Питерс! Питерс! — вновь и вновь повторял Этредж, в бессилии сжимая и разжимая кулаки. — Знать бы нам, зачем Вурц разыгрывал из себя предсказателя на вечере миссис Мур! Ведь в остальном он старался казаться нормальным, ничем не выделяться! Что за дело чрезвычайной важности толкнуло его на это?

И тут он вспомнил. Тот худой, смуглый человек с ярким шрамом на левой щеке...

— Питерс! — прохрипел он. — На вечере Муров... когда вам стало плохо... и я пошел за виски для вас, я видел, как из

цыганского шатра вышел мужчина... и вот он под чарами не был, на этом человеке визит к Вурцу никак не отразился. Так почему он не вел себя, подобно другим? Почему, Питерс? Неужели Вурц не попытался прочесть его мысли? Не случилось ли так, что он явился в шатер по совершенно иной причине?

Питерс вскочил на ноги.

— Жемчуг Айкельмана! — воскликнул он. — Опишите того человека, комиссар!

Этредж рассказал, как тот выглядел, и Питерс кивнул.

— Бениати, — сказал он. — Несомненно, Анжело Бениати. — Он удовлетворенно улыбнулся. — Один из самых ловких и умных скупщиков краденого в мире. Плохо, что вы его не узнали. — Он озадаченно нахмурился. — Но... Муры! Как сюда вписываются Муры? Покровители? Бениати не нуждается в покровительстве, разве что Муры помогут ему пересечь границу.

Этредж стукнул кулаком по столу.

— Яхта Муров!

Питерс медленно встал, глаза его сияли от необоримого возбуждения.

— Яхта Муров! — повторил он. — Это все объясняет! Бениати с жемчугом будет на борту судна Муров, когда оно уйдет в иностранный порт, а там ожерелье разделят на части и продадут.

Этредж схватился за телефон.

— Портовая администрация?

Ему практически сразу выдали искомую информацию. Дизельная яхта Уэстона Б. Мура, «Синтия», прошла карантин в двадцать часов сорок минут...

Этредж бросил взгляд на циферблат над столом; его губы зашевелились, он быстро вычислял временной промежуток.

— Восемь часов! — прошептал комиссар. — Яхта отбыла восемь часов назад и делает, полагаю, двадцать четыре узла в час! А целью назначения может служить любой порт мира. Вурц на борту яхты. Это несомненно. Иначе Бениати вышел бы в море раньше. Когда на благотворительном вечере

Вурц вас увидел, он испугался. Он заставил Бениати задержать отплытие. На этой яхте он планировал... бежать!

Этредж резко выпрямился, его лицо окаменело, выражая решимость.

— Я найму самолет, Питерс, если найду пилота, согласного взять меня! Я собираюсь в погоню!

Он опять схватился за телефон.

— Я буду облетать Атлантическое побережье, пока не обнаружу их!

Пальцы Питерса погладили табельное оружие на бедре.

— Черт побери! Я отправляюсь с вами! — вскричал он.

24

В погоне за «Синтией»

Длинные лучи заходящего солнца золотили воду, раскинувшись на востоке широкой сияющей лентой. Небо успело побагроветь на глазах; через полчаса должно было совсем стемнеть.

Пять утомительных, мучительных часов старенькая амфибия металась с севера на восток. Ее владелец и по совместительству пилот хмуро прислушивался к звукам двигателя, Этредж с Питерсом вглядывались в каждое пятнышко дыма над морским простором.

Они отлетели от суши чуть не на пять сотен миль.

Этредж тихо заметил:

— Питерс, скоро будет не видно ни зги. На востоке сумерки, на западе глаза слепит закат.

Он коснулся плеча пилота:

— Чарли!

Летчик, до фанатичности серьезный юноша, прекрасно осознающий, что, согласившись на этот рейс, он рискует собственной жизнью, поднял взгляд.

— Поверни на юг; пролетим поперек пароходных маршрутов. И держись этого направления до самой темноты.

Молодой человек, не меня выражения лица, послушно повернул штурвал. Висящий над линией горизонта огромный шар солнца сместился чуть правее от хвоста самолета, его сияние озарило правое крыло. Облака поменяли свой ход.

Сухо и громоподобно ревели два поршневых двигателя; трое в кабине застыли от напряжения. Медленно опускалось раскаленное солнце.

Оно уже готовилось упасть за горизонт, когда Этредж заметил далеко на юге тонкую полоску черного дыма, схожую с покрытым сажей перышком.

— Поднажми-ка, Чарли; впереди корабль!

Монотонное гудение моторов стало громче; ускоряющаяся амфибия пролетала милю за милей над неохватной водной пустыней; черное перышко превратилось в высокий угольный столб над океанским простором. Под дымной колонной стал виден потрепанный пароход. Окрашенная в красное подводная часть то показывалась, то исчезала в медленном колыпании волн.

Чарли, юный пилот, рискующий жизнью за доллары, которые смогли бы позволить ему выкупить крошечную долю в какой-нибудь мелкой авиакомпании, направил самолет вниз — скользить по спокойному морю к кораблю, колышущемуся на мирной поверхности и лениво пускающему дым из ржавой трубы. Самолет опустился на водную рябь, подняв брызги.

Этредж, выбравшись на крыло, окликнул человека с щетиныстыми бакенбардами и в капитанской фуражке, стоявшего у поручней с незажженной трубкой в зубах.

— Вы не проходили мимо яхты, белой, однотрубной, название — «Синтия»?

— «Синтия»? «Синтия»? Названия я не приметил, однако ж мимо белого суденышка проходили. На всех парах валяло.

Этредж сплясал фантастический танец на широком крыле самолета.

— Значит, вы «Нэнси Моран» из Балтимора? — крикнул он. — Я подарю вам за это золотые часы, капитан!

Самолет раскачивался под ветром. Этредж исчез в кабине.

— Вот дурачье! — проворчал капитан «Нэнси Моран», наблюдая, как амфибия взмыла вверх и полетела на восток.

25

Военная хитрость

В трех с половиной километрах над необъятным океанским простором Этредж с Питерсом одновременно заметили «Синтию», крошечный белый треугольник над милями и милями волн.

Этредж принялся лихорадочно строчить письмо. Закончив, он обернул бумагой ручку гаечного ключа.

— Это быстренько окоротит Бениати, — злорадно отметил Питерс.

— Не уверен, — мрачно ответил Этредж. — Бениати знает, что в открытом море у нас полномочий нет.

Амфибия со свистом пошла вниз. Белый треугольник вырос из детской игрушки в игрушку для миллионеров, прозрачные клубы перекаленного воздуха поднимались из дизельных двигателей яхты и выходили через жемчужно-белую трубу. Амфибия с ревом пролетела над острым носом «Синтии»; ключ с запиской тяжело рухнул вниз, прокатившись по палубе. Смуглый человек со шрамом подбежал и поднял его. Бениати!

Самолет описывал широкий круг над водой. Люди на капитанском мостике «Синтии» о чем-то спорили.

— Капитан хочет остановить судно, а Бениати не позволяет, — догадался Питерс. — Кто победит? Капитан — хозяин на яхте, но Бениати распоряжается от имени Муров...

Проходили минуты. А «Синтия», мягко покачиваясь на волнах, упрямо двигалась вперед по зеленоватой поверхности океана.

Окаменевшее лицо Этриджа напряженно застыло.

— Чарли, — со странной решимостью начал он, — думаешь, у тебя получится посадить самолет на пути яхты, чтобы она неминуемо врезалась в нас?

Юный пилот бросил на него короткий взгляд.

— И такое возможно, — чуть усмехнувшись, ответил он.

Этредж задумчиво продолжил:

— Капитаны в большинстве своем парни неплохие... надо шансом воспользоваться. Заплачу тебе, сынок, двадцать тысяч — все, что заработал и смогу взять в долг, — если мы выйдем из этой передраги живыми. *Сажай самолет!*

Юноша за штурвалом облизнул губы. Самолет опускался все ниже и ниже, пока до длинных зеленых бурунов не осталось и пятнадцати метров. А потом он сел, подпрыгнул и опять сел, подняв пенный фонтан. Амфибия тяжело поплыла вперед, преграждая дорогу «Синтии».

Пилот Чарли заглушил моторы и выпрыгнул прочь из кабины.

Во внезапно опустившейся тишине Этредж с Питерсом, стоящие на крыле, слышали лязг машинного телеграфа²: это капитан пытался изменить направление хода яхты. Но тяжелое судно по инерции двигалось вперед. Стеной поднялись пенные брызги, невнятно закричали люди на борту, раздались грохот, сухое дребезжание лезвий пропеллеров и оглушительный треск сломанного крыла.

Маленькая амфибия вдруг исчезла из виду.

На поверхности Атлантического океана остались трое мужчин, а белая яхта медленно продолжила свой путь.

Но вот инерция перестала действовать, и «Синтия» постепенно остановилась. У ее кормы забурила вода — это заработали двигатели, давая обратный ход.

Капитан «Синтии» оказался настоящим человеком.

---

² Машинный телеграф — устройство для передачи из ходовой рубки судна в машинное отделение команд изменения режима работы двигателей. Обычно состоит из механически связанных между собой рукоятки, установленной на ходовом мостике судна, и стрелки, установленной в машинном отделении.

Ужас на яхте

Разъяренный, кипящий от злости капитан подскочил к троице вымокших до нитки людей, как только их втащили на борт «Синтии». За его спиной маячил лохотный и странный человек со шрамом на лице. Бениати!

— Полиция! — рявкнул Этредж, оборвав разбушевавшегося капитана. И тут же показал значок. — Этот человек — похититель драгоценностей, объявленный в международный розыск!

— Он лжет! — громко возразил Бениати. Его рука скользнула под пиджак и вынырнула обратно с уродливым пистолетом.

Со скоростью атакующей змеи кулак капитана «Синтии» ударил по ней, и оружие кувырком отлетело далеко на палубу. Бениати стал тереть ушибленное запястье.

— У вас не права арестовывать меня, — заныл он. — Мы в открытом море. У вас здесь нет власти!

Капитан резко повернулся к помощнику.

— Заприте его в его каюте, — коротко приказал он. — Пусть это будет стоять мне места, но я узнаю, что тут происходит. Удостоверение у вас с собой, сэр?

Ругающегося и протестующего Бениати увели...

Этредж показал документы и сразу приступил к делу:

— Мне нужен список ваших пассажиров. Нас особенно интересует высокий и худой джентльмен, прибывший на борт вчера ночью перед отплытием. Скорее всего, сейчас он спит.

Капитан Хэллидей вздрогнул.

— Надо же! Но... граф Вурц, да, этот аристократ — граф Вурц... и его спутники такие необычные люди. Они всю ночь оставались в кают-компании, а по своим каютам разошлись только на рассвете. Все, кроме одного. Слуга графа, отправившийся спать пораньше, с восхода солнца стоит на посту, ес-

ли можно так выразиться, около их спален. Это весьма странно...

Когда заговорил Этредж, его голос зазвучал непривычно и хрипло.

— Капитан Хэллидей, — медленно произнес он, — вы видели наши документы. А теперь мы хотим, чтобы нас проводили к каютам — и оставили одних.

Питерс рассматривал свое табельное оружие, которое при падении в океан с крыла тонущего самолета держал над головой, спасая от воды.

— Все в порядке, комиссар, — спокойно сказал он. — Пойдемте.

* * *

Роскошные комнаты графа Вурца располагались за каюткомпанией. Окна гостиной выходили на корму, две господские спальни смотрели иллюминаторами на правый и левый борт соответственно. Капитан Хэллидей решительно постучал в центральную дверь.

После нескольких секунд молчания раздался вопрос:

— Кто там?

— Капитан Хэллидей. Откройте.

И опять тишина. Капитан Хэллидей прошептал:

— Он явился на яхту вчера утром, с багажом. Кажется, умом он не блещет.

За дверью послышался неуверенный шорох шагов.

— Фы не фойдете? — ворчливо спросил голос с явственным немецким акцентом. — Мне приказано никого не фпускать.

— Нет, я внутрь не пойду, — заверил его капитан Хэллидей.

Дверь чуть приоткрылась, и показалось невыразительное лицо блондина, встретившего Этреджа во время первого визита к Вурцу. Слуга гортанно выругался.

Но Питерс успел просунуть ногу в щель; Этредж уперся плечом в дверное полотнище. Дверь широко распахнулась; последовала потасовка, брякнуло железо, слабоумный блондин оказался в наручниках. Его затрясло.

Питерс вытолкнул его на палубу.

— Отведите его в безопасное место, капитан, — скомандовал он. — Бедолага совершенно безобиден!

Дверь закрылась...

— Мэри! — Этредж прыжком преодолел просторную каюту, ринувшись к огромному лиловому креслу, над спинкой которого заметил ореол каштановых волос. — Мэри! О Господи!

Подскочив к девушке, Этредж схватил ее за руки и с растущим ужасом заглянул широко распахнутые глаза, слепо устремленные в море за иллюминатором и белоснежным релингом.

— Гипноз! — Крик муки разорвал тишину каюты.

— Этредж! — говорил Питерс, резко, предупреждая. Этредж обернулся. Дверь одной из господских спален тихо отворилась...

На пороге стояли трое — двое мужчин и женщина. Это были граф Вурц с шофером и Катарина Грант!

Солнце село!

На какую-то жуткую секунду все пятеро замерли; лишь Мэри, слепо глядящая в сумеречную ширь океана, не почувствовала напряжения. Шум моторов звучал в ушах Этреджа и Питерса подобно ударам гигантских молотов о горы железа.

Рука Этреджа потянулась за пистолетом; шофер графа Вурца с быстротой пантеры занял пост у двери; Катарина Грант, печальная и юная, в широких белых брюках и спортивном пиджаке, с нарочитым равнодушием уселась в одно из глубоких кресел и невозмутимо уставилась на Этреджа; граф Вурц не двинулся с места.

Когда он заговорил, в его голосе слышались ярость, подобная горячим языкам пламени, и нечто весьма напоминающее страх:

— Вот уж не ждал, что вы и сюда за мной последуете, комиссар Этредж. А вы умнее, чем я думал. Надо было вас убить. Однако — пока ваша возлюбленная спит — я готов на переговоры с вами.

Этредж, низко опустив голову, не шевелился. Затем тихо сказал:

— К черту переговоры! Если бы Мэри видела меня сейчас, она бы одобрила то, что я сделаю. Я вас прикончу! — Его кулак под пиджаком неожиданно сжался.

Граф Вурц усмехнулся.

— Ваш пистолет тут не поможет, — многозначительно произнес он. — А теперь... Себастьян, посмотри-ка за дверью!

Вурц прыгнул, вытянув вперед руки с ногтями, подобными когтям хищной птицы. Рука Этреджа вынырнула наружу со скоростью света.

— *Это не пистолет, Вурц,* — прошипел он, — *а кинжал, убивший Айкельмана!*

Тускло сверкнуло серебро, занесенное для удара.

Вурц безуспешно дернулся, пытаясь остановить свой бросок — но было слишком поздно. Лезвие уже распорол его смокинг, разорвав рукав от плеча до локтя.

Вурц отпрянул. Его глаза жарко сверкнули, наполнившись страхом попавшего в западню зверя. Из раненой руки полилась кровь и закапала с пальцев на ковер.

— Себастьян, — выкрикнул он, — кинжал!

Обезьяноподобный шофер сделал выпад, уклонившись от удара Этреджа с нечеловеческой ловкостью; его пальцы сжали и вывернули запястье комиссара. Окровавленный кинжал упал на пол.

Вурц хмыкнул — невыразимо зло и жутко. Быстро наклонился, намереваясь подобрать оружие. И в то же мгновение пошатнулся и опустился на колени с выражением невероятного изумления и смертельного страха на лице.

На его груди, слева, расплылось алое пятно! За спиной Этреджа грянули выстрелы: это Питерс выпалил два раза подряд. Шофер графа Вурца пьяно покачнулся, когда пули вошли в его тело, затем упал лицом вниз. Катарина Грант,

пылая сверхъестественной ненавистью, выпрыгнула из кресла и набросилась на Питерса, оказавшегося в нескольких шагах от нее. Но ее прыжок быстро оборвался.

Целясь в ее юную грудь со спокойствием стрелка по мишеням и глазами, исполненными невыносимой муки, Питерс одним выстрелом пробил ей сердце.

И тут раздался крик ужаса. Этредж и Питерс обернулись. Это кричала Мэри!

— Чарльз! Чарльз! Оглянись!

Она лишилась чувств. Из-за двери доносились звуки ударов и возбужденные возгласы.

Этредж пошел открывать — и схватился за горло, окаменев от увиденного.

На великолепном ковре лежало обезвоженное тело, забальзамированный труп девушки, умершей много месяцев назад; ее желтая кожа покрылась пурпурными пятнами, щеки ввалились, полузакрытые глаза подернулись пленкой гнили. А чуть поодаль от нее виднелись два скелета, утонувшие в грудах пропитанной серой слизью одежды и сочащиеся алой кровью.

Питерс с пепельно-серым лицом бессмысленно бормотал:

— Боже! Как мне объяснить Мэгги, зачем я попросил оружейников переплавить ее серебряные ложки в пули?

27

Тайна, похороненная в море

Луна, поднявшаяся на ширину двух ладоней над горизонтом, пронзила лучами черный океан, преобразив кильватерный след «Синтии» в волшебное серебро дороги. Небо засияло звездами.

Этредж, Питерс и Мэри Робертс сидели плечом к плечу на корме яхты и кутались в бушлаты: близилась полночь, а погода стояла не по сезону холодная. Они негромко перего-

варивались, надолго замолкая. На их лицах, бледных в лунном свете, все еще читался пережитый ужас.

— Итак, — тихо сказал Питерс, — дело Айкельмана завершено.

Он вынул баснословно дорогую нить жемчуга из футляра, лежащего на столике у его локтя, и полюбовался ее красотой и блеском в лунном сиянии, а затем положил обратно.

— Жалко, что нельзя это подарить Мэри, да, Чарльз?

— Да, — усмехнулся Этредж, — а еще другие драгоценности с облигациями. Все они будут возвращены наследникам Айкельмана.

Он немного помолчал.

— Нам с Мэри для счастья Айкельмановских жемчугов не требуется.

Мэри взяла теплыми пальчиками его руку и поднесла ее к своим губам. Все трое замолчали, охваченные дружескими чувствами...

— Да, — чуть погодя продолжил Питерс, — хорошо, что мы... похоронили тех в море. Уж в такое точно никто не поверил бы.

— Нет, — согласился Этредж. — О том, что на самом деле случилось, знают только оказавшиеся сегодня на борту яхты. А они будут молчать.

Питерс сухо засмеялся.

— Побоятся, как бы их не сочли помешанными, — с видом настоящего мудреца изрек он.

Этредж крепче прижал к себе Мэри.

— А Грантам не стоит говорить, что мы вскрыли... могилу Катарины, — задумчиво добавил он. — Жаль, конечно, что Бениати с Мурами под суд не пойдут.

— Да, их не осудить, — негромко подтвердил Питерс. — Иначе нас весь город засмеет.

Лицо Этреджа озарила привычная загадочная усмешка.

— Точно, — не стал спорить он. — Мы только и можем, что устроить слабоумного беднягу-слугу в приличную клинику. Занятно, что Вурц держал при себе идиота.

Питерс покачал головой.

— Ему пришлось. Человек в здравом рассудке сразу бы почувствовал, кем был граф, и не смог бы ему служить. Тот идиот был крестьянином; наверное, Вурц привез его еще ребенком из собственного поместья.

Этредж покосился на луну.

— Красивая сегодня луна, Питерс, — сказал он.

Питерс улыбнулся и поднялся на ноги.

— Намек понят. Кажется, мне не откажут, если я попрошу стюарда принести мне в каюту немного виски из запасов Муров. Нечасто доводится отведать спиртного за счет миллионеров. Спокойной ночи, Чарльз... доброй ночи, Мэри...

Звук его шагов смолк. Непрерывное гудение двигателей, шорох волн, бьющихся о корпус яхты, шепот ночного ветра были тем аккомпанементом, что могли даровать влюбленным только боги. Луна все выше поднималась по небосводу; океан мерцал, играя серебряными бликами.

Этредж повернулся к возлюбленной и посмотрел в ее омытое лунным светом лицо. Его губы коснулись ее рта, руки обвились вокруг плеч.

Он привлек ее к себе...

Пол Эрнст

Дуэль магов

MARCH

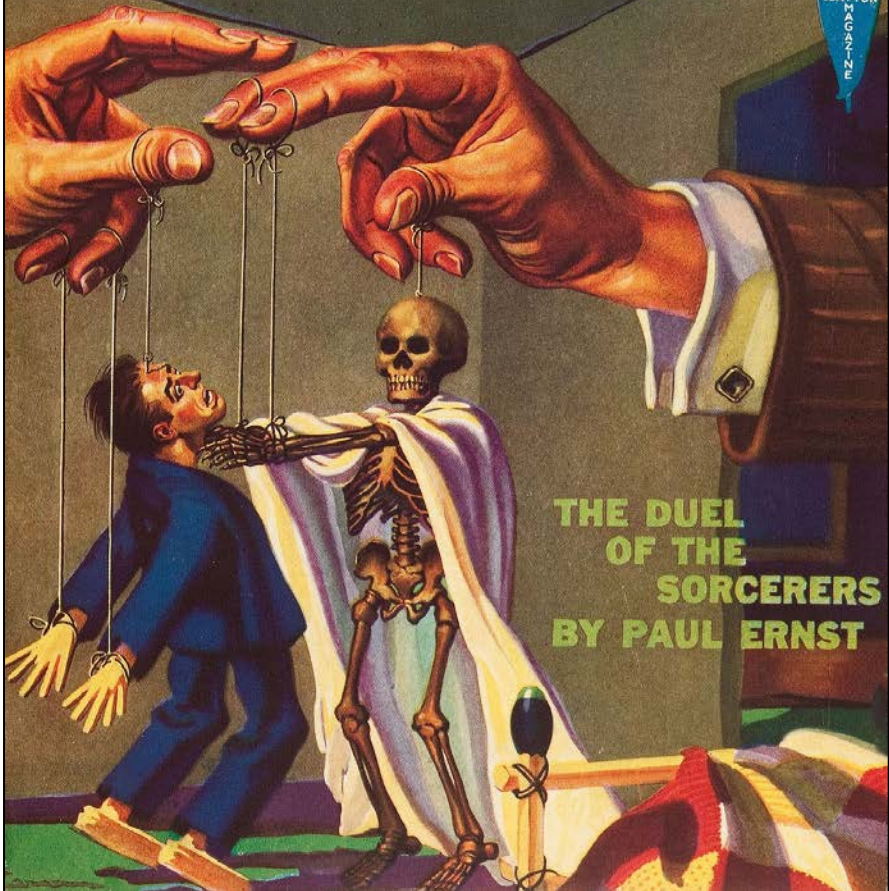
STRANGE TALES

OF MYSTERY

AND TERROR

25¢

A
CLAYTON
MAGAZINE

THE DUEL
OF THE
SORCERERS
BY PAUL ERNST

Глава 1

Следы клыков

Рик Баллард еще раз взглянул на крохотные воспаленные отметины на шее лежащей без сознания девушки. Его лицо, встревоженное загадочной болезнью, внезапно постигшей невесту, побледнело еще сильнее, когда заговорил Толл.

— Но, профессор, то, что вы утверждаете, невероятно. Невозможно! — воскликнул он. — В такие сказки могут поверить лишь малые дети.

Профессор Толл нетерпеливо покачал головой. Благородной головой. Длинные белоснежные волосы ниспадали волной почти до плеч; седая борода говорила о мудрости и почтенности обладателя. Его нос был большим и резко очерченным, губы и подбородок — твердыми, глаза — серыми, холодными и пронзительными.

— Если это нечто иное, то что?

Рик Баллард озадаченно прикусил губу.

— А мне откуда знать? Даже врачи в недоумении.

Палату только что покинул чуть не весь персонал больницы, работавший этой ночью. Медики крайне серьезно и изумленно изучили красные точки на горле бледной, как статуя, девушки, лежащей перед ними в состоянии, схожем с гипнотическим трансом. Ни один из докторов так и не смог согласиться с коллегами по вопросу происхождения этих отметин.

— Конечно, они ничего не скажут, — продолжал профессор Толл. — А вот я скажу, хотя мне и в голову не придет открыть правду этим замечательным... ученым. — Его мужественные губы тронула насмешливая улыбка. — Я не сомневаюсь, что перед нами следы клыков. Клыков... вампира!

У Рика перехватило дыхание.

— Невероятно! — шипло повторил он.

— А как еще их объяснить?

— Может, крыса укусила? Или большое ядовитое насекомое?

— В современной больнице? Ну уж нет, мой юный друг! В это еще сложнее поверить, чем в вампиров!

Рик одарил старика долгим взглядом. Он успел привязаться к нему, полюбить и начать уважать, несмотря на то, что они впервые встретились всего два дня назад.

Два дня! Мысль об этом заставила Рика вернуться к мучительным воспоминаниям.

* * *

Всего два дня назад Присцилла Рэнд, золотоволосая красавица, недвижно лежащая на узкой больничной кровати, была совершенно здорова. Они с Риком Баллардом, подобно любой, самой обычной юной паре, собирались пожениться, как только Рiku позволят финансы. Небо над ними казалось безоблачно чистым.

А затем, в восемь тридцать, два вечера тому назад, Рик пришел к невесте и обнаружил, что всё в комнате перевернуто, а она без сознания. Он тут же вызвал семейного доктора Рэндов, но тот, осмотрев больную, смог лишь сказать, что не знает, отчего она без чувств, однако указал на две отметины на ее шее, похожие на укусы острозубого грызуна.

Потом последовали поездка в больницу и окончившиеся ничем медицинские консилиумы; Присцилла Рэнд пролежала двое суток в коме, и никто был не в состоянии привести ее в сознание. Затем на ее шее возникли два новых прокола, прямо над частично зажившими старыми, появившимися в самую первую ночь.

Как только Присциллу привезли в больницу, в ее палате объявился профессор Толл. Кажется, врачи едва знали его, и уж точно никто не знал, что ему нужно и зачем он здесь, но, похоже, у него имелось разрешение беспрепятственно передвигаться по больнице.

Именно он остался с Риком в первую ночь, когда все остальные покинули палату, и всемерно выражал сочувствие молодому человеку, при этом не переставая рассматривать

крошечные проколы на горле девушки, то и дело к ним возвращаясь. Сегодня он пришел опять. И сделал это удивительное, ужасающее заявление: «Лишь одно существо могло оставить подобные следы. Вампир!»

Рик вздрогнул. Скажи ему кто-нибудь такое несколько дней назад, он рассмеялся бы в ответ. Но теперь, глядя на зловещие красные точки на нежной белой шее Присциллы и слушая импозантного престарелого профессора, Рик не знал, что и думать!

* * *

Профессор Толл улыбнулся Рикку.

— Неужели настолько сложно в это поверить? Однако уверяю вас, я знаю точно! Не я ли потратил тридцать лет жизни на исследование вампиризма? Бросьте, один только запах в этой палате недвусмысленно указывает, что именно здесь не так!

— Запах? — почти бездумно повторил Рик и глянул покрасневшими от беспокойства глазами на профессора.

— Да. Вы, конечно, заметили его — и вчера, и сегодня? Я удивлен, что врачи ничего не сказали.

Рик принялся. Он и раньше ощущал какой-то слабый запах, несколько отличавшийся от запахов дезинфекции, обычных для больницы, но как-то не придавал ему значения. Он не привык к лечебным учреждениям и думал, что так они и должны пахнуть. Но теперь он сосредоточился на запахе.

Тот сильнее ударил в ноздри; Рик вздрогнул, по спине внезапно пробежали ледяные мурашки. В маленькой палате стоял слабый, но ощутимый запах разложения и древности — запах *смерти*. Или ему это почудилось?..

— Вы вправду ощущаете его, — заверил профессор Толл. — Вам не кажется. Так пахнут вампиры. Это их, так сказать, визитная карточка. Ну как, мне удалось вас убедить?

— Даже не знаю... — прошептал Рик.

— Нет, вы *обязаны* быть убеждены! — настаивал профессор. — Мистер Баллард, мне необходима ваша помощь. Но, чтобы помочь, вы должны верить! Думаю, я сумею доказать свою правоту.

— Бога ради... как? — вырвалось у Рика.

Толл вновь склонился над лежащей девушкой. Прислушался к ее тихому дыханию, взгляделся в красные отметины. И кивнул.

— Я почти уверен, что сегодня ночью вампира спугнула медицинская сестра и он не успел закончить свое нечестивое дело. На это указывают как дыхание мисс Рэнд, так и вид отпечатков клыков. Если я не ошибся, то он вернется! Подождем и увидим.

— Но... — начал было Рик, а затем обреченно махнул рукой. — Ладно. Сделаю, как скажете. Всё, что хотите! Считайте, я ваш целиком и полностью.

* * *

Продуманно и методично профессор Толл принялся готовиться к возможному возвращению существа, которое, по его мнению, стало причиной загадочного заболевания Присциллы Рэнд.

Он потушил свет, оставив лишь ночник. Аккуратно открыл окно — где-то на фут — и запер фрамугу. Затем позвал дежурную сестру и сообщил ей, что всю ночь будет лично присматривать за мисс Рэнд, поэтому ей заходить к больной не требуется, пока не позовут. Затем договорился с интерном о том, что им с Риком на ночь выделяют комнату напротив палаты Присциллы.

В пять минут второго они пошли в ту самую комнату — ждать. Толл прикрыл дверь...

— Предположим, ваш рассказ соответствует истине, — заметил Рик. — Но дверь-то закрыта. Как вы собираетесь узнать, что... существо... напало?

— Юноша, — сказал профессор, на мгновение положив руку на плечо Рика, — об этом чуть позже, как только мы, с благословения Господня, поймаем это порождение тьмы. Вот тогда я поведаю вам, кто я такой и какими силами обладаю. Сейчас просто скажу — я *узнаю*.

Рик раскрыл рот для удивленного ответа, но профессор поднял руку, вызывая к тишине. Он указал на кровать. Рик сел на нее. Профессор устроился на стуле и сразу стал напряженно и сосредоточенно прислушиваться, а Рик просто смотрел на него с нарастающим изумлением, смешанным со смутным страхом перед неминуемым злом.

* * *

Воцарилось пронизанное тревогой молчание. Время от времени в коридоре раздавались тихие шаги — дежурная сестра обходила в палаты, номера которых вспыхивали на матовом стекле панели вызовов. С улицы каждую четверть часа раздавался бой башенных часов. Больше не слышалось ни звука.

Прошло сорок пять минут, и все это время в душе Рика росло предчувствие — вот-вот, он знал, произойдет нечто ужасное. И все время рядом с ним сидел седовласый человек, недвижимый и застывший, словно каменная статуя, неким неясным образом сосредоточившийся на странном существе, угрожавшем Присцилле Рэнд в палате напротив.

Внезапно профессор очнулся. Выпрямил спину. Сжал кулаки. В его серых прищуренных глазах сверкнула ярость.

— Оно здесь! Здесь! Точнее — *он*!

Толл ринулся к двери, быстро, но бесшумно.

— За мной, — прошептал он Рiku. — Но ради всего святого, действуйте тихо.

Рик на цыпочках последовал за ним — к двери, через коридор, к палате Присциллы. Его тело покрылось холодной испариной, сердце пыталось вырваться из груди. Каждый взгляд, каждое движение профессора Толла говорили об

уверенности и знании. Несмотря на всю свою образованность, несмотря на искусственное презрение к «предрассудкам», Рик чувствовал, что этот человек был прав.

Но если это так, какое жуткое зрелище может ожидать их за закрытой дверью палаты Присциллы!

Профессор посмотрел на Рика.

— Спокойно! — прошептал он. — Не теряйте головы, что бы там ни происходило.

Затем, протяжно вдохнув, профессор взялся за дверную ручку, резко повернул ее, распахнул дверь и влетел в полутьму комнаты. Рик — за ним.

* * *

Рику никогда не забыть минуты, когда они с ужасом увидели, что им удалось застать врасплох существо, творящее темное дело в тех четырех стенах. Это потрясение навсегда пламенем запечатлелось в его сознании.

Сначала, пока их глаза не привыкли к тусклому свету, они почувствовали запах тления, исходящий из глубины палаты. Кошмарную, тошнотворную вонь! Гораздо более сильную, чем запах, что Рик обонял раньше. Безусловно, то было могильное зловоние — зловоние гниющих трупов и тухлятины. От него перехватывало дыхание и мутило. Рику показалось, что он сойдет с ума, если вдохнет его еще раз!

Затем они увидели того, за кем охотились: существо было рядом с Присциллой — на подушке, полускрытое волной золотистых волос, рядом с обнаженной шеей девушки.

Маленькое, темное, напоминающее летучую мышь. Его почти не было видно во мраке. Оно смотрело на них злыми бусинками глаз, вытянув красное, отвратительное рыльце, попискивая и подмигивая. Вдруг оно расправило мерзкие крылья и взмыло вверх — и тогда профессор Толл подскочил к окну и захлопнул раму.

— Поймали! — победно прохрипел Толл. — Богом клянусь, поймали! Я искупил свой грех...

Но торжество в его голосе тут же сменилось отчаянием.
— А над дверью-то! — воскликнул он. — Господи, фрамуга...

Рик резко обернулся. Уходя из палаты, они заперли фрамугу, но сейчас оконце над дверью было открыто. Не успел он подскочить, чтобы его захлопнуть, как послышался шорох быстрых крыльев. Отвратительное мохнатое создание метнулось к двери. Еще секунда — и оно заслонило собой свет, струящийся из коридора. Резко взвизгнув напоследок, существо исчезло.

Глава 2

Доктор Куа

Профессор издал стон.

Он сгорбился; седая борода опустилась на его широкую грудь, когда он понурил голову в знак полного провала и самоуничтожения.

— Дурак я! Дурак! — бормотал он. — Мне представилась отличная возможность уничтожить его, как последнюю крысу, каковой он и является, а у меня не хватило ума догадаться, что фрамугу он отворит заранее на случай бегства! Прости меня, Боже.

Рик тем временем задышался от ядовитой вони, стоявшей в палате.

— Не возражаете, — наконец сказал он, — если я открою окно? Этот жуткий запах...

— Да-да, открывайте, — опустошенно ответил Толл. — Сейчас уже все равно. Это потеряло значение. Он сбежал — исчез...

Рик распахнул окно, и постепенно дух гнили и смерти выветрился из комнаты. Затем он склонился над Присциллой Рэнд, по-прежнему недвижно лежащей на кровати — белой, как мрамор, фигурой, которую можно было бы принять за статую, если бы не ее слабое дыхание.

В глазах Рика вспыхнул безумный страх за девушку: увидев воочию, что случилось в палате, он уже не мог отказать себе в вере в безошибочность невероятного, ужасного диагноза профессора Толла.

Он повернулся к старику.

— Что же нам делать?

— Идти в отведенную нам комнату напротив. Однако на сей раз мы не закроем дверь! Наш враг все еще поблизости. Я чувствую это... ощущаю...

Толл направился к двери. Но не успел он дойти до нее, как дверь распахнулась и на пороге появился человек.

* * *

Это был вполне обыкновенный человек, среднего роста, одетый в простой темный костюм, какой принято надевать на работу. Но лицо над столь непритязательным одеянием казалось отнюдь не обычным!

Продолговатое и худое, с длинным горбатым носом и вытянутым узким подбородком. На мертвенно-бледной коже — с бледностью нездоровой, отливающей зеленым — кровавой раной зиял алый рот. Глаза, темные и узкие, были чуть раскосыми, как у азиата, но ничто иное не указывало на восточное происхождение, и это могло оказаться чертой индивидуальной, к расовой принадлежности не относящейся.

Вошедший немного помолчал, глядя на профессора со спутником загадочными узкими черными глазами.

— Что вы здесь делаете? — наконец коротко спросил он. — Больница с вечера закрыта для посетителей.

Рик вспыхнул. Он уже видел этого необычно выглядящего человека среди штатных врачей и успел беспричинно и внезапно возненавидеть его, как иногда бывает при встрече с незнакомцами.

— У нас есть разрешение находиться тут, — огрызнулся он и оглянулся на профессора в поисках подтверждения. Но Толл, казалось, не слышал его слов. Он не отрывал взгля-

да от доктора, взгляда столь напряженного, что вокруг проницательных глаз старика образовались глубокие морщины.

А затем произошло нечто совершенно неожиданное.

* * *

С кровати за их спинами раздался шорох одеяла. Присцилла Рэнд, неподвижно пролежавшая двое суток, зашевелилась!

Рик с Толлом обернулись и посмотрели на нее...

Она сидела на постели, чуть приоткрыв рот, в золотистом ореоле шелковых волос, с туманным взором сомнамбулы. Широко распахнутые глаза смотрели в сторону краснотелого, темноглазого врача.

И вдруг раздался ее крик. Он был жуток, тот звук; ножом, пущенным в темноту, он пронзил тишину сумрачной комнаты.

— Нет! — задыхалась она, испуганно указывая рукой на доктора. — Нет! Остановите его! Остановите...

И вновь безжизненно упала на подушки.

Рот Толла, обрамленный усами и бородой, исказился в почти зверином рыке, когда он опять повернулся к доктору.

— Итак, это ты! — проскрежетал он. — Ты! Адово отродье! Да как ты смеешь являться сюда и спрашивать, что я тут делаю?!

Лицо врача не выражало ничего, кроме холодного любопытства. Он надменно улыбнулся приводящей в бешенство улыбкой, отчего Рiku мучительно захотелось разбить кулаком маску смерти на его лице. И все же смысл происходящего пока ускользал от Рика.

— Вы приняли меня за кого-то другого, — ответил врач Толлу. — Я совершенно уверен, что мы прежде не встречались. Меня зовут...

— Тебя зовут Куа! — хрипло взорвался профессор, не сдержав бессильного гнева. — И ты видел меня всего три ми-

нуты назад — здесь же!

— Вы сошли с ума, — бросил доктор. — Послушайте-ка, вы готовы спокойно уйти или мне самому придется вышвырнуть вас отсюда?

Толл промолчал, задыхаясь от ярости. На мгновение Рик показалось, что профессора хватит удар, но тому все же удалось овладеть собой.

— Хорошо, мы покинем палату, доктор Куа. Но остаток ночи мы проведем в комнате напротив, и обе двери будут открыты: мы станем наблюдать за девушкой и поспешим к ней при малейшей необходимости. Вам надолго от нас не избавиться. Ваш конец близок! Понятно?

* * *

Черные бусинки зрачков врача насмешливо сверкнули, но сказал он только одно:

— Мне лишь понятно, что вы явно не в своем уме.

Он так решительно отступил от двери, что Рик с профессором оставалось лишь проследовать в комнату напротив.

Туда они и отправились. Доктор Куа внимательно наблюдал за ними, его узкие глазки блестели в свете коридорной лампы.

— Доброй ночи, профессор, — вкрадчиво сказал он после того, как они пересекли коридор и демонстративно оставили дверь в комнату открытой, чтобы можно было видеть спящую девушку.

Толл метнул в него злой взгляд и с вызовом расправил плечи. Но когда врач ушел, когда его мертвенно-белое краснотелое лицо больше не маячило перед ними, профессора словно подменили. Его решимость испарилась.

— Кто это такой? — спросил Рик.

Толл мрачно посмотрел на него.

— К чему спрашивать? Сами его рот не видели?

— Да, но...

— Ничего особенного на его губах не заметили?

— Ну, они слишком красные, вот и все.

— А вы не видели... капельку крови в углу рта?

Рик почувствовал, как у него встают дыбом волосы.

— Вы хотите сказать... — наконец прошептал он, хотя это уже было излишним.

— Да, этот велеречивый тип с хитрыми глазами, который выставил нас из палаты мисс Рэнд, и есть наш противник.

Рик дважды пытался заговорить, но мысли путались, и слова не давались ему.

— Профессор, это... как бы выразиться... по-моему, вам лучше самому рассказать мне, что тут происходит. Надеюсь, — он выдавил слабую улыбку, — у вас имеется достаточно разумное объяснение. Мне кажется, что я схожу с ума!

— Ничуть не сходите, сын мой, — со вздохом проговорил Толл. — Вы просите объяснений, но, услышав их, возможно, пожалеете, что не повредились в рассудке... Тем не менее, я готов как можно доступней поведать вам о событиях, приведших к сцене в палате мисс Рэнд.

Глава 3

Темные искусства

— В то, о чем я собираюсь вам рассказать, — начал профессор Толл, расхаживая взад и вперед по комнате, — сегодня, в нашем так называемом цивилизованом веке, верить не принято. И однако, я полагаю, что вы мне поверите, потому что видели результаты одного из проявлений этого феномена собственными глазами!

Тридцать лет назад мне посчастливилось — точнее, я тогда думал, что мне посчастливилось, — получить наследство от дяди, и я наконец смог покинуть кафедру в колледже на западе страны и посвятить все свое время увлечению, волновавшему меня с детства. Им был сверхъестественный контроль над природными явлениями. Иными словами, то, что принято называть черной магией.

Во мне всегда жило убеждение, что древние суеверия имеют под собой некую реальную основу; что отдельные личности способны творить чудеса в силу собственного мастерства в оккультных практиках; что столетия назад на самом деле существовали волшебники, ведьмы и маги.

Получив наследство, я смог свободно углубиться в предмет и целиком на нем сосредоточиться. Я вложил в это немалый капитал, оказавшийся в моем распоряжении, а мой ум был приучен мыслить логически и творчески.

Первым делом я собрал библиотеку, какой прежде не знала история. Я покупал и изучал все ветхие старинные манускрипты, посвященные демонологии и ведовству. Таковых у меня собралось более четырех тысяч; многие из них были в единственном сохранившемся экземпляре, и о них не ведал никакой другой коллекционер, кроме меня.

Более того, в своем особняке я оборудовал химическую лабораторию, оснащенную по последнему, самому современному слову техники. Я намеревался проверить, сработают ли в действительности формулы, найденные мной в пыльных фолиантах. И некоторые были действенными! Не стану вдаваться в подробности. Скажу лишь, что иные из моих удачно завершенных экспериментов, проведенных в том уединенном уголке, заставили бы любого смертного в ужасе отказаться от изысканий и сжечь все формулы и заклинания, хранящиеся в той кошмарной библиотеке. Потом я сам сжег их, но поздно... слишком поздно...

Я работал, работал и работал, не покладая рук. И вот, пять лет назад, то есть после двадцати пяти лет напряженного изучения того, что, конечно, уже обеспечило мне вечность в аду, я совершил одно открытие, и именно его я считаю главным в своей жизни.

Я узнал, что в трудах Калиостро, великого итальянского некроманта, имеется некая доселе неизвестная глава с текстами, способными наделить своего хозяина поражающей воображение силой — текстами более мощными, чем все трактаты в моей библиотеке вместе взятые!

Я вознамерился заполучить этот отрывок из магической книги Калиостро. Но я старел и понимал, что впереди ждут

долгие поиски этого редкого документа. Поэтому я решил нанять помощника.

Естественно, я подошел к выбору нужного мне человека со всем тщанием. Такое дело, как мое, весьма опасно — и не только из-за риска, сопровождающего работу со сверхъестественным, но и потому что большая часть общества своеобразно относится к подобным интересам. Многие все еще призывают жечь ведьм, и я ни за что не посмел бы открыто говорить о том, чем занимаюсь.

Человек, которого я в конце концов нанял, казался безупречным. Он закончил известный колледж и отличался умом, спокойствием и скромностью. По образованию он был медиком. С самого начала он интересовался демонологией с той же страстью, что и я. Его увлеченность была так глубока, что я поддался искушению и передал ему все свои знания, а также допустил в лабораторию и к работе по поискам роковой последней главы из трудов Калиостро. Его звали Куа, доктор Герберт Куа.

* * *

— Миновало три года. Я дважды посылал доктора Куа в Италию проверить слухи о нахождении документа, мной разыскиваемого. Каждый раз он возвращался с новостями о провале. Тем временем, ученик начал превосходить учителя! Я не был обделен умом и дарованием на избранной стезе, но он, казалось, обладал настоящим талантом. Вскоре я понял, что его знания и умения в запретных темных искусствах затмили мои. Я не мог уразуметь, каким образом он за три года занятий смог перейти ту черту, до которой я добирался почти тридцать лет. Но объяснение быстро нашлось!

Лицо профессора Толла окаменело.

— Однажды я застал его врасплох, когда он пытался поставить собственный эксперимент в моей лаборатории: он

стремился найти способ обмануть смерть. Сейчас я объясню, как именно он собирался это сделать.

В последнее время Куа начал вести себя довольно непокорно, бросая вызов моему авторитету. Опасаясь последствий, я запретил ему пользоваться моей аппаратурой и библиотекой в одиночку. И теперь, когда я увидел его в лаборатории, я разозлился и подкрался к нему на цыпочках, намереваясь наказать за непослушание простым заклинанием, которое было призвано напомнить ему, как следует себя вести в будущем! Итак, тихо подойдя к нему, я заглянул через его плечо и увидел, что он читает выцветший от времени пергамент на латинском языке.

Я сразу понял, что книга мне незнакома и решил приглядеться. Стоило Куа перевернуть страницу, как я увидел заголовок — с именем, от которого жажда убийства захватила мою душу.

Документ был утерянной главой Калиостро! Куа все-таки удалось разыскать ее во время одной из поездок в Италию, но, вернувшись, он мне солгал и оставил ее у себя! Этот чудесный, грозный кладезь сверхъестественной силы! Так вот почему он так быстро усвоил мои уроки. Так вот почему три кратких года обучения сделали его сильнее меня, потратившего три десятилетия на темные искусства...

* * *

— И в этот миг он заметил меня. В его глазах загорелся дьявольский огонь, он подскочил на месте и принялся исполнять быстрые пассы руками перед моим лицом, накладывая одно из опаснейших заклятий, почерпнутое им в моей тайной библиотеке.

Я сам не ожидал подобной прыти от своего потрепанного старостью тела, когда набросился на Куа и сбил его с ног. При падении он ударился головой об угол лабораторного стола...

Профессор нервно взмахнул руками.

— В следующие секунды я будто сошел с ума. Теперь-то я уверен, что тот удар об угол был смертельным. Но тогда я об этом не подумал. Я поднял тяжелый табурет, замахнувшись так, что от напряжения заломило руки, и со всей силы опустил его на голову помощника. Я овладел собой лишь некоторое время спустя: оказалось, я стою и смотрю на человека, которого, в глазах нашего цивилизованного правосудия, я только что убил.

Я ничуть не раскаивался в этом, ибо знал, что избавил мир от великой угрозы. Знал, что этот человек само зло — порочный разум, владеющий адскими секретами из записей Калиостро. Представляете, в какой хаос могло повергнуть мир это сочетание!

Я спрятал тело в известном мне одном склепе в подвале моего огромного особняка здесь, в городе. И сжег библиотеку, сохранив только драгоценное сочинение Калиостро, расстаться с которым был не в силах. Мне легко удалось уйти от всех вопросов, касавшихся исчезновения доктора Куа, моего ассистента.

И я думал, что с этим покончено навсегда. Все произошло два года тому назад.

* * *

Профессор застонал и схватился за голову.

— Вскоре я осознал, как ужасно ошибался — ничего не закончилось! Однажды поздно вечером я вернулся домой от приятеля и обнаружил, что мой Калиостро пропал!

Библиотека, теперь состоящая из самых обычных книг, была тщательно заперта, и дверь оставалась закрыта, когда я вернулся. Сейф, в котором я хранил бесценный манускрипт, тоже был на замке, и никаких следов взлома не наблюдалось. Однако, когда я открыл его, глава отсутствовала!

На вопрос, кто ее похитил, существовал лишь один ответ. Но в тот момент мой разум отказывался признавать его...

Ни жив ни мертв, я поднялся в лабораторию и приложил все свое магическое мастерство к решению задачи. Я проработал весь остаток ночи и наконец выяснил, что случилось.

Доктор Куа распрощался с жизнью, успев постигнуть секрет Калиостро. Он знал, как обмануть смерть, и тайна запечатлелась в его памяти. Точнее говоря, он знал, как уклониться от смерти, но не избежать ее совсем! Вот что самое ужасное в этом деле и одновременно главное оружие в наших руках.

Грешная душа Куа искала и нашла прибежище в теле человека, недавно умершего от естественных причин. Это тело — целое, а не искалеченное до непригодности, каковым был его собственный труп после смерти, — оживить он не мог. Но мог до бесконечности сохранять в своей власти — *неуспокоенным!* Используя тайные искусства, он сумел превратить себя в вампира и по-прежнему являться в мир живых, не будучи одним из их числа. Так он, подчинив неизмеримые силы злой воле, продолжает существование — непохороненный мертвец, движимый живой ненавистью, обреченный на жуткую долю вампира.

Друг мой, вот с этим Врагом нам предстоит сразиться!

* * *

Рик перевел дыхание. Потом поднялся с места и направился к двери.

— Стойте! — приказал профессор. — Куда вы идете?

— Я собираюсь известить об этом чудовище полицию! — воскликнул Рик. Но Толл медленно покачал головой.

— Я думал об этом. Не выйдет. Сами понимаете, что случится, если вы явитесь в полицию с этой историей, несмотря на доказательство в виде отпечатков клыков на шее Присциллы.

Рик остановился. Он вдруг *понял*. Ясное дело! Он тут же окажется в сумасшедшем доме!

Но затем он, с разгоревшимися глазами, снова двинулся к двери. И вновь профессор остановил Рика, догадавшись о его замысле.

— Вам не стоит в одиночку разыскивать доктора Куа. В первых, вы в сравнении с ним все равно что ребенок. А во вторых, здесь вы его уже не найдете.

— Почему?

Профессор Толл показал на окно. Рик увидел первые алые лучи рассвета.

— Он вампир и прикован к тьме. С заката до рассвета он передвигается и способен на сознательные действия. Но днем он отсиживается в каком-либо темном укрытии, найденном заранее, где погружается в глубокий вампирический сон.

Рик не хотел верить услышанному. Он упрямо вышел в коридор. И быстро вернулся, покусывая губы.

— Ну как? — спросил Толл.

— Дежурная говорит, что доктор Куа ушел. Он вообще никогда не бывает в больнице после четырех утра.

* * *

Слушая странный рассказ профессора, Рик не знал, верить ему или нет. Естественно, его знания и образование ничем не отличались от познаний обычных людей и не допускали возможность чего-либо подобного. И он решил поделиться своими сомнениями с профессором:

— Вы говорите, что этот человек, доктор Куа, проработал с вами три года. Однако в палате Присциллы вы на протяжении нескольких минут не могли его узнать. Как же так?

— Все потому, что он обитает в незнакомом мне теле, — ответил Толл. — Помните, я говорил вам, что его дух — душа, разум, называйте это как угодно — овладел останками другого человека, мне неизвестного. Я ведь так измолотил его тело, что оно стало бесполезным. Поэтому я смог узнать

Куа только по волнению, охватившему Присциллу Рэнд, и по капельке свежей крови, которую мои слабые глаза разглядели в уголке его рта.

— А как вы смогли оказаться здесь в нужный момент? — настаивал Рик.

— Последние два года, — сказал Толл, — с тех пор, как я выяснил, что злой гений не исчез с лица земли, я навещал во все больницы, гостиницы и пансионы, то есть в такие места, где ночует много людей, в надежде обнаружить несчастную жертву с отметинами клыков на шее. Когда я услышал о таком случае в этой больнице, я тут же поспешил сюда, полагая, что сумею, быть может, напасть здесь на след Куа. Все остальное вам известно.

Рик протяжно и нервно вздохнул.

— Да, остальное мне известно. Я верю вам... мне больше ничего не остается, как верить. Но, профессор, раз вы наконец напали на след Куа, что вы намерены предпринять дальше?

* * *

Благородное лицо старика помрачнело.

— Как я сказал, уязвимость доктора Куа в том, что он вампир, и это наше главное оружие. Мы не можем успешно напасть на него, когда он бодрствует или пребывает в человеческом обличье. Но мы можем найти, где он прячется во время своей ежедневной комы, или поймать его в виде беспомощной летучей мыши, что у нас едва не получилось несколько часов назад...

При этих словах глаза старика фанатично вспыхнули.

— Но почему это жуткое создание вторглось именно в наши с Присциллой жизни? — мрачно спросил Рик. — Почему он избрал жертвой именно Присциллу?

— Таков рок, — сказал Толл. — В городе сотни тысяч женщин, но Куа приглянулась она. На ее месте могла быть любая другая. Но раз уж эта судьба выпала Присцилле, а вы

напрямую замешаны в дело, не поможете ли мне уничтожить врага?

— Готов рискнуть жизнью, — ответил Рик. — Приказывайте, и я все исполню!

Широкая твердая ладонь молодого человека крепко пожала слегка подрагивающую руку старика. И в холодной больничной палате, в нескольких футах от неподвижной красавицы, жертвы чудовища, владеющего жутким темным секретом Калиостро, они заключили союз. А затем проследовали в огромный особняк доктора Толла, чтобы хоть немного передохнуть в ясном свете дня.

Глава 4

Враг отступает

Часы недавно пробили двенадцать. Профессор и Рик утром спали плохо, урывками, и теперь вяло и без аппетита завтракали.

— Может, зря мы вчера не взяли адрес Куа в больнице и сразу не отправились к нему? — сказал Рик.

— Это еще зачем? — спросил профессор.

— Поймать его, пока он без сознания.

Густые брови Толла поползли вверх.

— Боюсь, вы до сих пор не поняли суть борьбы с этим человеком — с этим ожившим трупом, если называть вещи своими именами. Вы вправду полагаете, что он, лишенный сил, будет в течение дня спокойно оставаться дома, по известному в больнице адресу?

— Почему бы и нет?

— На это мало надежды.

— В любом случае, — не унимался Рик, — надо позвонить в больницу, выяснить, где он проживает, и попытаться счастье, навестив вампира у него дома.

Профессор пожал плечами.

— Ну, хуже от этого не станет, — решил он. — Но предупреждаю заранее, Куа там не будет. Однако там, вероятно, окажутся вещи, которые мы сможем использовать против него.

Рик позвонил в больницу и узнал, что доктор Куа указал в качестве своего адреса большой, всем известный многоквартирный дом в полумиле от особняка Толла. А еще Рик узнал нечто весьма его удивившее, хотя профессор ожидал чего-то подобного.

Доктор Куа неожиданно уволился из больницы. Он пригласил заявление с рассылным сразу после того, как этой ночью, перед рассветом, покинул заведение.

— В некоторой мере, это внушает надежду, — пробормотал Толл. — Стало ясно, что он нас, пусть немного, но опасается. Правда, совсем чуть-чуть. Он полагает, и совершенно справедливо полагает, что его оккультные умения выше моих. Ну что ж, пойдём?

* * *

Несколько минут спустя они стояли перед дверью квартиры, снимаемой доктором Куа. Рик смело позвонил. Никто не ответил.

— Как мы попадем внутрь? — спросил он. О такой простой вещи он, оказывается, даже не подумал. — Мы можем попытаться сломать замок, но это грозит последствиями.

Профессор отодвинул его в сторону.

— Двери открываются не только ключами, — сказал он.

А сам тем временем проделал кое-что любопытное. Рик не успел разглядеть, что именно, и потом так и не смог бы описать этот процесс. Он просто увидел, как профессор коснулся дверной ручки. Кончики его пальцев мягко скользнули по полированной латуни. Затем его кисть напряглась, и большой палец, описав круг, притронулся ногтем к ладони.

— Теперь открывайте, — спокойно сказал Толл и отступил назад.

Рик повернул ручку. Дверь открылась.

— Надеюсь, во имя блага общества, что вы навсегда останетесь законопослушным гражданином, профессор! — воскликнул он.

— А как насчет существа, уже ступившего на преступный путь; существа, по сравнению с могуществом которого мои навыки выглядят детской игрой? — ответил профессор.

Рик промолчал, вдруг с новой силой осознавая, с чем именно им предстоит столкнуться.

* * *

Рик и профессор вошли в квартиру. Как предполагал Толл, в ней никого не оказалось. Более того, вещей в ней тоже почти не было. Все личное имущество Куа исчезло, кроме нескольких мелочей. Враг ускользнул.

Профессор совершенно равнодушно отнесся к его исчезновению, тогда как для Рика оно стало сокрушительным ударом. Толл рыскал по квартире, едва не подметая пол седой бородой: подобно зверю, он принюхивался, пытаясь что-то обнаружить.

— Что вы ищете? — спросил Рик.

— Что угодно, лишь бы оно указывало на настоящее местопребывание Куа, — рассеянно ответил профессор. — Ищу тайник, в котором он днем спит крепким сном вампира — и где мы сможем его отыскать и вонзить осиновый кол в самое сердце! Именно в этом цель наших поисков. Боюсь, что застать его за вампирским пиршеством нам больше не удастся.

Они обыскивали квартиру почти час, но обнаружили лишь одну вещь, заслуживающую внимания, одну улику — миниатюрный кукольный театр на секретере. Это небольшое приспособление напоминало коробку с натянутыми струнами, словно предназначенными для управления марионетками. Рiku оно показалось загадочным и бесполезным.

Профессор знал его зловещее предназначение, однако оно никак не помогло выяснить что-либо новое — разве только подтвердило мысль о том, что доктор Куа, насмехавшийся над Толлом прошлой ночью, на самом деле видел в нем весьма достойного противника и потому счел за лучшее скрыться.

— Он может быть где угодно в целом городе, *нам его не найти!* — отчаялся Рик. — Но как же... Присцилла?

— Вероятно, Куа оставит ее в покое, — сказал профессор, стараясь не смотреть Рiku в глаза. — Хотя он безусловно нападет на нас! Лишь мы одни знаем его тайну. Он не успокоится, пока мы живы. Мы отследим Куа по тем попыткам нападения, которые он предпримет в ближайшем будущем. Я, по крайней мере, на это надеюсь.

* * *

Они покинули опустевшую квартиру Куа и отправились в больницу. Там их встретили хорошей новостью: Присцилла наконец очнулась. Сейчас, с наполненными страхом глазами, девушка рассказывала им о смутных, но ужасающих видениях, преследовавших ее, пока она лежала без сознания.

Толл и Рик не уходили из палаты чуть не до полуночи. Когда Присцилла забылась здоровым сном, Рик решил пойти домой и взять кое-какие вещи.

— Ни в коем случае! — возразил Толл. — Здесь вам будет безопаснее. Не стоит выходить на улицу ночью — тем более в одиночестве!

— Я просто заскочу к себе и возьму смену белья, бритву и еще кое-что нужное, — сказал Рик. Но профессор и слышать не желал об этом.

— Пошлите за вещами курьера или дождитесь утра. Я даже затрудняюсь сказать, что может подстергать вас, пока вы не под моей ненадежной защитой. *Что-то* наверняка случится.

Заметив, как разволновался профессор, Рик пообещал завтра послать за одеждой. Но стоило ему пойти к телефону, как он передумал. Ему вдруг пришло в голову, что это дело принципа — нельзя поступаться своей честью.

«Неужто я позволю какой-то поганой крысе выгнать меня из собственного дома? — возмутился он. — Да будь я проклят, если так!»

Он оставил профессору записку, что заскочит к себе, но скоро вернется, и вышел на улицу.

В палате Присциллы профессор Толл подвинул свой стул поближе к кровати и немигающими от напряжения глазами уставился перед собой. Если на шее девушки опять появятся крошечные, зловещие следы от укуса, если вампир еще раз нанесет ей визит, она, возможно, провалится в небытие, откуда нет дороги назад!

Глава 5

Прислужники смерти

Позже, в свете зловещих испытаний, которые ему довелось пережить, Рик никак не мог объяснить, какое безрассудство заставило его пойти в разгар ночи, одному, к себе на квартиру.

Однако тогда он мало думал о риске, ибо просто не представлял, что может случиться. Ему хватило воображения лишь на сцену внезапного вторжения доктора Куа, встречи же с ним лицом к лицу Рик скорее желал, чем боялся. Мало того, в глубине души он почти не сомневался, что вообще никого не встретит.

Таким манером — не осознавая опасности, изнемогая от усталости и мечтая о смене белья — он, дойдя до своего дома, едва не забыл про доктора Куа и его ухищрения, а мысли его были в основном заняты Присциллой.

Машинально пошарив в кармане, Рик достал ключ, отпер дверь подъезда и начал подниматься к себе.

Чуть не валясь с ног от утомления, он зашел внутрь квартиры и зажег свет. Соблюдая некоторую осторожность, он запер дверь на два замка, а затем проследовал в спальню и принялся укладывать вещи в чемодан.

Рик так и не понял впоследствии, в какой момент он ощутил тот самый запах. Поначалу очень слабый, такой слабый, как будто он просочился вслед за ним с лестницы. Рик успел все упаковать и даже снял рубашку, готовясь принять душ, когда вдруг запрокинул голову и удивленно и испуганно принялся.

Но и в эту секунду он продолжал сомневаться.

— Забавно, — пробормотал он вслух, подсознательно стараясь, как поступают многие, подбодрить себя пред лицом неизвестной опасности, — забавно, мне показалось, что тут как-то странно пахнет.

Внезапно Рик замолчал — в комнате действительно странно пахло! И он *узнал* этот запах!

Чуждый и ужасающий могильный дух! Пахло мертвецом, облаченным в плесневелый, прогнивший саван; пахло тленом и разложением; пахло падалью, забытой в укромном уголке, спрятанном от солнечных лучей и человеческих взглядов!

* * *

Рик остолбенел.

У него задрожали поджилки. Сердце ушло в пятки, по позвоночнику пробежал холодок, застучали зубы, лицо искалжил ужас.

Запах смерти! Визитная карточка вампира — то есть зловещего доктора Куа! Вонь наполняла комнату, пока Рик не начал задыхаться, пока не почувствовал, что этот смрад вот-вот убьет его.

На долгое мгновение Рик застыл посреди комнаты, где кроме него, вроде бы, никого не было. Однако он знал, что мало-помалу в нее проникает иной — страшный — гость. Каж-

дый удар сердца усиливал чувство удушья. Язык словно прилип к нёбу. Вены на шее набухли и одеревенели, отчего Рiku почудилось, что, если до них дотронуться, они треснут, как сухие сучья.

Затем Рик пошевелился. Он ринулся к выходу, пытаясь добраться до наружной двери. Эта вонь... отвратительный спутник Куа... Ни разу в жизни Рик не испытывал такого панического страха. Бегство стало его единственным устремлением!

Ему почти удалось выскочить из комнаты, когда произошло то, о чем предупреждал жуткий запах.

Сперва Рика неожиданно парализовало с головы до ног, и теперь он мог лишь с трудом ворочать глазами. Жена Лота, обратившись в соляной столб, не была столь же беспомощной и онемелой.

К тому времени Рик уже был у порога спальни и мог сквозь дверной проем видеть коридор и спасительный выход из квартиры. Но совершить краткое путешествие до него было все равно, что научиться летать.

С его недвижных губ сорвался слабый стон — тогда как сам Рик пытался закричать.

Что-то мягкое и склизкое, что-то бескостное, гладкое и отвратительное ползло по его необутой ступне!

* * *

Рик боролся со сковавшим его оцепенением, настойчиво пытался наклонить голову и посмотреть, что за дрянь ползет по его телу, оставляя за собой холодный липкий след. Но голова, словно застыв на плечах, не желала двигаться. Он не мог наклонить ее ни на дюйм, чтобы взглянуть на пол у ног.

Пока он силился опустить взгляд и посмотреть, что за мерзкая штука поднимается по нему, по его ступне поползло еще одно липкое и холодное нечто. И еще одно! И еще! Он, выпучив глаза, старался взглянуть вниз и наконец уви-

дел что-то конусообразное и желтовато-белое, похожее на хвост гигантского земляного червя.

Могильная вонь стала невыносимой. Рик давился ее ядом. Давился — и вновь вдыхал...

По его голой руке начало мучительно медленно подниматься что-то волосатое и многоногое!

В пустоте дверного проема перед ним возникла слабая вибрация. Воздух задрожал и засиял радужными полосками, напоминающими подвижные горячие струи над раскаленной солнцем поверхностью.

Полоски преобразились в линии и стали менее изменчивыми. Постепенно они обретали ясность и материальность. Появились белые пятна. Их прорезали два узких темных мазка. Над треугольником, ставшим длинным узким подбодком, показалась ярко-красная ухмылка.

Ошеломленный и умирающий от ужаса Рик уставился в бледное лицо доктора Куа.

* * *

Бестелесное и неподвижное, оно повисло в дверном проеме, позволяя рассмотреть себя в ярком электрическом свете. Рик смотрел на него остекленевшими глазами, завороченно переводя взгляд с омерзительных кроваво-красных губ на тусклые, лишенные живого блеска волосы, торчащие клочками на сероватой пергаментной коже, туго обтянувшей голову, отчего та напоминала самый настоящий череп — символ смерти.

Алые, точно обгаренные свежей кровью губы слегка дернулись. В сознание Рика проникли слова: «...за то, что посмел вмешаться... в мое существование... ты умрешь...»

— Будь ты проклят! Проклят! Катись обратно в ад! — зазвучал прерывистый шепот. Рика передернуло. Кажется, он сам прошептал это — хоть и силился вызывающе прокричать.

«...умрешь...»

Ответ прогремел, как однозвучный звон колокола. Потом все стихло, и страшная голова медленно растворилась и исчезла. Она плавно развеялась, вновь превратившись в мерцание дрожащего, как в жаркий день, воздуха; все произошло так неспешно, что Рик несколько мгновений мерещилось, будто она еще там. Но дверной проем был уже пуст.

Рика зашатало, он был на грани нервного срыва, был готов упасть в обморок. Неожиданно из соседней комнаты донесся шум. Он звучал прямо за стеной, у самой двери, но источник его оставался невидимым.

* * *

То был слабый шелест, невнятное *дребезжание*. Рик, чувствуя себя на грани помешательства, пытался понять, что это...

Шорох трущихся друг о друга чешуек? Неужели он слышит, как к нему, поскрипывая шкурой, подползает огромная змея? Нет, не то. Шуршание плотного шелка? Похоже, но опять не совсем...

И тут ему в голову пришло ужасное сравнение. Оно попало в точку, и в следующую секунду Рик осознал, что никакое это не сравнение — это кошмарная правда!

Отвратительный тихий звук был треском *костей*! Болтающихся костей, ненадежно скрепленных между собой лоскутами плоти и измочаленными сухожилиями! Кости сухо стукались друг об друга, и их клацанье лишь частично приглушалось налипшими остатками тканей!

Он едва успел с ужасом об этом подумать, как нечто неторопливо показалось из-за дверного косяка.

Это была рука. Вернее, что-то вроде кисти из пяти сочлененных костей разной длины, напоминающих связку прутьев, смутно похожих на пальцы; они держались вместе за счет истрепанных жил в коричневатых сгустках крови. На среднем прутике, самом длинном из всех, красовался но-

готь, старый и зазубренный; казалось, он в любую секунду готов был отвалиться.

* * *

Кисть выползла полностью. За ней последовало запястье — обнаженные кости с редкими прилипшими кусочками вязкой гнили, некогда бывшей плотью. За запястьем показалось уродливое предплечье, обернутое грязно-белым рукавом с приклеившимися комками земли.

«Господи, пусть я умру... упаду в обморок... сойду с ума...» — взмолился Рик.

Вскоре в дверном проеме, словно выйдя из ночных кошмаров, медленно возникло подобие человеческой фигуры в полный рост. То было истинное и окончательное видение смерти!

Пустые глазницы скелета уставились на Рика. Череп задвигал отпадающей нижней челюстью. С чуть слышным треском существо, обернутое в бесчисленные складки изодранного савана, двинулось к нему.

Однако молитва подействовала. Рик потерял сознание.

Но, прежде чем колени его подкосились и свет померк, он со вздохом ужаса успел заметить, как жуткий выходец из могилы, подобно автомату, продолжал приближаться... и тянулся у нему своими загнутыми когтями...

Глава 6

Адские марионетки

Остававшийся в больнице профессор не сразу понял, что Рик ушел. Когда молодой напарник не вернулся в палату, Толл предположил, что тот дожидается курьера, который должен был зайти за инструкциями и ключами. Гораздо

полнее осознавая грозящую им опасность, профессор и подумать не мог, что Рик в одиночку осмелится выйти ночью на улицу.

Старик рассеяно смотрел на спящую девушку. Попадшая в западню бедняжка! Но в плену несчастий, постигших ее, проникал луч надежды: если Присцилле все-таки удастся пережить весь этот кошмар, она не будет приговорена к обычной участи жертвы вампира — после смерти она не обратится. Вампиризм доктора Куа не был естественным, передающимся, как заразная болезнь, от вампира человеку; Куа стал вампиром магическим путем, и все закончится с его смертью.

Толл вздохнул, бросил взгляд на часы и понял, что Рик отсутствует больше тридцати минут. Профессор сдвинул густые брови. Посмотрев на Присциллу, он решил, что не стоит ее оставлять даже на то краткое время, которое понадобится, чтобы спуститься поискать Рика в вестибюле, и поднял телефонную трубку.

Ему ответила девушка из регистратуры, сказав, что Рик пошел к себе!

Толл вскочил на ноги. Он оказался в затруднительном положении. Рик, опрометчиво отправившись домой, мог оказаться в смертельной опасности. Но если пойти за ним, девушка будет без присмотра. Что важнее? К кому из них ближе подобрался Куа, лелея свои черные замыслы?

В это мгновение ровное дыхание спящей Присциллы стало прерывистым. Ее губы приоткрылись.

— Рик... — простонала она. Ее руки зашевелились, словно она пыталась проснуться. — Рик, милый...

И всё. Однако для Толла этого было достаточно. Он принял решение. За время своих изысканий он укрепился в вере в значимость любого сна любого человека. Если судить по беспокойным возгласам, Присцилла боялась за Рика. Означало ли это, что сон ее просто напугал или же Рик действительно был в опасности? Толл не сомневался в последнем.

Нажатием кнопки звонка он вызвал дежурную сестру и внимательно посмотрел на нее. Ему показалось, что этой высокой, спокойной девушке с умными глазами можно дове-

рить их тайну. Толл чуть не решился на это. Затем передумал. Лучше не испытывать сестру, раскрывая истинную и весьма странную угрозу, нависшую над Присциллой Рэнд!

— Мне требуется уйти приблизительно на час, — наконец сказал он. — Как вам известно, от мисс Рэнд нельзя отходить ни на минуту. Вам об этом говорили?

Медсестра отрицательно покачала головой.

— Все потому, что мисс Рэнд панически боится летучих мышей, — убедительно сказал профессор. — Если хотите, считайте это паранойей. Но по этой причине кто-то должен постоянно находится рядом с ней на случай, если она в ужасе проснется. Вы не могли бы занять мое место у ее постели примерно на полтора часа?

Медсестра посмотрела на свои наручные часы.

— Да, — ответила она. — Мое дежурство заканчивается через пять минут. Потом я свободна. Посижу здесь до вашего возвращения.

— Хорошо, — сказал Толл. — Кстати, — будто невзначай продолжал он, — если и в самом деле в окно или дверь попытается влететь мышь, ради всего святого, прогоните ее, чтобы мисс Рэнд, проснувшись, не перепугалась.

— Летучая мышь? — удивленно повторила медсестра. — В центре города? Это невозможно!

— Скорее маловероятно, — согласился профессор. — Просто подумалось, что стоит вас предупредить...

* * *

Медсестра вышла доложить об окончании дежурства, а Толл нервничал из-за каждой секунды промедления. Пять минут еще не истекли, как она вернулась, и профессор выскочил из больницы на улицу.

Его разум несея впереди тела. Скорость была теперь всем. Дом Толла находился ближе квартиры Рика. В нем имелась лаборатория, а в ней — миниатюрный театр кукол, весьма схожий с тем, что стоял на секретере в опустевших комна-

тах Куа. С его помощью профессор мог послать множество своих проекций к Рику, и это обеспечило бы более быструю и не менее надежную защиту, чем его личное присутствие.

Толл повернул к своему особняку, но на полпути передумал и поспешил к квартире Куа. Она была ближе. Он умел управлять марионетками на сцене кукольного театра, забытого Куа, не хуже самого доктора.

Толл со всех ног летел к пустому жилищу противника. И ни на миг не переставал надеяться, что Куа не успел нанести удара, иначе его призрачные воины окажутся не нужны.

В отточенном оккультными занятиями уме профессора тихонько зазвенело магическое предупреждение об опасности, стоило Толлу зайти в подъезд дома Куа. Он отмахнулся от предчувствия, поглощенный раздумьями о том, как сразу кинется к секретеру с театром.

Почтенному профессору даже в голову не пришло, что Куа мог вернуться к себе и в этот момент находиться прямо за запертой дверью, на миг остановившей Толла. Хотя позже он честно признался в собственной недогадливости! Как иначе объяснить это закравшееся в душу странное предчувствие и небывалое замешательство, охватившее его, как только он открыл дверь и вошел внутрь?

* * *

Но если до сих пор Толл был слишком поглощен своими мыслями и даже не предполагал, что доктор Куа мог быть в квартире, то сейчас он понял это, только успев войти внутрь! Он догадался о присутствии врага, потому что в предположительно пустом жилище горел свет, а еще через мгновение увидел прямо перед собой напряженную спину согнувшегося над чем-то Куа!

Доктор Куа сидел у секретера. Профессор видел, что все его внимание было приковано к миниатюрной сцене. Видел и руку, движущуюся над сценой: пальцы негодя дергали за ниточки, прикрепленные к крошечным марионеткам, зас-

тавляя их и тех, кого они символизировали, двигаться.

Каким темным замыслом был наполнен сей одинокий кукольный спектакль? Толл подкрался поближе, чтобы выяснить это.

Конечно, это ему ни за что не удалось бы, не будь доктор Куа столь глубоко поглощен своим зловещим занятием и убежден, что два его противника никак не догадаются искать его там, откуда он вроде бы навсегда сбежал. Вот почему вышло так, что профессор сумел, шаг за шагом, приблизиться к ненавистному врагу, а тот не почувствовал, что в комнате он больше не один. И наконец Толл разглядел и сцену, и крошечные фигурки, неловко передвигающиеся по ней...

* * *

Профессор увидел, что сцена разделена на две части, обозначающие комнаты. В одной из них, занимавшей большую часть пространства, была спальня. Затем Толл посмотрел на кукол.

От вида первой же — скелета, сделанного, вероятно, из воска и обмотанного истлевшей белой тряпичей, — кровь застыла в жилах. А вторая представляла собой...

Тут профессор Толл не сдержал возгласа ужаса, и от этого крика доктор Куа бросил марионеток и с рыком развернулся. Секунду или две, застыв перед лицом смертельной опасности, профессор не мог двинуться с места или отвести взгляд от жуткой куклы.

В ней, сотворенной с дьявольским мастерством, он узнал Рика Балларда! А в тот миг, когда возглас Толла привлек внимание Куа, ужасный восковой скелет кошмарными скрытыми пальцами вцепился кукле-Рику в горло!

Подавив еще один возглас, старый профессор оторвал взгляд от ужасной сцены и вперился в горящие ненавистью глаза Куа.

— Ах ты, червь могильный! — проскрежетал он. — А ну, отойди от этой смертоносной ловушки, я ее уничтожу!

Огонь в раскосых темных глазах вампира сменился искорками холодной насмешки.

— Наш замечательный профессор забывает, — проговорил доктор Куа, — что я больше не его подручный. Я сам теперь хозяин. И здесь я отдаю, а не исполняю приказы.

— Ты отойдешь от этой штуки, прежде чем я тебя убью? — вспыхнул профессор. Возраст забылся. Он расправил согбенные годами плечи, пронизательные серые глаза озарились юным блеском.

— Как ты убьешь того, кто, по твоим же словам, давно умер? — насмехался доктор Куа.

— Не смогу убить, так по крайней мере удержу этот ходячий труп, вместилище твоего духа, до рассвета. А с восходом солнца воткну кол в его нечестивое сердце!

Доктор Куа сверкнул черным гагатом глаз. Длинные руки молниеносно начертали в воздухе магический знак.

Профессор Толл ринулся на него с криком ярости. Куа уклонился, схватил его за руки и ловко скрутил их, однако профессор, в свою очередь, сумел сбросить кукольный театр с секретера, а через секунду ногами раздавил его в щепки. Призрачное орудие погибло с громким треском, схожим с ружейным залпом.

Доктор Куа с безумным лицом смотрел на противника. Но не успел он произнести смертоносное заклинание, как в дверь настойчиво постучали.

Удары не желали прекращаться, становясь все сильнее, будто кто-то пытался сломать дверь. Раздался голос:

— Эй, там!.. У вас все в порядке? Я слышал выстрел.

Мгновением позже дверь задрожала — замок поддался напору. Но прежде, чем она распахнулась, Куа, бросив разъяренный взгляд на профессора, исчез.

* * *

Даже в этот насыщенный событиями миг, когда смерть чуть не настигла его, а старческое тело сотрясало, как лист,

от кошмарного напряжения, у профессора нашлось время кое-что с ужасом понять.

Куа освоил последнее, самое жуткое из всех темных искусств — дематериализацию. Толл застонал. С этим устрашающим знанием Куа будет способен повергнуть ничего не подозревающий и беспомощный мир в хаос!

Через обломки двери перешагнул человек и поспешил подхватить профессора под руку.

— Что случилось? — спросил он. — Воры? Попытка убийства? Что?

— Воры, — тихо ответил профессор. — Я был здесь, и кто-то напал на меня сзади. Я даже не увидел, кто это.

Его спаситель, крепкий рыжеволосый парень, подозрительно посмотрел на профессора.

— Да? А что вы тут делали? Я живу в соседней квартире и сейчас вспомнил, что отсюда съехали. Думаю, полиция...

Он замолчал. Глупо раскрыв рот, он замер с остекленевшим взглядом, словно на него невесть откуда накатила дремота. Что, кстати говоря, было правдой...

Профессор несколькими пассажами завершил несложный процесс гипноза и мягко уложил соседа на пол.

— Ты проснешься через пять минут, — приказал он, легко дотронувшись до закрытых век лежащего.

Толл выбежал из комнаты и помчался к Рикку Балларду. А позади остался человек, посапывающий во сне. Он проснулся ровно через пять минут и потом всю жизнь рассказывал одну и ту же историю. Некоторые слушали ее с интересом, некоторые посмеивались, но никто никогда в нее не верил.

Глава 7

Из другого мира

Рик Баллард медленно приходил в себя. Какое-то мгновение он пролежал в полузабытьи с закрытыми глазами, не

способный ничего вспомнить. Сложно сказать, сколько времени он провел без сознания...

Его глаза распахнулись, когда память вернулась, и он с хриплым криком вскинул руки, защищаясь от ужасного видения, приближавшегося к нему.

Но кошмар исчез. Вместо него над Риком склонился профессор Толл и промокал ему лоб холодной водой, что-то успокаивающе и ободряюще говоря при этом.

Рик с облегчением выдохнул, поняв, что опасность необъяснимым образом миновала. Вскоре его подтянутое, мускулистое тело вернулось в нормальное состояние, и он, довольно кротко, выслушал рассказ профессора о походе в квартиру Куа и произошедших там событиях. Затем поведал свою историю.

— Значит, все это время я был под гипнозом, — поразился Рик. — Но видения казались такими реальными. Я чувствовал, как по моим ногам поднимаются какие-то холодные и склизкие существа, напоминающие змей. А нечто волосатое и многоногое ползало по моей руке. Я, кажется, видел лицо доктора Куа — и, безусловно, на меня надвигался призрак из могилы! А теперь я узнаю, что это были лишь иллюзии, а не явь!

— Не будьте столь уверены в этом, — спокойно сказал Толл.

— Неужели из пустого воздуха могла материализоваться настоящая кровь и плоть? — усмехнувшись, спросил Рик. — Нет, в такое я не поверю. Да и не обязательно в это верить. Гораздо логичней другая версия — гипнотические иллюзии были внушены моему сознанию доктором Куа.

* * *

Толл повторил первые слова Рика:

— Из пустого воздуха? Не бывает такого! На самом деле пространство вокруг нас кишит жизнью, как в тропических морях!

Он вытянул руку и провел ею перед собой.

— Делая этот жест, я, несомненно, провожу руку сквозь тело какого-нибудь живого существа, подвижного, дышащего, материального, но находящегося в другом измерении и знающего о нас не больше, чем мы о нем. Доктор Куа обладает силой переносить этих созданий из их измерений в наше, а также переносить объекты из нашего измерения в чужие и возвращать их обратно. Поверьте, то, что вы видели, и впрямь находилось перед вами — это не было порождением вашего разума.

Рик потряс головой.

— Я, конечно, покажусь ужасным трусом, раз спасовал при виде воображаемых фантомов, — сказал он, — но я и сейчас не сомневаюсь, что мне не угрожало ничего материального!

Толл вздохнул. Затем достал откуда-то из-за спины газету, свернутую в рулон, как будто внутри находилось что-то длинное и цилиндрическое.

— Вероятно, вы поверите этому. Один из ваших гостей не вернулся в свое измерение: может, внезапно погиб здесь или остался у нас из-за прерванного заклинания Куа.

Он раскрыл сверток.

У Рика перехватило дыхание, когда он увидел, что именно было завернуто и спрятано от него в газете. Ему почудилось, что стены вот-вот на него обрушатся, а земля качнулась под ногами. Но он не закрыл глаза и не отвел взгляд от существа, не вернувшегося в свой мир.

Червеобразное создание было длиннее и крупнее любого известного ему червя — безногое, толстое, рыхлое, грязного желтоватого оттенка, без головы, потому что она, мягкая и мясистая, оказалась раздавленной, будто кто-то наступил на нее...

Словно издали зазвучал извиняющийся голос профессора:

— Не надо было вам это показывать. Вы все еще не оправились от шока. Простите меня...

Опускались сумерки. Пылающий диск солнца наполовину ушел за ломаную линию городского горизонта. Рик с профессором опять были в палате Присциллы.

Девушка, которую врачи, так и не сумев объяснить причину загадочной болезни, признали практически здоровой, сидела на постели. Ее щеки, еще недавно вновь обретшие румянец, теперь побледнели: профессор Толл решил, что сейчас она достаточно окрепла и сможет выдержать известие о грозящей ей опасности.

Когда он закончил рассказ о докторе Куа, воцарилась тишина. Присцилла смотрела, как за окном заходит солнце, медленно исчезая за горизонтом. Наконец ее широко распахнутые глаза воззрились на убеленного сединами собеседника.

— Что нам делать? — прошептала она. Она не раз ловила себя на мысли, что удивительный рассказ Толла не может быть правдой. Однако женская интуиция подсказывала обратное, а еще у нее не было сомнений в том, в чем боялся признаться себе Рик.

— Этот человек... это чудовище... кажется, всесильно!

— Сил у него достаточно, — согласился Толл. — Но только ночью, не забывайте об этом! Днем он погружается в беспомощное оцепенение. В светлое время суток мы должны его отыскать и уничтожить. Однако именно днем мой единственный способ его обнаружения не действует.

Присцилла бросила на него полный надежды взгляд.

— То есть вы знаете, как его обнаружить?

— Знаю. И мой метод страшен, он чрезвычайно опасен для вас, гораздо опаснее, чем для меня и Рика.

— Для меня?

— Да. Как я уже сказал, днем, когда доктор Куа пребывает в вампирском трансе, это не подействует, так как он не излучает психической ауры, требующейся мне для работы. Но если мы попытаемся отыскать его ночью, нам придется оставить вас одну!

— Об этом и подумать невозможно! — взорвался Рик, хватая невесту за руку.

* * *

Присцилла опять посмотрела в окно, за которым медленно сгущались сумерки, погружая город во тьму. Снаружи раздавался звонкий крик мальчишки-газетчика. Даже не думая о том, что в больнице и возле нее принято соблюдать тишину, он рекламировал экстренный выпуск: «Специальный номер! Похищена девушка! Полиция прочесывает город! Похищена девушка!..»

До Присциллы дошел смысл сказанного, и она вздрогнула. Похищена девушка! А что может ожидать ее, останься она в одиночестве, когда Куа начнет действовать!

Ничем не выдав недобрых предчувствий, Присцилла сказала:

— Другого выхода нет — я буду без охраны. Это существо надо поймать, а если сделать это можно только ночью, то у вас двоих нет права терять время в больничной палате!

— Я не допущу... — начал Рик.

— Тсс, — Присцилла сжала его ладонь.

— Выбор есть, — сказал профессор, избегая ее взгляда. — Я могу пойти один, а Рик пусть остается с вами.

Присцилла улыбнулась. Так решительно улыбались жены первопоселенцев и смело, не оглядываясь назад, отправлялись в фургонах с мужьями в путающую неизведанность индейских территорий. Глаза девушки искали взгляд Толла.

— Вы уже не юны, — тихо произнесла она. — Вы сильны разумом и знаниями, но не телом. Вам понадобятся мускулы этого молодого здоровяка для защиты. Вы должны идти вдвоем.

Так и решили. К тому же у них и вправду не осталось иного выхода. Было бы глупо и нелогично сидеть и ждать, когда Куа явится к ним и нападет, не пытаясь как можно скорее его отыскать, несмотря на грозящую опасность!

Мужчины восхищались храбростью Присциллы и боялись того, что может случиться с ней в долгие ночные часы, однако ушли. И все это время издалека их преследовал мальчишеский голос: «Экстренный выпуск! Тайнственное похищение! Пропала девушка...»

Глава 8

Нечестивая ворожба

Двое мужчин направились к мрачному особняку профессора. По дороге Толл долго молчал, а его лицо оставалось серьезным и встревоженным. Рик шел рядом и тоже ничего не говорил, беспокойно озираясь, вглядываясь в темноту и радуясь каждому горящему фонарю. Злые чары доктора Куа висели над их головами, подобно Дамоклову мечу, готовые в любую секунду обрушиться и прервать их жизни.

— Каким образом вы хотите узнать, где сейчас доктор Куа? — наконец спросил он.

— Сами скоро увидите, — последовал хмурый ответ Толла.

— Мы идем к вам, потому что в доме у вас оборудование, то есть инструменты, или как вы там их называете?

— Да, — пробормотал профессор, — мы идем за инструментами...

Рик посмотрел на него. В зыбком свете фонарей лицо старика обрело зеленоватый оттенок.

— Вы упоминали про опасность, — продолжил он. — Какую — физическую или психическую?

— И это вы тоже скоро сами узнаете, — со вздохом ответил профессор. — Ужасно вмешиваться в законы природы. Может случиться нечто непредсказуемое, неожиданное...

Больше за весь путь не было произнесено ни слова. Они свернули на аллею, ведущую к огромному старому дому.

Особняк был погружен во тьму. Ни в одном окне не горел свет. Профессор не держал слуг, предпочитая жить отшельником в нескольких комнатах, пока остальные покрываются пылью, лишь бы экономка не вмешивалась в его занятия и эксперименты.

Толл повернул ключ и толкнул дверь. Рик с трудом сдержал возглас облегчения, когда профессор зажег электричество в неприбранном старомодном вестибюле.

* * *

Не задерживаясь, Толл прошел по коридору к задней двери, ведущей к крутой лестнице вниз. Он нажал на выключатель, и свет залил просторный подвал. Рик спустился туда вслед за профессором. Он продолжал чувствовать уже успевший стать привычным холодный страх перед чем-то странным и ужасным, что могло случиться в любой момент; об этом его предупреждало сердце, но никак не разум.

— Я определенно начинаю сходить с ума! — громко произнес он и криво улыбнулся. Он сказал это, чтобы как-то развеять повисшее молчание и не ожидая ответа. Тем не менее, профессор серьезно ответил:

— Вероятно, вам не по себе, потому что вы временно подпали под давление моей психической чувствительности. Но больше ни звука. Мне предстоит тяжелое сражение в ментальной сфере. Я должен сосредоточиться.

Они дошли до дальней стены большого подвала. Здесь профессор остановился.

Рик не увидел ничего примечательного: стена как стена, из простых бетонных блоков, местами потрескавшихся под тяжестью старого здания. Но глаза профессора блеснули, когда он наклонился к одному из блоков и дотронулся до зигзагообразного раскола, делящего его пополам по диагонали.

Рик удивленно замер. Потрескавшийся блок и еще четыре над ним и под ним разошлись в стороны, образовав по-

добие узкого дверного проема. Толл двинулся вперед, а Рик последовал за ним в тоннель, низкий потолок которого тут и там подпирали бревна.

Толл еще раз коснулся двери, и она закрылась, оставив их в могильной темноте. Рик почувствовал, как профессор сжал его руку; они продвигались вперед, лишь на секунду задержавшись, пока Толл открывал другой проход.

Сделав несколько шагов, они остановились. Рик развел руки, но пальцами почувствовал лишь пустоту. Они находились либо в просторной комнате, либо в пещере. Было слышно, как профессор бубнит себе под нос. Раздался щелчок, и вспыхнул свет.

* * *

Сверху на шнуре свисала прозаичная электрическая лампочка, и от этого подземелье казалось не столь ужасным. В ее резком, слепящем свете в глаза бросалась лохматая паутина; сырые земляные стены сочились водой; тяжелые капли монотонно падали между грубыми деревянными опорами. В пещере было влажно и душно. Она напоминала склеп.

Рик вздрогнул и побелел, как мел. С громко стучащим сердцем он смотрел на распластавшееся в углу нечто — нечто жуткое, застывшее на земляном полу.

Напоминала склеп? Нет же, пещера была склепом! Склепом с покойником!

В углу лежал труп мужчины среднего роста. Если судить по состоянию тела и запачканной, выцветшей одежде, мертвец попал сюда давно. Об этом свидетельствовали борода и волосы — свалявшиеся, грязные, нечесанные, схожие с сорной травой на могильном холме.

Лицо испещрили высохшие красно-коричневые пятна. Это были пятна крови из жестоко раскроенного черепа.

— Господи! — прошептал Рик. — Кто это был?

— Это смертная часть человека, которого я в недобрую минуту нанял своим ассистентом. Перед вами доктор Гер-

берт Куа. — Лицо Толла помрачнело. — Вот мой инструмент: с помощью его я собираюсь узнать, где сейчас наш враг. К этому куску глины привязан дух человека, чье тело теперь носит Куа, — и дух станет моим помощником!

Рик онемел. Одурающая духота тайной пещеры, предчувствие грядущего ужаса и, главное, это жуткое, бледное тело наполнили его мучительным желанием бежать прочь, на свежий воздух.

* * *

Профессор встал на колени у распластанного трупа и начал медленно тянуть руки к покрытому красными пятнами лицу. Но, прежде чем до него дотронуться, он взглянул на Рика.

— Над нами сейчас нависла великая опасность, — сказал Толл. — Мне еще не доводилось ставить этот эксперимент и поэтому я не знаю, чем он может увенчаться. Будь что будет. Но не теряйте бдительности!

Рик молча кивнул. Профессор приступил к процедуре, которой с тех пор суждено было преследовать Рика в самых страшных снах.

Старик громко зачитал заклинание. Оно скорее походило на набор звуков, доселе Риком не слышанных, однако вместе они напоминали фразу на древнем, забытом языке.

Длинные и чувствительные пальцы Толла коснулись правого века в глубокой впадине глазницы ужасных останков лица. Повисла тишина.

Рику показалось, что немая сцена длилась несколько часов. Толл закрыл глаза и неподвижно сидел на коленях рядом с трупом; сосредоточенность профессора говорила, что он собрал все свои ментальные силы и пытается решить сложнейшую задачу. Рик стоял немного позади, воззрившись на бледное тело, некогда вмещавшее дух, который сейчас бродил вне его, облачившись в чужую плоть. Затем произошло нечто невероятное и пугающее.

Правое веко, ранее потревоженное касанием Толла, дернулось. Затем, мелко дрожа, принялось подниматься, пока Рик не увидел ввалившееся и сморщенное глазное яблоко. От этого зрелища у Рика перехватило горло, ему с трудом удалось перевести дыхание.

Глаз был живым!

* * *

Тело оставалось мертвым; бугристое лицо определенно находилось на грани настоящего разложения. Но на этом застывшем лице жил и двигался глаз! Он начал вращаться в глазнице, злобно посмотрев сначала на Рика, а потом на Толла.

Через мгновение случилось еще одно чудо. Иссохшие губы задвигались, обнажив десны, успевшие потерять несколько зубов. Зазвучал голос — голос резкий и хриплый, голос глухой и потусторонний, будто доносящийся из глубины тоннеля.

— Я здесь. Что вам нужно?

Стоило Рiku услышать этот загробный голос, как его охватил безумный ужас. Колоссальным усилием воли он сдержал крик и не отпрянул, оставшись рядом с профессором.

— Повелеваю, — произнес Толл тихо и взволнованно, — скажи, где сейчас находится — *сам знаешь кто!*

Как только прозвучали три последних слова, окоченевшее тело ужасающе преобразилось. Глаз засверкал. Губы скривились, из горла раздался хрип. Труп передернуло, как от разряда тока.

— Где он? — сказал Толл. — Приказываю тебе, говори.

Расшатанные, пожелтевшие зубы клацнули. По холодным членам прошла последняя судорога. Тело замерло. Последовала тишина — такая глубокая, что Рик слышал, как барабанной дробью бьется его сердце.

— Боже, — простонал Толл, — у меня не получилось?

Но его прервал хриплый замогильный голос, исходящий из мертвых губ:

— Тот, кто вам нужен... в каменном доме с красной крышей... рядом с кладбищем под названием Тин...Тин...

— Да, — сказал профессор. На его лице проступили капли пота. Он склонился над трупом, заставляя мертвеца продолжать:

— Да, Тин... что дальше?

— Быстрее... иначе опоздаете... — зазвучали отрывистые слова. — Тин.. Тин...

Глухой голос запинаясь, подобно теряющим завод механическим часам, и наконец замолк.

— Продолжай! — вскричал профессор с лихорадочным блеском в глазах.

Губы мертвеца более не шевелились. Голоса больше не было.

* * *

Профессор в бессильной муке сжал кулаки. Но Рикку показалось, что он понял, о чем шла речь.

— Возможно, говорилось о Тинсдейлском кладбище, — неуверенно предложил он. — Может...

Он ошеломленно замер, уставившись на труп; профессор тоже обернулся.

Ужасный мертвец с тихим треском одеревеневших суставов и истлевших сухожилий поднимался на ноги. Единственный открытый глаз сверкнул адским пламенем, когда его обладатель попытался напасть на людей, посмевших, вопреки всем законам умирания, воспользоваться его вечным покоем для земных целей.

— Дверь... — выдохнул Толл. — Скорее!

Но мертвец уже успел начать свое неловкую атаку: иссохшие руки, рассекающие воздух, как прикрепленные к плечам палки, дотянулись до профессора.

Борясь с волной подступающей от отвращения тошноты, Рик кинулся на помощь старику. Он наотмашь бил кулаками оживший труп.

Однако ему никак не удавалось нанести сильный удар. Руки проваливались сквозь склизкую массу, ускользающую от кулаков. И все же ему удалось на секунду заставить неуклюжего противника попятиться.

Этого оказалось достаточно. Рик потащил профессора к выходу и захлопнул дверь, оставив жуткое существо биться в нее изнутри склепа.

Немного пошатываясь и будто попав в нескончаемый кошмар, они проделали обратный путь, оставив мертвеца позади в ярком и резком сиянии электрической лампочки...

Глава 9

Под красной крышей

— Тинсдейлское кладбище, — сказал профессор Толл, проглядывая список кладбищ в городе и окрестностях. — Должно быть, речь о нем. Других с этим первым слогом или хотя бы напоминающим его нет. Вперед, надо поторопиться и узнать, есть ли там дом с красной крышей.

Их наемный автомобиль с хорошо оплачиваемым шофером за рулем неся вдоль набережной, нарушая все ограничения скорости. Они помчались к Тинсдейлскому кладбищу, а когда подъезжали к нему, Толл воскликнул с мрачным торжеством:

— Там! — и указал направление.

Глаза Рика последовали за пальцем профессора, и в свете одного из скудно поставленных фонарей он увидел старый каменный дом с красной черепичной крышей и заколоченными окнами, стоящий на заросшей сорняками лужайке недалеко от кладбищенской ограды. А метрах в двадцати от него виднелась свежая могила, похожая на кровавую рану — почва в этом районе была глинистая, рыжевато-от-

тенка.

Рик и Толл вышли из автомобиля, заплатили шоферу и отпустили машину. Затем, не сомневаясь, что в такой поздний час их никто не заметит, они осторожно прошли к дому и обогнули его.

Окна были темны. Забитые досками, они напоминали пустые глазницы. Здесь царила атмосфера заброшенности и распада; очевидно, в доме много лет никто не жил.

— Неужели мы в правильном месте? — неуверенно спросил Рик, озираясь.

— Да, пустой дом — очень близко от кладбища. Полагая, мы не ошиблись, — шепотом ответил профессор. — Если того захочет Господь, наш враг окажется внутри дома в одиночестве.

— А если так оно и есть?

— Скоро рассвет. Мы с вами попытаемся задержать его, пока он не впадет в дневное оцепенение. И тогда он будет в нашей власти.

Рик наконец решил задать вопрос, преследовавший его с тех пор, как профессор впервые упомянул о необходимости выследить доктора Куа:

— Он тоже обладает сверхъестественными способностями. Не узнает ли он, что мы приближаемся? Не исключено ведь, что он будет видеть все наши передвижения и приготовится отразить удар?

Профессор пожал плечами.

— Может, и узнает. Даже наверняка узнает! Нам остается надеяться лишь на то, что он будет слишком поглощен своими темными делами и, сосредоточившись на них, не заметит, как мы подкроемся.

* * *

Толл прошел к запертой задней двери. Замок вскоре поддался его заклинаниям. Профессор осторожно и бесшумно отворил дверь, и они с Риком на цыпочках проследовали в

темную комнату, где находилась когда-то кухня.

Мерзкое зловоние сразу ударило им в ноздри. Запах недвусмысленно намекал на то, что рядом смерть. Этот мрачный старый дом был весь пропитан смертью. Они пробрались дальше, вдоль по коридору, к средней комнате, некогда служившей гостиной или залом.

На пороге остановились, не в силах пошевелиться — таким жутким было представшее перед ними зрелище.

Внутри мерцал одинокий огарок, воск с него стекал прямо на пол. От свечи почти ничего не осталось, и вскоре, пока они расширившимися от ужаса глазами смотрели на жуткую картину, язычок пламени подпрыгнул чуть выше, разукрасив каждую деталь бледным золотом, и потух.

В самом центре комнаты неспешно расплывалась огромная красная лужа. Стены были забрызганы красным, красные капли испещряли дверной косяк. Лежащий рядом со свечкой ворох голубых лоскутов, еще недавно бывших женским платьем, тоже весь пропитался красным.

Посреди ужасной красной лужи в изломанной позе застыло тело. Это была девушка. С первого взгляда она казалась совершенно обнаженной, а если приглядеться — накрытой прозрачным красным плащом.

Но демон, Куа, исчез. Они пришли слишком поздно. И только дело рук его осталось встречать их.

Молча, будто сломленные кошмаром, увенчавшим эту пугающую ночь, они повернулись и бросились прочь.

* * *

— Антропомантия! — воскликнул профессор Толл, когда они понуро вернулись к нему домой. — Антропомантия! Самая ужасная из всех темных практик. Так вот где разгадка «таинственного похищения», о котором вопят все газеты!

— Да лишит его Господь жизни, — прохрипел Рик.

— Да поможет нам Бог уничтожить его черную душу, —

поправил профессор. — Смерть сама по себе ничего для доктора Куа не значит.

Они легли спать в комнате Толла: Рик — на низкой софе, профессор — на кровати.

— Постараемся заснуть, — сказал Толл.

— Заснуть? — Рик покачал головой. — Мне кажется, что сон покинул меня навсегда!

— Усталость творит чудеса, — возразил профессор. — Закройте глаза, дайте утомлению поработать за вас.

Вскоре веки Рика отяжелели и сомкнулись.

Может, причиной тому была усталость, а может, несколько загадочных и незаметных пассов изящных рук профессора, словно ткущих странные узоры в воздухе...

* * *

Рик проснулся лишь в полдень и обнаружил, что профессор Толл занят совершенно прозаичным действием — накрывает на стол посреди комнаты. Рик торопливо принял холодный душ, промыл ледяной водой все еще усталые глаза и уселся за безвкусный завтрак, решив попутно обсудить с профессором сложившуюся ситуацию.

— В конце концов, теперь нас греет лишь одно, — начал Толл. — Доктор Куа настолько встревожен, что с помощью своих дьявольских методов пытается заглянуть в будущее. Отсюда можно сделать вывод, что он страшится грядущего. Если б нам только узнать, что подсказала Куа его безбожная хирургическая операция!

— Возможно, он выяснил, как погубить нас, — хмуро предположил Рик, — а затем — Присциллу. Если, конечно, — добавил он с надеждой, — он не решил избрать себе другую жертву, поскольку Присцилла теперь сознает опасность.

Профессор покачал головой.

— Вампиры не отпускают своих жертв, — печально сказал он. — До тех пор, пока мы не остановим доктора Куа, смертный приговор Присцилле остается в силе.

Они отправились в больницу, где пациентка устроила настоящий бунт.

— Я сейчас совершенно здорова, — заявила Присцилла.
— Чувствую себя отлично. По-моему, мне пора домой.

* * *

Толл задумчиво посмотрел на девушку. Не нужно было быть специалистом, чтобы понять, что она говорит правду. Ее кожа лучилась здоровьем. Длинные волосы цвета меда сверкали жизненной силой. Глаза больше не выглядели запавшими и были чисты, как родниковая вода. Однако Толл покачал головой.

— С кем вы живете? — спросил он.

— С тетушкой, — сказала Присцилла, — и старой служанкой по имени Кемп. Кемп очень мне преданна. Думаю, она готова умереть за меня.

— Но защитник из старушки будет плохой! — вмешался Толл. — Нет, лучше оставайтесь в больнице, где за вами приглядывают днем и ночью и где доктору Куа окажут хотя бы какое-то сопротивление.

— Иными словами, вам не удалось схватить его?

— Увы, — подтвердил Толл, — мы потерпели неудачу.

Он вкратце рассказал ей о случившемся. Совсем чуть-чуть! Щадя Присциллу, профессор умолчал о том, чем на самом деле занимался доктор Куа в пустом доме — впрочем, как и о том, что сам делал в тайном склепе под особняком.

— Значит, ничего не изменилось? — нерешительно спросила Присцилла.

— Ничего. Но появился луч надежды. Мы обнаружили по крайней мере одно убежище доктора Куа. Он может туда вернуться. Мы будем следить за тем домом...

* * *

Слежка оказалась бесплодной.

Две ночи Рик с профессором сменяли друг друга на посту, наблюдая за пустым домом с красной крышей. Куа не появился ни разу — по крайней мере, в форме, видимой для смертных глаз. Затем Рiku и Толлу пришлось отказаться от своей затеи. Полиция обнаружила тело девушки, и стало опасно оставаться поблизости: им не хотелось навлечь на себя обвинение в убийстве.

В течение недели газеты обсуждали эту сенсацию, не сомневаясь, что убийца — сумасшедший. И всю неделю Рик и Толл, единственные — помимо самого преступника — кто знал правду об убийстве, не отходили от Присциллы, чтобы защитить ее от смертельного врага, который так и не напал!

— Я больше не могу сидеть сложа руки! — разозлился Рик в конце седьмой и очень длинной ночи. — Сидим, ничего не делаем, хотя знаем, что доктор Куа может атаковать в любой момент и нападение это станет решающим...

— А что еще нам делать? — ответил профессор Толл. — Как вам известно, я каждую свободную минуту провожу в лаборатории, пытаюсь вычислить место, где Куа прячется днем. Пока я это не выясню, мы бессильны.

— Вы хоть на шаг приблизились к успеху, по сравнению с вашими прежними экспериментами? — не унимался Рик.

— Нет, — сказал профессор. — И я по-прежнему не знаю, что нам предпринять дальше.

Но дальше все решилось само собой, особенно для Рика, — и решилось весьма странным, магическим образом.

Глава 10

Осиновый кол

У Рика с профессором вошло в привычку спать урывками утром и днем, подниматься из постели в час или два, заставляя себя то ли завтракать, то ли обедать и до наступ-

ления темноты отправляться в больницу. Но однажды этот распорядок был нарушен.

Когда Рик очнулся от сна и машинально взглянул на часы, стрелки показали пять минут пятого. Но и теперь он проснулся не потому, что натянутые нервы не давали долго спать: кто-то тряс его за плечи. В полузабытьи он приоткрыл глаза и увидел прямо перед собой возбужденное лицо профессора.

— Рик! — опять раздался голос Толла, разрезав дымку сна, как острый нож. — Рик! Просыпайтесь! У меня случилось! Я наконец выяснил, где скрывается от света дня доктор Куа! Мы едем немедленно, как только вы оденетесь!

Рик мгновенно вскочил на ноги.

— Вы знаете, где он?

— Да, знаю! И теперь нам только и нужно застать его, беспомощного, во сне и навсегда покончить с этим черным разумом!

Рик поспешно собирался. Стало совсем не до еды. Надо было спешить к ужасному доктору Куа, пока не зашло солнце!

— Где он? — сурово спросил Рик, когда они стремительно спускались по лестнице.

— За мной, — только и ответил Толл, ринувшись к выходу.

У обочины стоял автомобиль. Это не было обычное такси. Боковые стекла выглядели необычайно маленькими, а заднее окно, тоже очень маленькое, к тому же закрывалось рулонной шторой. Однако автомобиль, несомненно, ожидал их с профессором, и Рик тут же нырнул внутрь.

* * *

Толл тихо отдал распоряжения, и машина быстро покатила вниз по улице. Тем временем профессор рассказал, как он наконец обнаружил укрытие Куа.

Он искал его с помощью одной травки, которая, если ее поджечь в определенном сосуде, испускала густой дым. В этом

дыму посвященный в тайное искусство человек, как на экране кинотеатра, мог видеть далекие образы. Долгими днями Толл вглядывался в клубы дыма, пытаясь узнать местонахождение Куа. И сегодня у него получилось!

— И сейчас мы направляемся к этому адскому отродью, чтобы уничтожить его! — изумился Рик, внимательно выслушав рассказ профессора.

— Не совсем сейчас, — ответил Толл, — но очень скоро! В данную минуту мы едем за оружием, которое способно его убить, — за инструментом, специально изготовленным для этой цели в особых условиях. Захватим его и отправимся к Куа!

Автомобиль остановился.

Толл приказал шоферу подождать и поспешил прочь.

Рик, выскочивший вслед за ним, не сразу понял, что они идут по заросшему сорной травой пустырю. Затем они проскользнули в необычайно узкий, уводящий вниз проход, который постепенно расширялся и в конце концов превратился в подземную комнату.

В ней Рик увидел странный набор предметов, не поддающийся никакому описанию. Там были глиняные емкости и причудливо согнутые прутья. Один из углов занимала охапка высохших растений. В другом находился длинный узкий ящик, подозрительно напоминающий гроб. В центре комнаты стоял низкий верстак с кое-чем любопытным.

Этим любопытным предметом был заостренный кусок дерева около метра в длину и диаметром в несколько сантиметров. Острый конец был очень тонок, почти как игла, а черная поверхность говорила, что его закаляли в огне.

— Кол! — выдохнул профессор. — Осинový кол, которым мы пронзим грудь Куа!

* * *

Он схватил кол, и они поспешили через подземную галерею и пустырь к ожидающему автомобилю.

— А сейчас к доктору Куа! — срывающимся голосом приказал Толл.

Чрезвычайно быстро машина понеслась вперед. Всё было как во сне. Рик, посматривая в маленькие окошки, наконец начал различать знакомые места. Здесь он узнал дом, там — электрическую вывеску.

— Как же так?! — воскликнул он наконец. — Мы едем прямо к вашему дому! Куа спрятался где-то поблизости?

— Да. — Профессор Толл потрогал острый конец осинового кола. Его глаза блестели. — Каков хитрец! Мы бы ни за что не стали искать по соседству от дома. Но теперь он попался!

Рик опустил веки, борясь с волной возбуждения. Потом он с широко раскрытыми, но невидящими глазами вышел вслед за профессором из остановившейся машины. Вместе они направились к старой на вид двери.

Профессор поднял палец, призывая к тишине, и начал на цыпочках подниматься по петляющей лестнице. Рик шел за ним, прилагая все силы, чтобы не шуметь. Они оказались в комнате, самой обычной комнате, обставленной как спальня. И там Рик увидел лежащего на кровати неподвижного человека.

Даже в такой напряженный миг Рик успел удивиться и даже немного изумиться. Он представлял, что доктор Куа забывается вампирским сном в каком-нибудь отвратительном, всеми заброшенном месте, а никак не в обыкновенной спальне обыкновенного дома. Но он сразу позабыл о своем удивлении. Главное, они нашли Куа. Оказались с ним в одной комнате. И при этом он беспомощно спал!

* * *

Подходя к кровати, Рик сдерживал дыхание, боясь разбудить спящего, хотя и знал по рассказам профессора, что вампирская кома скорее напоминает смерть. Рядом с ним крался Толл.

Они подошли ближе. Еще ближе... Склонились над лежащим Куа и посмотрели прямо в лицо этому воплощению зла. Рик не мог оторвать от него зачарованного взгляда. Красные-красные губы; восковая кожа нездорового оттенка бледной поганки; узкие, вытянутые глаза, скрытые темными, как синяки, веками!

— Победа! — прошептал профессор. И, как короткое копье, поднял зажатый в правой руке кол. — Победа!

Он стоял, занеся оружие для смертельного удара, подобно величественной статуе старого воина. Затем медленно, не в силах сдержать дрожь, начал опускать руку. Его глаза закрылись. С губ сорвался свистящий стон.

— Я не смею, — пробормотал он. — Не смею. Я стар. Мои руки утратили силу. Вдруг я не смогу вогнать кол достаточно глубоко?

Он резко повернулся к Рику и протянул оружие ему.

— Вы! — сказал он. — *Вы сделаете это!*

* * *

Рик взял кол, удивленно и непонимающе глядя на старика. Оружие было таким ужасающе острым, что и ребенок сумел бы пронзить сердце чудовища! Не в этом, подумалось ему, настоящая причина замешательства профессора!

Богопротивное создание, лежащее перед ними, в некотором смысле было творением Толла. Он сам по недоумию дал помощнику возможность украсть и использовать для собственных целей потерянный трактат Калиостро. И шанс исправить роковую ошибку одним ударом оказался непосильным испытанием для профессора, выбил его из колеи.

«Ладно, — крутилось в голове у Рика, — *у меня-то* сомнений нет никаких! Я сумею пронзить колом грудь, сердце, спину да еще и кровать подо всем этим!»

Взяв в руки оружие, Рик поднял его, совсем как до этого Толл, и склонился над недвижимым врагом. Однако он тоже на мгновение замешкался.

От убеждений каждодневной, привычной жизни сложно отказаться. Толл не раз говорил Рiku — и он искренне в это верил — что тот, кто лежит перед ним, уже мертв, что это только оживленный труп, движущийся за счет вампирской магии. Но глаза и инстинкты говорили Рiku, что его противник *выглядит* обычным живым человеком. И вонзить осиновый кол ему в сердце означает по-настоящему убить!

* * *

Рик и помыслить не мог, что это окажется настолько трудно сделать. Он часто воображал, что, появившись у него возможность, он вонзит кол в грудь Куа с таким же легким сердцем, как если бы размозжил голову змее.

Однако сейчас, стоя рядом с ненавистным врагом и занеся над ним острое оружие, он колебался...

Убийство! Его инстинкты кричали об этом вопреки всем доводам рассудка. Хладнокровное убийство — и никак иначе! Ударить незащитного человека, лежащего без сознания...

— Бейте же! — прошипел профессор. — Быстрее — или будет поздно!

Пальцы Рика сильнее сжали гладкое дерево кола. Он с яростью смотрел на порочное краснотелое лицо, пытаясь в отвращении к этим бледным чертам почерпнуть мужество для удара. Рука напряглась, готовясь бить...

Тишину пронзил звук, похожий на пистолетный выстрел. Рука застыла. Кол замер в воздухе. Рик опустил глаза, проверяя, не шевелится ли доктор Куа.

Но теперь перед ним оказались не отталкивающие черты вампира, а благородное бородатое лицо профессора Толла! И тело на кровати принадлежало Толлу, и оно двигалось по мере того, как сознание возвращалось к профессору!

* * *

— Физически доктор Куа не может коснуться меня, — сказал профессор. — По крайней мере, я обладаю достаточной силой для борьбы с ним. Он подстроил все так, что убийцей должны были стать вы, и для этого наслал на вас морок. Ему было необходимо, чтобы вы сами взяли кол в руки, так как принести его вам он не мог: у меня имеются основания думать, что он умеет проходить сквозь стены из кирпича и камня, но я совершенно уверен в его неспособности проносить с собой неодушевленные материальные предметы, к примеру, кусок дерева.

Рик закрыл лицо трясущимися руками.

— Боже! — простонал он. — Как же все было пугающе близко! Еще секунда, и...

Толл смотрел на него со смесью жалости и ужаса. Затем перевел взгляд на окно. Рядом с ним валялась тяжелая ширма, которую Толл ставил возле подоконника во избежание сквозняков, если спал с открытым окном. Когда сильный порыв ветра уронил ее, раздался треск. И это спасло жизнь профессора!

Пока Толл смотрел в окно, лицо его вдруг побледнело, а глаза расширились: ведь до этого ни он, ни Рик, поглощенные произошедшим, не заметили одной жизненно важной и зловещей детали.

— Господи! — вскричал он. — Смотрите!

Рик тоже поглядел в окно. И побледнел.

Снаружи стояла непроглядная тьма. Пришла ночь — глубокая ночь. Как давно наступила темнота, Рик мог только догадываться.

* * *

Рик бросил взгляд на часы. Десять минут двенадцатого. Они проспали четырнадцать часов, а это означало, что Присцилла Рэнд оставалась одна и без охраны уже три часа. Рiku во сне лишь *казалось*, что на дворе день. На самом же деле он вышел из дома после наступления темноты, вер-

нулся в темноте и включил свет в комнате под гипнотическим воздействием доктора Куа.

Эти изумленные размышления были прерваны телефонным звонком. Мужчины переглянулись, и Толл пошел отвечать.

— Профессор Толл? — раздался женский голос. — Вас беспокоят из больницы. Вам или мистеру Балларду известно, куда направилась мисс Присцилла Рэнд?

Профессор с огромным трудом заставил себя говорить. Ему пришлось повторить свой ответ, потому что с первого раза его не поняли.

— Нам ничего неизвестно о мисс Рэнд. Она не в больнице?

— Нет. Она исчезла. Ее одежда тоже пропала, она никого не предупредила, никто не видел, куда она ушла. Надо ли нам вызывать полицию?

— Нет, пока нет, — сказал Толл. — Погодите. Мы сейчас приедем.

— Пропала? — прошептал Рик, когда профессор повесил трубку.

— Да. Храни ее Господь! Куа сегодня ночью превзошел себя. Покушался на мою жизнь, чуть не посадил вас за решетку, исчез вместе с Присциллой — и всё за одну чертову ночь! Мы с вами, хвала небесам, спаслись. Но Присцилла...

Он замолчал. Перед глазами Рика встала картина, виденная ими в доме под красной крышей. Белое, искалеченное тело в алой луже... антропомантия...

Глава 11

Во тьму

В больничной палате Присцилла с нетерпением переживала долгие дневные часы. Она прекрасно себя чувствовала, отчего затянувшееся пребывание в больнице казалось вдвойне мучительным. Читать надоело; надоело слоняться от па-

латы к террасе, привлекая любопытные взгляды по-настоящему нездоровых людей; надоела однообразная больничная еда и монотонность распорядка дня.

Ее будто заперли в тюрьме. Однако она понимала, что глупо было бы уходить отсюда вопреки пожеланиям профессора. Ее пальцы то и дело касались шеи, на которой лишь недавно зажили красные следы двух укусов...

Присцилла беспокойно подошла к окну, выходящему на запад, и посмотрела на опускающееся солнце. Половина седьмого. В это время профессор с Риком обычно уже были в палате. Ей хотелось, чтобы они наконец пришли.

Солнце опускалось все ниже, и ее тревога возрастала. Рука опять потянулась к зажившим ранкам. Если вдруг ей придется остаться на ночь в одиночестве, она встретит это испытание, собрав все душевные силы. Но мысль о таком исходе и о том, что она будет вынуждена всю долгую ночь, час за часом, ждать возможного нападения зловещего доктора Куа, как уже было неделю назад, заставила ее побледнеть.

Присцилла позвала медсестру и с волнением спросила:

— Не было ли звонка от мистера Балларда или профессора Толла?

— Нет, мисс Рэнд.

— Ох... А я надеялась, кто-нибудь из них позвонил и оставил инструкции на ночь.

Сестра ушла. Присцилла попыталась отвлечься, раскрыла книгу — и потерпела самое жалкое поражение. Ее взгляд неизменно возвращался к окну, за которым гасли последние красные лучи заката.

Опустилась тьма. Присциллой овладела необычная сонливость, немного удивившая ее саму. Не имея возможности тратить энергию, она в последнее время с трудом засыпала. Но сейчас, в самом начале девятого, растревоженная отсутствием Рика и Толла, она так хотела спать, что ей становилось все сложнее держать глаза открытыми!

Со всей решимостью она боролась со сном, но постепенно начала сдаваться. Она была уверена, что Рик с профессором вот-вот появятся. Почему бы не вздремнуть, пока их нет?

Стоило Присцилле так подумать, как сон одолел ее. И хотя сон этот был крепок и глубок, она отчего-то никак не могла потерять связь с реальностью. Несмотря на все волевые усилия, стряхнуть это странное состояние не удавалось — она спала, но все ее пять чувств работали, получая смутные и приглушенные сигналы извне.

Она, например, знала, что стрелки часов рядом с ней показывают четверть десятого. Она слышала, как медсестра на цыпочках вошла в палату, поглядела на нее, зажгла тусклый ночник и вышла в коридор. И совершенно ясно почувствовала необычный запах, появившийся в комнате.

От этой отвратительной вони Присциллу замутило. Она беспокойно заерзала, но оковы странного, одуряющего сна по-прежнему не желали спадать.

Девушка вдруг ощутила на себе пристальный взгляд. Ее собственные глаза оставались закрытыми, но она видела два устремленных на нее глаза, выжженных будто огнем под ее веками.

Эти узкие, удлинённые и черные как уголь глаза глядели на нее, не моргая. Вскоре Присцилла медленно поднялась с постели и машинально оделась. Малая часть сознания кричала, что делать это не нужно, что ей необходимо сопротивляться безмолвному приказу узких черных глаз. Но противиться она не могла. Волевая сила мерцающих глаз делала ее податливее воска. Девушка направилась к двери палаты.

Она шла, даже не шла, а плыла по коридору. Он был совершенно пуст, как и выход на пожарную лестницу. Позже дежурная медсестра говорила, что в этот момент ее вызвали в самую дальнюю палату; придя туда, сестра обнаружила, что больной спит крепким сном...

Лишь смутно осознавая, что происходит, ощущая себя слепо бредущей по дну океана ужаса, Присцилла спустилась по крутым железным ступеням вниз и очутилась на улице.

Беспомощная и послушная неумолимой воле, горящей в злобных черных глазах, девушка пошла сквозь ночную тьму, почти не замечая призрачных силуэтов малочисленных прохожих в переулках, по которым пролегал ее путь...

Когда Рик с Толлом добрались до больницы, там царил суматоха. Стараясь не шуметь, медсестры и интерны сновали по коридору, кабинетам и палатам. Рика и профессора встретил заведующий отделением, который по случайности не спал и был одет для выхода, когда его срочно вызвали на работу.

— Это все невообразимо и чрезвычайно огорчительно, — начал он. — Мы можем только сказать, что мисс Рэнд прошла по коридору и выбралась на улицу по пожарной лестнице в состоянии сна... или чего-то подобного... — Он пристально посмотрел на собеседников. — Если я не ошибаюсь, в истории ее болезни есть некое упоминание о душевном расстройстве?

Рик попытался горячо возразить, но профессор опередил его:

— Да, у нее случались легкие галлюцинации.

— Ага! — быстро произнес врач. Такое впервые произошло в его больнице, и он ухватился за возможность избавить учреждение от обвинений в халатности. — Сомнамбулическая теория не внушала мне особого доверия, но может объяснить, отчего взрослый человек тайком спускается по пожарной лестнице ночью...

В заключение врач пожал плечами и ничего не сказал о том, что так и вертелось у него в голове — о слабом, но навязчивом и необычном запахе, ударившем ему в нос, когда он вошел в палату пропавшей девушки.

— Что вы предприняли для ее поисков? — спросил Толл.

— Ничего. Поговорив с вами по телефону, мы пришли к выводу, что ничего не надо делать, пока вы не приедете сюда.

— Но вы обыскали здание?

— Тщательным образом. Она не в больнице.

— Не берите в голову, — сказал Толл. — Я почти не сомневаюсь, что мы найдем мисс Рэнд у нее же дома.

Лицо и голос профессора не выдавали, как сильно он переживал за Присциллу. Он повернулся и направился к двери.

Рик с ожесточением схватил его за руку.

— Ради Бога, профессор... — начал он.

— Тише! — прервал его Толл. — Вы же не хотите, чтобы они обратились в полицию?

Рик замер. Вампиры! Говорящие трупы! Осиновые колья и черная магия! Нет, полицию вызывать нельзя.

— Если мисс Рэнд сразу не найдется, нужно будет обратиться к властям, — крикнул им вслед доктор.

— Конечно, — заверил его Толл. — Если ее не окажется дома, мы вам позвоним. Пойдемте, Рик.

* * *

Толл и Рик немного постояли перед больницей, не представляя, как быть. В каком потайном уголке этого большого города искать Присциллу? Что нужно сделать, чтобы обнаружить и спасти ее?

Веки Толла опустились, и он принялся прислушиваться к своему отточенному чутью. Наконец он сказал:

— По-моему, есть шанс, маленький шанс, что нам поможет тот ваш сон, который чуть нас не сгубил. По тому, как вы описали местонахождение тайника, где находился осиновый кол, можно понять, что это и есть секретное логово Куа. Вы сможете найти дорогу туда?

— Вряд ли, — понуро ответил Рик. — Я был под гипнозом. Только раз выглянул в окошко автомобиля. Единственный намек, — тут он указал на свои колени, — это бурая грязь, в которой я там перепачкался...

Толл посмотрел на его брюки. По их темной ткани расплылись два мокрых пятна: очевидно, Рик упал на колени где-нибудь в грязи.

— Это всё? — спросил Толл. — Думайте! Сосредоточьтесь! Неужели нет ничего такого, что могло бы подсказать нам, где это место из ваших видений?

Рик прикусил верхнюю губу. Потом его глаза сверкнули.

— Да! Вспомнил! Есть кое-что! В самом конце нашего пути машина проехала сквозь высокие железные ворота. И на них были буквы «Т. К.».

— «Т. К.» — повторил профессор. — «Т. К.». Что-то такое крутится в памяти... Кажется, мы где-то это видели... Буквы расшифровываются... — Он посмотрел на высыхающую грязь на брюках Рика. — И земля такого странного цвета! Рыжеватая, глинистая... Это тоже о чем-то говорит...

* * *

Толл замолчал. Затем, сдержав возглас, повернулся и бросился к стоящему у обочины такси.

— Что такое? — окликнул его Рик. — Вы куда?

— К доктору Куа! — крикнул профессор. — «Т. К.» — и глинистая почва! Не поняли? Подумайте!

Рик вскинул голову. Он тоже догадался.

— Тинсдейлское кладбище!

— Точно. Как же мы сразу не додумались, — задыхаясь, ответил профессор. — Место мертвым — а Куа сама смерть, бродящая по улицам, — на кладбище. И, скорее всего, на кладбище, находящемся прямо у дома с красной крышей...

— Но тайник был под землей! — перебил профессора Рик. — И шел я по подземному ходу! Такого на Тинсдейлском кладбище нет!

— Вам-то откуда знать? — оборвал его Толл. — Кладбище расположено в низине. Наверняка там есть внушительных размеров водоотвод на случай затопления.

Пока они мчались в такси по темному городу в сторону кладбища, их мысли тяготило воспоминание о первой поездке туда. Они проехали чуть дальше, чтобы шофер не понял, куда именно они направляются.

* * *

Как только такси отъехало, Рик и профессор быстрым шагом направились в сторону больших железных ворот. Они, эти ворота, были сейчас на замке. В столь позднее время, почти в час ночи, посетителей на кладбище не бывает.

Однако можно было без труда перелезть через низкую каменную ограду, что Толл и Рик не преминули сделать. Оказавшись на кладбище, они вернулись к воротам, приняв их за точку отсчета.

— Кроме ворот, вы ничего не помните? — спросил профессор. — Совсем ничего? Попробуйте восстановить каждый шаг.

Рик наморщил лоб, безуспешно вспоминая маршрут из своего кошмара.

— Мы проехали через ворота... повернули направо и затем налево...

— Должно быть, вы ехали по этой аллее! — решил профессор и показал на дорогу вдоль ограды, уходящую вправо, а затем идущую параллельно центральной аллее. — Пойдем по ней!

Так они и поступили. Тем временем Рик продолжал напрыгать память.

— Кажется, я слышал удар металла по камню... наверное, это был железный люк на цементном основании...

— Ясно, — выдохнул Толл. — Вот он!

Профессор пошел через траву к круглой проплешине, на которой ничего не росло. Они приблизились и убедились, что это ржавый металлический люк.

Толл опустил на колени и прижался ухом к железу.

— Слушайте, — сказал он.

Рик последовал его примеру и услышал, как где-то внизу журчит вода.

— Как я и думал, здесь водоотвод. Не исключено, что он проходит под всем участком, — продолжил Толл. А потом, чуть тише, добавил: — Тут вход! Я чувствую это, *знаю* это! Он ведет в настоящее логово Куа. Присцилла, вероятно, сейчас там. То есть, если она еще...

— Не говорите такого! — упрекнул его Рик. Он рывком поднял тяжелую железную крышку люка с мокрого бетонного основания. — Полезли, не мешкайте.

Глава 12

Вампирское логово

Низкие тучи заволокли небо. Кривые ветви деревьев, то тут, то там торчащих на кладбище, тряслись от крепчавших порывов с шумом проносающегося ветра. Стояла крошечная тьма, в воздухе пахло надвигающейся грозой. Когда Рик с профессором нырнули в люк, на лица их упали первые крупные капли дождя.

Они спускались все ниже по вбитым в бетонные стены железным скобам, пока не добрались до дна. Внизу они обнаружили две круглых, чуть меньше метра в диаметре, дренажных трубы. Первая вела с кладбища в сторону основной городской канализации, проходящей вдоль улиц. Вторая — в самое сердце кладбища.

— Сюда, — решительно сказал Толл, указывая на нее.

Они принялись протискиваться по водостоку. Он больше походил на тоннель, чем на трубу, представляя из себя сводчатый низкий коридор, обложенный крошащимся от времени кирпичом, предшественником более современных керамических блоков, и напоминал уменьшенную модель добротной канализации под каким-нибудь европейским городом.

Приходилось ползти на четвереньках. Темнота была такая непроницаемая, что Рик и Толл словно ощущали, как вдыхают ее, как она проникает в их клейкую от пота кожу. Она тяжким грузом ложилась на плечи. Рик подумал, что теперь, находясь в этом сыром, холодном водостоке, он понимает, каково быть слепым.

Временами тоннель слегка изгибался, и тогда Рик и профессор беспомощно ударялись на повороте о стены. Руки,

нащупывавшие путь, то и дело погружались в холмики грязи — кирпичи, некогда упавшие вниз с потолка, оставили после себя дыры, в которые просачивалась жижа. А один раз, спустя целую вечность после спуска под землю, пальцы Рика наткнулись на гладкий округлый предмет с тремя неровными отверстиями: в двух из них раньше были глазные яблоки, а третье, некогда покрытое плотью, являлось носом...

* * *

Вперед и вперед продвигались они, подобно проклятым душам, приговоренным до конца времен ползти в крошечной тьме по узкому тоннелю. Они заговорили лишь однажды.

— Думаете, это ловушка? — прошептал Рик, отирая пот со лба перепачканной липкой грязью рукой.

— Все может быть, — послышался из темноты голос профессора. — Но мы обязаны продолжать...

И они поползли дальше, пока не увидели впереди призрачное зеленоватое свечение, как будто там фосфоресцировала влажная кладка стен.

По мере их приближения свет становился ярче. Затем они почувствовали так хорошо знакомый обоим запах — поначалу слабый, но вскоре переросший в тяжелое зловоние!

Рик остановился и оглянулся на профессора. В потустороннем зеленом свете смутно различимое лицо старика выглядело нереальным и искаженным. Но в глазах Толла он прочитал ту же мысль, что преследовала и его.

Они ползли на четвереньках по этому жуткому коридору, а значит, на четвереньках же, головой вперед, не имея возможности защищаться, выползут в находящееся впереди неведомое подземное помещение. И прежде, чем они смогут подняться на ноги и закрыться одеревеневшими руками, их сумеет убить даже дитя!

Пока они в ужасе размышляли о собственной беспомощности, тишину коридора прорезал вопль. Кричала девушка —

громко, умоляюще, испуганно.

— Присцилла! — хрипло проговорил Рик и, позабыв все страхи, поспешил по скользкому полу вперед, оставив Толла далеко позади.

Девушка закричала опять и сразу замолкла, будто ей перерезали горло, и в эту секунду Рик увидел, откуда исходил ужасный зеленоватый свет. Перед ним была похожая на пещеру комната, смутно и пугающе знакомая — комната из его сна!

Они добрались до цели: наконец нашли последнее прибежище злого гения, доктора Куа. Но где же он сам? И Присцилла?

В флуоресцирующем свечении Рик не видел никаких движущихся фигур. Однако испуганный крик говорил, что девушка здесь, а кошмарная вонь разложения с уверенностью указывала на присутствие разыскиваемого ими вампира.

Из тоннеля выбрался профессор Толл и присоединился к спутнику. Они осторожно вышли на середину помещения и принялись озираться.

* * *

Мрачное подземелье, глубоко похороненное в сердце старого кладбища и подготовленное доктором Куа для использования в качестве тайного логова, было на самом деле лишь расширением в тоннеле водостока.

Оно представляло из себя пространство высотой в два с половиной и длиной и шириной в четыре метра, лишенное опор, с земляными стенами. С потолка, напоминая хищные, кривые когти, свешивались корни деревьев. По узкой канавке в полу через все подземелье бежал ручеек, появляясь из отверстия в стене как раз напротив того, откуда вышли Рик с профессором, и исчезая в круглом колодце ведущего наружу тоннеля. С каждой минутой поток становился все быстрее и бурливее — как можно было догадаться, на-

верху со всей яростью бушевала гроза.

Повсюду были разбросаны странные гнутые металлические прутья и глиняные сосуды; у стены стоял тяжелый деревянный верстак. В одном углу валялся ворох сухих трав. А в другом...

— Он может прятаться там! — слышался тревожный голос Толла. — Правда, рассвет еще не наступил, и вряд ли вампир погружен в кому.

Рик, как дубинку, поднял кривой прут. Затем ринулся к предмету в углу — простому деревянному гробу с закрытой, но не прибитой гвоздями крышкой.

Его пальцы схватились за край крышки. Он начал поднимать ее...

Все нервы в теле Рика натянулись, когда он отбросил крышку в сторону и отскочил, приготовив свое оружие для сокрушительного удара. Но вдруг он чуть не выронил прут — настолько был поражен, испуган, потрясен.

В гробу, с лицом блее снега и руками, скрещенными на груди, как у покойника, лежала Присцилла.

* * *

Рик застонал. Присцилла... мертва! Его глаза закрылись, земля закачалась под ногами. Профессор Толл проскочил мимо него к гробу и приподнял девушку.

— Она жива! — произнес он. — Без сознания — но жива! Мы не опоздали.

Внезапно, словно раздаваясь из каждого уголка подземелья, зазвучал насмешливый голос:

— Конечно, жива. Вы же ее спасли, да и меня наконец поймали. Вы победили!

Рик начал вертеть головой, пытаясь обнаружить источник звука. Ужасный обладатель голоса оставался невидим. Тем временем запах смерти неожиданно усилился.

Зловещий голос с издевкой продолжал:

— Празднуйте же победу, если это можно назвать победой. Хороша победа — жертва слепо угодила в ловушку с пока еще живой приманкой!

Стоило голосу умолкнуть, как раздался глухой удар. Рик с Толлом мгновенно обернулись: тоннель, по которому они недавно ползли, запер тяжелый железный люк, заодно преградив выход воде. Дождь снаружи лил с нарастающей силой и вода вырывалась потоком из тоннеля напротив.

Теперь они оказались в настоящей ловушке. Все входы и выходы были предусмотрительно отрезаны!

— Многомудрый профессор Толл и его влюбленный страдалец-помощник! — насмехался голос. — Разве доктору Куа справиться с двумя такими противниками?

Звук постепенно слился воедино, и теперь Рик у начало казаться, что он доносится из водостока, из которого вытекал поток, — того, что находился напротив закрытого люком выхода.

* * *

Мрачно, покачивая гнутым металлическим прутом в руке, Рик направился к отверстию. Но не сделал он и трех шагов, как застыл на месте, словно воздух вокруг него обратился в прозрачный камень.

Около входа в открытый тоннель неожиданно показалась тень. Рик даже не успел понять, бесплотна она или осязаема, вышла из отверстия или материализовалась около него, как очутился лицом к лицу с доктором Куа. Черные глаза уставились на него, от кривой ухмылки на кроваво-красных губах бросало в дрожь.

— Вот и конец нашего сражения, профессор Толл, — продолжал Куа. — И смерть — сейчас это отнюдь не фигура речи — не разлучит, но соединит вашего brave юного помощника и девицу с кукольным личиком, на помощь к которой он так по-рыцарски ринулся. Поздравляю вас с победой.

Губы профессора Толла отчаянно шептали заклинания, призванные парализовать соперника, как тот парализовал Рика. Но они не действовали против Куа.

— Победа останется за мной! — наконец выдохнул Толл.
— Ты, вор и убийца!

— Вор? — вкрадчиво повторил доктор Куа. — Так ты, я вижу, продолжаешь дуться из-за того, что утерянная глава Калиостро досталась мне? Но я сумел ей воспользоваться в полной мере, тогда как ты, простой любитель, превратил бы ее в игрушку. Убийца? На себя посмотри! Как будто ты не знаешь, каким образом я вынужден поддерживать свое существование. А еще тебе известно, что самый действенный способ прочитать будущее — это читать его по знакам, добытым исключительно путем человеческого жертвоприношения.

— Ты, адское отродье! — проскрежетал Толл.

Доктор Куа иронически поклонился, совершенно не обращая внимания на Рика, пытающегося ослабить удерживающие его путы, какой бы природы они ни были.

— Учитывая искренность, с коей это прозвучало, сочту твои слова за комплимент. А сейчас, если позволите, я оставлю вас троих встречать уготованную вам приятную кончину.

* * *

— Меня ты тронуть не сумеешь! — смело выкрикнул Толл. — Пусть моя сила ничтожна в сравнении с силой обладателя знаний Калиостро, но ее достаточно, чтобы ты и пальцем меня не коснулся.

— Согласен, — холодно отозвался Куа. — Быть может, я и не испытаю наслаждения убить тебя собственными руками, но это сделают силы природы. Посмотри на пол!

Рик, как и профессор, опустил глаза. А когда увидел, что происходит, вскрикнул от ужаса.

Пол успел покрыться водой — канавка посреди комнаты переполнилась, и ручей вышел из берегов. Слив был те-

перь перегорожен железной дверцей, и вода скапливалась в комнате, с каждой секундой поднимаясь все выше.

— Снаружи беснуется буря, — сказал Куа. — Вы успели, вероятно, заметить начавшийся дождь, когда спускались ко мне? Он превратился в ливень. Как вам известно, вся вода с поверхности кладбищенской лощины вливается в это подземелье. Перегороди ей выход — и легко догадаться о последствиях.

— Да покарает тебя Господь! — вскричал профессор Толл. Он кинулся на насмешника, яростно разбрызгивая прибывающую воду. Но прежде, чем он добрался до вампира, доктор Куа успел дематериализоваться. Руки Толла тщетно хватали воздух.

Язвительный, дьявольский голос произнес:

— Вынужден вас покинуть. Вернусь с рассветом, открою водосток и спущу воду. С удовольствием полюбуюсь на три новых тела, которые пригодятся мне для кое-каких задуманных опытов.

Голос смолк. Чутье подсказало, что доктор действительно покинул подземелье.

Рик с Толлом переглянулись, затем, повинуясь единому порыву, бросились к железной дверце, закрывающей слив.

Глава 13

В западне

Профессор и Рик боролись с люком, но так и не смогли его открыть, разве что взрыхлили землю вокруг. Дверца даже не шелохнулась, несмотря на их отчаянные потуги. Хватило нескольких секунд, чтобы понять — этот путь к спасению от жуткой участи надежно закрыт.

— Второй водосток! — воскликнул Рик. — Возможно, там есть выход!

Они нагнулись, вошли в тоннель, по которому бежал поток, и попытались подняться по длинному скату. Но уже в

пяти метрах от выходного отверстия водосток разделялся на многочисленные мелкие рукава, и ни в один из них человеку было не забраться.

В подземелье вдруг снова раздался крик, заставивший их поспешить обратно. Присцилла очнулась и теперь сиде-

ла и смотрела по сторонам удивленными и испуганными глазами. Холодная вода, в которой девушка прежде лежала, поднялась на несколько сантиметров и привела ее в чувство.

— Где мы? — неуверенно проговорила она. — Что это за место? Рик... Профессор...

В нескольких словах профессор Толл обрисовал положение. Присцилла смертельно побледнела, но в обморок не упала, обошлось и без истерики. Ее мужество, не раз доказанное ранее, внушало уважение и в сложившейся ситуации.

— Выбраться отсюда возможно только через водостоки, — подвел итог Толл. — Но один из них закрыт железным люком, а второй уже вблизи входа так узок, что и кошке не протиснуться. Тем временем вода...

Все посмотрели вниз. Вода уже скрыла их лодыжки и подбиралась к коленям. И скорость повышения уровня лишь возрастала, что также было вполне ожидаемо: бушующий на поверхности ливень успел промочить землю, и она все неохотнее впитывала влагу, отчего водостоки стремительно заполнялись.

Рик, Толл и Присцилла, вероятно, находились на глубине пяти или шести метров. Вокруг была лишь сырая Мать-Земля. Сами они стояли в воде, уровень которой не прекращал повышаться. Вот вода достигла их колен, вот они оказались в ней чуть ли не по пояс.

Присцилла прижалась к Рикю. Он без слов обнял ее за плечи. Толл поник головой, чуть не уронив ее на грудь.

Все трое молча ждали чего-то, а бурлящий грязный ручей не собирался умирять свое течение.

* * *

Неожиданно Рик отодвинулся от Присциллы и с диким блеском в глазах посмотрел на профессора.

— Боже! — вскричал он. — Как же мы раньше не догадались! Мы можем спастись.

Толл с Присциллой поглядели на Рика, подумав об одном и том же: не выдержали натянутые нервы...

— Успокойтесь, Рик, — умиротворяющим тоном сказал профессор. — Не надо так переживать.

Он положил ладонь на руку молодого человека.

Рик нетерпеливо стряхнул ее и направился к тяжелому деревянному верстаку, только что оторванному водой от пола.

— Второй водосток! — срывающимся голосом крикнул он. Мускулы Толла напряглись в ожидании возможного нападения впавшего в безумие друга.

— Верстак! Другой водосток! — не унимался Рик. — Бог ты мой! Это так просто, а мы чуть не погибли, не подумав об этом!

Он безуспешно попробовал подтащить тяжелый стол к водостоку, откуда вырывалась вода.

— Куа перегородил одно отверстие, чтобы вода не вытекала, — объяснил он, — а мы можем закрыть второе, *чтобы она не текла*! Понятно?

И профессор понял! С радостным восклицанием он кинулся на помощь. Они прислонили верстак к выходному отверстию тоннеля и прощупали его края, проверяя, закрывает ли столешница слив, как пробка. Все получилось как нельзя лучше. Если не считать нескольких щелочек, дерево верстака плотно прилегало к кирпичной кладке слива. Но щели удалось заткнуть: Рик выловил из воды пучок травы, скал траву в плотные комки и заделал дыры.

Вода перестала прибывать. Очень, очень медленно она просачивалась в крошечные трещины самодельной дамбы, но это могло длиться долго, не представляя угрозы — пока у Рика с профессором хватит сил стоять, подпирая спинами верстак. Пусть и на время, злобный план доктора Куа был сорван.

Но как же все-таки вырваться из этого ужасного подземелья, которое может стать их могилой?

Присцилла вслух произнесла то, о чем думали все:

— Кажется, мы лишь отсрочили нашу гибель. Если не случится чудо, мы так и останемся здесь.

Она с робкой надеждой посмотрела на профессора. Но тот лишь покачал головой.

— Нет, дитя мое. Я не волшебник... Кое-что, совсем несложное, но пугающее и необъяснимое для тех, кто с черной магией не знаком, я делать умею. Однако пронести наши материальные тела сквозь материальные стены на поверхность... этого я не могу!

— Тогда будем ждать чудес из другого источника, — сказала Присцилла в ответ.

И покорно склонила голову, шепча слова детской, почти позабытой молитвы, которой давным-давно научила ее мать; в детстве она каждую ночь повторяла эту молитву у постели перед сном...

Медленно тянулись часы. Толл и Рик мрачно подпирали спинами верстак, спасавший их от утопления. Мышцы их свело от холода и невозможности поменять позу, даже дыхание давалось с огромным трудом. Но расслабляться было нельзя. Случись верстаку упасть, и подземелье вмиг заполнилось бы водой, скопившейся в закупоренной дренажной системе позади них.

— Четверть пятого, — пробормотал Рик, осторожно высвобождая руку и глядя на часы, предусмотрительно положенные им во все еще сухой верхний карман. — В это время года темнеет около пяти. С наступлением темноты доктор Куа вернется!

* * *

Присцилла и профессор промолчали. Они и без Рика помнили об этом. Последние слова вампира, пообещавшего вернуться на закате за тремя новыми телами для своих экспериментов, ни у кого не выходили из головы. Вышло так, что

по возвращении он обнаружит не тела, а живых людей, однако исправить положение Куа будет несложно.

— Если только, — заметил Рик, — мы не сумеем хотя бы на минуту сбить его с толку.

— У нас и минуты нет в запасе! Мы не можем отойти от верстака! — возразил Толл.

Рик, задумавшись, продолжал настаивать:

— Наверняка найдется способ... мы сможем что-нибудь предпринять...

Неожиданно заговорила Присцилла:

— Профессор, как сильно вампиры отличаются от обычных людей?

— Разительно, я бы сказал, — ответил Толл, нахмурившись. — Вампир — это нежить, неупокоенный мертвец с действующим сознанием.

— Но его тело... оно, как и любое другое, вынуждено питаться, пусть и своеобразно...

— А-а, теперь я вас понял, — отозвался профессор. — Если говорить о функциях тела, то вампир схож с обычными, живыми людьми. Он потребляет свою ужасающую пищу и дышит.

— Дышит! — повторила Присцилла и вдруг встрепенулась. — Дышит! Это я и хотела знать. Тогда вампир, то есть Куа, не станет входить в нашу темницу, пока она заполнена водой!

Мужчины уставились на девушку, не совсем понимая, что она хочет сказать.

— По-моему, надежда не потеряна, — спокойно продолжала Присцилла. — Доктор Куа наверняка убежден, что подземелье залито водой. Прежде, чем войти сюда, ему придется эту воду выпустить. А для этого он откроет люк!

— Здравая логика, — отметил Толл.

— И что с того? — недоуменно спросил Рик. Присцилла еще раз, более полно, объяснила свою мысль:

— Он откроет люк откуда-то издали и станет ждать, потому что мощный поток воды, непроходимый даже для него, должен будет вырваться наружу. Иными словами, у нас по-

явится временной промежуток в несколько минут между открытием люка и приходом Куа!

— Ну и что? — по-прежнему не догадывался Рик.

* * *

— Ладно... Представьте: Куа открывает люк, а мы в этот момент отпускаем верстак и позволяем скопившейся воде вылиться. Поток уходит наружу, как и предполагает доктор Куа. Затем вампир идет сюда, думая, что мы утонули. Неужели нельзя предположить, что он не ожидает подвоха, то есть его, по выражению Рика, можно на мгновение сбить с толку? И вот, пока он не понял, что происходит, мы нанесем ему удар.

— Чудесно! — сказал Рик. — Присцилла, ты невероятна! Однако же есть одно «но»... — Он задумчиво посмотрел на потолок, оценивая его высоту. — Нам предстоят веселенькие минуты, пока вода, накопившаяся за столешницей, выливается! Она может целиком и довольно надолго заполнить помещение, утопив нас!

— Выбора у нас нет, — отрезал Толл. — Если Присцилла рассуждает верно, Куа действительно *придется* открыть водосток...

Все трое пристально посмотрели на железный люк, перекрывающий слив. В смутном зеленоватом свете они приглядились, до рези в глазах, следить за его верхним краем, торчащим над водой. Люк оставался на месте.

— Двадцать минут до заката, — произнес Рик, облизнув пересохшие губы.

— Он *должен* скоро появиться, если вообще придет, — сказал профессор.

Широко распахнутыми глазами смотрели они на люк, зная, что от этого зависит их жизнь.

— Восемнадцать минут... — бормотал Рик, — пятнадцать...

— Кажется, дверца сдвинулась, — прошептала Присцилла.

Затаив дыхание, они смотрели во все глаза. Им показалось, что по темной поверхности воды пробежала легкая зыбь.

Через секунду это подтвердилось. Течение принялось тянуть их за ноги — вода начала уходить в слив. Через мгновение железная дверца бесшумно поднялась вверх, и они увидели черноту открывшегося отверстия.

* * *

Вода в шумом понеслась из подземелья вниз по тоннелю, и через несколько секунд от нее остались лишь мелкие лужицы на полу.

Рик взглянул на профессора. Тот кивнул.

— Сейчас! — сказал Толл. — Ищем, за что зацепиться. Если кого-нибудь засосет вместе с потоком в водослив...

Мужчины одновременно отскочили от верстака. Он с треском рухнул, отброшенный скопившейся за ним водой. Через мгновение подземелье превратилось в бурлящий водоворот, разметающий людей в разные стороны, как соломинки.

— Корни! — закричал Рик.

Одной рукой он обнимал Присциллу, отчаянно пытаясь бороться с неистовым потоком и удержать ее. Второй рукой Рик схватился за самый большой из кривых корней, свисающих с земляного потолка. Профессора снесло первой же волной к отверстию сливного тоннеля, но он услышал призыв Рика и тоже схватился за корень. Теперь все трое висели, качаясь и вертясь в быстром течении, будто полоски бумаги, приклеенные перед работающим электрическим вентилятором.

С первой нахлынувшей волной уровень воды поднялся почти до потолка. Затем постепенно снизился до глубины в полметра, позволив всем трем отпустить корни и спрыг-

нуть вниз. Наконец поток схлынул, освободив и подземелье, и примыкающие к нему водостоки. Рев воды в главном тоннеле, ведущем наружу, превратился в глухое бурление, а затем вовсе стих. По канавке в полу вновь бежал небольшой ручей.

Подземелье ожидало возвращения своего чудовищного хозяина, который тщательно, не жалея сил, вырыл в земле это тайное убежище, чтобы скрываться в нем от мира живых.

Глава 14

Доктор Куа возвращается

— Ляжем на пол и сделаем вид, будто у Куа все получилось, — сказал профессор. — Притворитесь мертвыми.

Все трое расположились на влажном полу в неловких безжизненных позах и стали ждать появления злого гения, заточившего их в подземелье. Пока они лежали там в зеленоватом свечении, с закрытыми глазами, с измученными и побледневшими от холода лицами, их было легко принять за мертвые тела, что они были вынуждены изображать.

Пребывание на полу и беспомощное ожидание прихода ужасного доктора Куа превратилось в едва переносимую муку.

Рик чувствовал, что его терпение тает с каждой секундой. Он еле сдерживался: хотелось вскочить на ноги и разразиться безумным воплем, положив конец напряженному ожиданию. Лежать вот так, просто лежать, огромным усилием воли преодолевая дрожь ужаса, крайнюю усталость и промозглый холод, чувствовать, как старое заросшее кладбище наверху словно давит на тебя, а доктор Куа все ближе и может подкрасться в любой момент, было пыткой более изощренной, чем раскаленные щипцы и дыба. Наконец, прерывая невыносимое, тревожное бездействие, из отверстия водостока донесся слабый, но пугающий запах.

За несколько секунд до того, как Рик услышал что-либо, его ноздри уловили смрад смерти, становящийся все сильнее и омерзительнее. Затем в мокром проходе раздался тихий звук, словно по тоннелю что-то волочили.

Рик потянулся и сжал предплечье Присциллы, лежавшей рядом, как сорванный цветок. Затем он расслабил руку и уронил ее на пол, ни на миг не прекращая наблюдать сквозь ресницы за входом в подземелье.

* * *

Глухой звук сделался стал громче. Это озадачило Рика. Казалось, по тоннелю с трудом полз кто-то больной или раненый. Потом появился Куа, и при взгляде на него Рика чуть не передернуло.

Вампир двигался очень медленно, но было понятно, что он торопился по мере своих сил. Куа будто частично парализовало, он волочил конечности, словно те были налиты свинцом. На бледном, порочном лице застыло изумленное выражение, глаза остекленели.

В душе Рика вспыхнула надежда: он догадался о причине вялых движений Куа и его неуклюжей, мучительной спешки. Удар пришелся в единственную уязвимую точку, неизбежное слабое место любого вампира. Не успев вернуться в подземное убежище, доктор Куа был застигнут рассветом и чуть не погиб под солнечными лучами!

Рик, затаив дыхание, следил за покалеченным врагом. И его надежда только крепла.

С трудом поднявшись на ноги, Куа тяжело застонал. Превозмогая себя, он все же встал почти прямо. Затем, едва взглянув на три распластанных на мокром полу тела, он заковылял к стене, куда схлынувшей водой прибило деревянный гроб.

То, что случилось дальше, было само по себе просто, однако до ужаса пугающе по своей отвратительной и кошмарной природе.

Доктор Куа поднял крышку гроба, опять издал стон и лег внутрь, словно в кровать. Крышка медленно опустилась и с тихим стуком закрыла его в гробу.

Ужасный Куа, дьявольски могущественный Куа погрузился в смертельный вампирский сон и попал к ним в руки!

* * *

С победным криком, пронзившим тишину подземелья, Рик вскочил на ноги и кинулся к жуткому ложу вампира. Профессор подбежал к гробу одновременно с ним, и они вместе принялись поднимать крышку.

Но крышка не сдвинулась под их пальцами!

Рик посмотрел на Толла.

И вновь они нагнулись, пытаясь открыть гроб. Крышка не шелохнулась.

Они собственными глазами видели, как она свободно опускалась на место. А до этого убедились, что внутри гроба нет никаких запоров, способных удерживать ее. Сделана она была из цельного куска дерева, но вряд ли весила более девяти килограммов. Однако они вдвоем никак не могли ее приподнять, будто она была отлита из свинца, а изнутри ее удерживали стальные зажимы!

— Мы побеждены... снова... — прерывисто сказал профессор. Он словно постарел за этот горький миг. — Опять! А я был так уверен...

— Мы обязательно вскрыем эту проклятую штуковину! — рявкнул Рик. Он схватил железный прут и с размаху опустил его на гроб. От крышки отлетела мелкая щепка. И всё.

* * *

Рик занес прут для второго удара. Но через мгновение случилось нечто такое, что положило конец слабой надеж-

де добраться до Куа в его неприступном, неуязвимом гробу.

Присцилла отскочила от мужчин, испуганно уставившись в выходное отверстие меньшего тоннеля. С ее бескровных губ срывался крик за криком.

Рик и профессор обернулись и тоже отпрянули.

Малый водосток заполняла шевелящаяся живая масса, то ли вымытая ливнем из промокшей земли, то ли призванная в бой, как армия, какой-то жуткой, отвратительной магией. Лава извивающихся червей! Водосток был забит ими!

Слепые, беспомощные, медлительные, они неспешными вздымающимися волнами заполняли подземелье. Через секунду они уже окружили гроб и теперь подбирались к ногам Рика, Толла и Присциллы.

— Господи! — вырвалось у Рика. — Сморите, сколько их!

Всем представилась одна и та же картина. Второй потоп, гораздо ужаснее любого наплыва воды, медленно наполнял подземную западню, чтобы похоронить их под собой...

Не говоря ни слова, с выпученными от испуга глазами, все трое ринулись в нижний водосток, пробиваясь по нему на поверхность земли. Пока они, спотыкаясь и оскальзываясь, пробирались по сырому тоннелю, им не переставало мерещиться, что мягкие, беспомощные тельца продолжают падать на них с земляного потолка и извиваются под пальцами при кратком прикосновении к кирпичу стен...

Глава 15

Золотистая удавка

На первом этаже, в библиотеке профессора, сидели Рик и Толл, невидящими глазами вперившись в стену. Каждый думал о своем.

Они привезли Присциллу сюда, в профессорский особняк, полагая, что здесь она будет в большей безопасности, чем где бы ни было. Сейчас она лежала наверху, под прищотом сиделки, забывшись сном от полного изнеможения

и нервного переутомления. Как только они ранним утром добрались до дома, Толл позвонил в больницу, чтобы отметить возможное полицейское расследование. Затем вызвал для Присциллы сиделку, и лишь после этого они с Риком позволили себе крепко заснуть для восстановления сил.

Но, несмотря на огромную усталость, они проснулись довольно быстро — тревога оказалась слишком сильной. Они встали в два часа пополудни. Сейчас пробило девять, и тьма давно плотным покрывалом опустилась на город. В течение этих семи бесконечных часов они стояли на страже Присциллы и пытались собраться с силами перед лицом неизвестной участи, которую уготовил им зловещий доктор Куа.

Теперь они немного расслабились и коротали время в библиотеке за разговором: они не могли беседовать в комнате Присциллы, опасаясь разбудить ее. Сиделка, женщина с мрачным лицом и отточенными чуть ли не до фанатизма профессиональными навыками, позаботилась о том, чтобы девушку пока не тревожили.

— Куа нанесет удар сегодня ночью, — убеждал Рика профессор. — Еще до рассвета либо умрет он, либо мы. Все вот-вот решится.

— Откуда вам знать? — спросил Рик и нервно затанулся сигаретой. — Не вижу причин для подобной уверенности.

— Иного не дано, — нетерпеливо перебил его Толл. — Подумайте сами: только мы трое во всем мире осведомлены об истинной природе и свойствах доктора Куа, а также о его тайном укрытии. Как вы не понимаете? Он просто обязан атаковать и сделать это быстро, если ему хочется продолжить свое существование.

— И как, по вашему мнению, Куа нападет на нас сегодня ночью? Вы об этом думали?

— Да. Исходя из моего опыта в таких делах, я предполагаю нечто весьма определенное. По-моему, он попытается заполучить какой-нибудь предмет из этого дома. Что-то личное, принадлежащее одному из нас троих. Используя эту вещь как точку фокусировки, он способен уничтожить нас издали. Однако мы могли бы заманить его в ловушку, когда он явится сюда, чтобы похитить такой предмет.

Рик неожиданно поднялся с места и, вздрогнув, произнес:

— Думаю, нам пора вернуться в комнату Присциллы.

* * *

Оба вышли из библиотеки и поднялись по лестнице. На встречу им попала сиделка, только что покинувшая комнату девушки.

— Она еще спит? — прошептал Рик.

Этот вопрос странным образом удивил женщину.

— Ну да, сэр, — сказала она. — Спит так же крепко, как несколько минут назад, когда вы к ней заглянули.

— Я? Когда? — изумленно произнес Рик. — Да я полчаса к ней не поднимался!

— Ничего не понимаю... — проговорила сиделка, глядя на него, как на сумасшедшего.

В разговор вмешался профессор, судорожно схватив Рика за рукав.

— Вы видели, как совсем недавно мистер Баллард заходил в комнату? — резко спросил он.

— Да, сэр. Менее трех минут назад...

— Что он там делал?

— Он подошел на цыпочках к мисс Рэнд и отрезал локон ее волос. Мне еще подумалось, как он мил и сентиментален.

Рик и Толл в отчаянии переглянулись.

— Он пришел — и ушел! — воскликнул Толл. — Сделал свое подлое дело, пока я, старый дурак, отсиживался в десяти метрах от него! Да защитят нас небеса!

Тоном, не терпящим возражений, он приказал удивленной сиделке отправиться на ночь домой, и та, все еще подозрительно глядя на Рика и будто сомневаясь в его душевном здоровье, надела свое синее пальто мужского покроя и покинула особняк.

— Здесь ей больше делать нечего, — уныло сказал Рик Толлу. — Зачем без пользы подвергать ее жизнь опасности?

— Думаете, сейчас должна разразиться катастрофа — нечто такое, что разрушит этот дом и погубит его обитателей?

Профессор Толл пожал плечами.

— Кто знает? Завладев роковым локоном, доктор Куа способен на многое. Даже предположить не могу, что он предпримет.

Но вскоре они это узнали.

* * *

Минуты медленно тянулись одна за другой. Мужчины сидели в комнате Присциллы и ожидали последнего удара злого гения, доктора Куа. Они сидели не шевелясь, словно потерявшие надежду узники перед казнью, нервы их были на пределе, тогда как девушка ровно и глубоко дышала, погруженная в глубокий сон.

В комнате тускло горела электрическая лампа. Рик хотел было зажечь верхнее освещение, но профессор жестом остановил его.

— Стоит ли будить ее ярким светом и заставлять переживать эти последние тревожные минуты с нами? — прошептал он. — Пусть спит, сколько получится, бедняжка.

Так они сидели и смотрели на Присциллу, прислушиваясь к ее глубокому, спокойному дыханию.

Тонкий слух Рика первым уловил легкую перемену в его ритме, а глаза первыми заметили зловещую перемену на лице девушки и обнаружили ужасную причину этого.

Присцилла приоткрыла рот и пошевелилась во сне, ее дыхание перестало быть ровным! Она задышала быстрее, прерывистее, с хрипотцой. А ее лицо, бледное и усталое, неожиданно окрасил румянец. Потом ее нежная кожа пошла пятнами. А на шее...

— Профессор! — вскричал Рик, вскакивая с кресла и лихорадочно указывая на что-то на белой шее Присциллы. — Смотрите!

Вокруг шеи девушки, с каждой секундой все глубже вре-
заясь в мягкую плоть, обвился один-единственный волосок
— длинный и золотистый. Он был отделен от локонов, раз-
метавшихся по подушке: волосок был из пряди, которую от-
резал Куа, когда проник в комнату в обличье Рика Балларда!
— Помогите! — взмолился Рик. — Она задохнется!

* * *

Но профессор уже стоял рядом и трясущимися, как и у
Рика, пальцами пытался оторвать от горла девушки затяги-
вающуюся петлю.

Присцилла не шевелилась под их прикосновениями. Чуть
заметно вздрогнув, она из сна перешла в забытие.

Приложив невероятное усилие, которого хватило бы и
для стальной фортепьянной струны, Рик и профессор раз-
зорвали роковой золотистый волос. Но вместо первого тут
же появился второй, еще глубже врезавшись в мягкую бе-
лую плоть.

Затем Рик, издав сдавленный возглас, схватился руками
за собственное горло. На нем тоже появился почти невиди-
мый золотой волос, глубоко вонзившись в шею и обвив ее
тонким кольцом!

Профессор Толл секунд пять пытался разорвать золо-
тистую петлю. Затем, осознав, что все старания тщетны, он
повернулся и выбежал из комнаты, направившись по крутой
лестнице вверх, в лабораторию на чердаке.

Забыв о своем возрасте, профессор так спешил, что пере-
прыгивал через две ступеньки, отчего на лбу его вздулись
толстые вены. В лаборатории он перемахнул через поло-
вину комнаты, подскочив к полке, на которой стоял неболь-
шой, аккуратно запечатанный глиняный сосуд. Схватив его,
он кинулся обратно в комнату Присциллы.

Рик с девушкой больше не шевелились, их лица жутко
почернели, из горла раздавались хрипы. Профессор, не пы-
таясь распечатать сосуд, с размаху швырнул его на пол. Со-

суд разбился, на пол потекла густая, смолистая сине-фиолетовая субстанция, напоминающая мазь. Толл когда-то говорил Рiku о своих экспериментах со странными алхимическими формулами, но никогда не раскрывал ни ему, ни кому-либо еще их суть и подробности.

Профессор быстро нанес фиолетовую мазь на сдавленные шеи Рика и Присциллы.

Смертоносные волоски лопнули.

* * *

И вновь доктор Куа был повержен — увы, не окончательно — в затейной им игре. Однако профессор Толл знал, что этого мало и отчаянные средства, примененные в последнюю минуту, не означают победу. Каждый удар доктора Куа в этой непрекращающейся и непрерывной череде ударов мог оказаться финальным. Если им удастся придумать хороший план, они должны будут бить первыми, решительно и наверняка.

Убедившись, что Присцилла начала приходить в себя, Толл оставил молодых людей одних. Он *понял*, как можно одолеть Куа!

Это мысль возникла неожиданно, когда он был в лаборатории, и сразу показалась такой логичной и простой, что профессор поразился, почему еще не испытал этот способ.

Конечно, дело может закончиться провалом, как и все, что они предпринимали ранее в борьбе с Куа. К тому же это означало, что сам Толл неминуемо погибнет...

Профессор расправил плечи и начал спускаться по ступеням, чуть ли не по-военному чеканя шаг. Он уже стар. В любом случае, его жизнь близится к концу. Неужели так страшно пожертвовать немногими оставшимися годами? Он не колеблясь сделает это, раз ему выпал шанс, пусть и малый, наконец уничтожить ужасную силу, вина за появление которой косвенно лежит на нем.

Его пальцы сжали самое могучее оружие против Куа, когда-либо попадавшее к нему в руки — нечто, к чему вампир непосредственно прикасался менее часа назад.

Профессор Толл взглянул на два подобранных им золотистых волоса, только что едва не задушивших Рика и Прициллу.

Он вошел в библиотеку и открыл потайной ящик. В нем лежал осиновый кол, сделанный и заточенный самим доктором Куа. Вампир, вероятно, уверенный в том, что его план заманить врагов под землю и расправиться с ними там не может провалиться, даже не попытался в их отсутствие пополучить оружие назад. Сейчас, по воле поэтического правосудия, этот закаленный в пламени кол может пронзить грудь своего создателя.

Толл взял его и, отбросив сомнения, отправился туда, куда, как полагал ранее, больше не ступит его нога — в заросший паутиной подземный склеп, где была спрятана телесная оболочка, некогда вмещавшая в себя разум Куа, иными словами, то самое тело, которое он, Толл, лишил жизни в лаборатории два года тому назад.

Глава 16

Сквозь сердце!

Голова Толла была совершенно ясной, когда он шел на почти верную гибель. Про себя он размышлял, стоит или нет оставлять тайный проход в цементной стене открытым, чтобы позже Рик последовал за ним. Толл решил не закрывать его. Конечно, тогда возникала опасность, что немислимый ужас проникнет из склепа в дом, но опасность давно стала их спутницей.

Крепко сжимая осиновый кол и длинные золотистые волоски, профессор спускался по темному проходу в склеп, в котором Рик впервые увидел, как в действительности ис-

пользуют черную магию. Вдохнув поглубже, Толл распахнул дверь и вошел внутрь помещения.

Лампочка продолжала гореть с тех пор, как Толл и Рик несколько дней назад обратились в паническое бегство — и с ужасающей яркостью освещала застывшее в нелепой позе тело, упавшее у порога после безумных попыток сломать дверь и преследовать смертных, осмелившихся потревожить его покой. При виде этого напоминания о едва не разразившейся катастрофе профессор задрожал. Но разум его не утратил холодности и равновесия.

В ярком свете лампочки Толл достал карандаш и блокнот и быстро написал несколько строк. Вырвав страницу, он аккуратно положил ее во внутренний карман. Если все пойдет так, как он ожидает, Рик обязательно найдет ее. Затем профессор Толл, храбрец, собравшийся совершить подвиг не менее великий от того, что о безмерном мужестве героя никто не узнает, приступил к выполнению задачи.

* * *

Как и прежде, Толл склонился над холодным трупом и сконцентрировал всю свою ментальную энергию. Через несколько минут он коснулся век сморщенного правого глаза трупа изящными длинными пальцами. Веки, прерывисто вздрагивая, открылись. Усохшее глазное яблоко повернулось в глазнице и злобно уставилось на профессора.

— Я здесь, — проскрежетал глухой замогильный голос. — Что тебе нужно?

На лбу Толла проступила испарина, но он не замешкался.

— Бесприютный дух, заключенный в эту, никогда тебе не принадлежавшую гниющую оболочку злой волей того, кто обманул тебя, — монотонно начал Толл, — я желаю наконец тебя освободить и за тебя отомстить, так же прокляв его черную душу, как он проклинал невинную твою!

Мертвые челюсти захлопнулись с такой силой, что шатающиеся зубы раскололись от удара друг об друга. Сморщенное лицо исказила безумная ярость. Открытый правый глаз запылал ненавистью, отчего Толлу стало не по себе.

— Что я должен сделать? — глухо прогремело в ответ. — Приказывай.

Профессор разжал левую ладонь, показывая два золотистых волоска. Он разложил их крест-накрест на груди мертвеца, против сердца.

— Эти золотистые волосы всего час назад были пропитаны злой волей того, кого мы хотим уничтожить, — сказал он. — И теперь они являют собой обоюдоострые мечи, опасные как для него, так и для нас. Возьми их и, вооружившись силой их недавнего адского соприкосновения с врагом и той связью, что теперь есть у тебя, заставь *черный разум вновь вселиться в тело, в котором он был рожден!*

Ответа не последовало. Жесткие веки опять сомкнулись, скрыв пылающий глаз. Профессор Толл с тревогой смотрел на золотые волосы, лежащие у мертвого сердца...

Неожиданно они исчезли.

* * *

Конец наступил быстро.

За много миль от Толла, в тайном подземелье в шести метрах под приютом смерти, именуемом Тинсдейлским кладбищем, зловещая фигура доктора Куа сосредоточенно склонилась над длинным золотистым локоном.

Куа пробормотал странные слова, зачитывая их из закланания, начертанного выцветшими знаками на старом пергаменте. И в следующий миг упал с диким криком во влажную грязь пола.

Его тело долго сотрясалось от необъяснимых, сильнейших судорог... затем затихло и застыло.

Вскоре после этого труп рядом с профессором Толлом внезапно зашевелился, будто через него пропустили элек-

трический ток. Потом мертвец сел.

Толл, с поднятым перед собой колом, попятился. Труп со скрежетом начал подниматься и, пошатываясь, встал. Распахнулись *оба* глаза и засверкали столь неприкрытой злобой, что, казалось, их взгляд способен был прожечь человека насквозь. Не требовалось больше никаких доказательств того, что призрачный переход удался: неистовый разум доктора Куа вернулся в тело, в котором начал свой смертный путь.

— Итак, ты победил, — глухо прохрипел замогильный голос — голос слегка, но фатально отличавшийся от того, что ранее исходил из ввалившейся груди. — Но если ты попытаешься сделать то, что, как я читаю в твоих мыслях, ты задумал, это будет последним деянием в твоей жизни, профессор Толл!

— Тем не менее, я попытаюсь, — ответил Толл немного дрожащим, однако решительным голосом, — и у меня все получится. Я пробью твоё гнилое сердце этим колом!

— Глупец! Сделаешь это — и умрешь, как умер я. Как только в моё сердце вонзится острие, его фантомный двойник, не такой материальный, но такой же смертельный, пронзит твоё. На это я, по крайней мере, ещё способен, даже в миг собственной смерти. И тебе моя сила известна, как никому другому на земле!

* * *

В ответ, быстро и решительно, профессор потянулся к шатающемуся трупу, и даже костлявые пальцы, впившиеся в горло, не смогли его остановить.

— А сейчас я могу своими руками дотронуться до твоей плоти, — прохрипел мертвец. — И я с удовольствием убью тебя ими.

Слова захлебнулись в клокочущем стане — стане, становящемся все громче и переходящем в пронзительный крик, тут же затихший.

Толл не сделал попытки освободиться от удушающей хватки почти лишенных плоти пальцев. Ему просто удалось изогнуться и отодвинуться подальше от мертвеца, по-прежнему державшего его костлявыми руками за горло. Затем он прижал закаленное острие осинового кола к левой стороне разлагающейся груди. Тупой конец оказался у его собственной грудной клетки, после чего он заключил ужасного противника в смертельные объятия.

Кол входил все глубже и глубже, пока обугленное острие с кошмарным чавкающим звуком не показалось из распадающейся на части спины. Чудовище упало, его черная душа погибла навеки.

Но вместе с ним упал и профессор. Куа исполнил свою угрозу. Впрочем, Толл не сомневался, что так и будет. Как только острие вошло в сердце вампира, невыносимая боль сжала сердце Толла. Оно сделало еще один удар и остановилось. Слившись в устрашающем объятии, два тела недвижно лежали на полу.

* * *

Такими нашел их Рик несколько часов спустя, когда чистое золото рассвета залило мир. Именно здесь, в подземном склепе, он обнаружил во внутреннем кармане пиджака Толла записку и прочитал краткое послание профессора:

«С последними пожеланиями мира и радости, я оставляю все свое земное имущество Присцилле Рэнд и Рикку Балларду. Я пишу это завещание, предчувствуя, что жизнь моя вскоре оборвется, отнятая давним врагом, сердечной недостаточностью».

— Сердечная недостаточность! — повторил Рик Присцилле, пока они оба стояли и смотрели на тело покойного, принесенное Риком наверх и аккуратно уложенное на кровать. — Сердечная недостаточность!

Какая тонкая ирония была в этом! Хладнокровие и здравый смысл заставили профессора даже в столь ужасный мо-

мент подумать о том, что приближающуюся смерть необходимо объяснить естественными причинами, избавив от горькой правды мир, вечно предубежденный против верований и знаний, лежащих вне сферы его ограниченного понимания!

— С последними пожеланиями мира и радости, — прошептала Присцилла. — Значит, он победил. Чудовища из кошмаров больше нет.

— Да, он победил. — Рик вздохнул. — Одного взгляда на его лицо достаточно, чтобы понять это.

И они с трепетом воззрились на выражение абсолютного торжества и удовлетворения, что в последний миг перед падением стерло предсмертную муку с лица профессора Толла.

ПРИМЕЧАНИЯ

Т. Мак-Класки. Пожива вампира

Впервые: *Weird Tales*, 1936, №№ 6-7, июнь-июль, под назв. «Loot of the Vampire». Илл. М. Брундаж (обл.) и В. Финлея.

Первая повесть Т. Мак-Класки (1906-1975) «Пожива вампира» была начата публикацией в месяц смерти Р. Говарда. Повесть, как и последовавший за ней рассказ «Ползучий ужас», пользовалась большим успехом у читателей. Редактор *Weird Tales* Ф. Райт некоторое время возлагал на Мак-Класки большие надежды, считая его возможной «заменой» Говарду и стареющему (вскоре умершему) Г. Ф. Лавкрафту. Надежды эти не оправдались, однако Мак-Класки до начала 1950-х гг. продолжал публиковать фантастические произведения и рассказы ужасов в *Weird Tales*, *Amazing Stories* и др. журналах.

П. Эрнст. Дуэль магов

Впервые: *Strange Tales of Mystery and Terror*, 1932, март, под назв. «The Duel of the Sorcerers».

П. Ф. Эрнст (1899-1985) — плодовитый американский писатель, автор НФ, героической фэнтези, рассказов ужасов и пр. Начал публиковаться в конце 1920-х гг. и на протяжении 1930-х гг. напечатал множество повестей и рассказов в «палп»-журналах. Наиболее известен как автор цикла «Доктор Сатана» (*Weird Tales*) и большой серии произведений о супергерое Мстителе (журн. *The Avenger*), написанных под коллективным издательским псевд. «Кеннет Робсон». С сокращением рынка «палп»-изданий начал публиковаться в «глянцевых» журналах, где продолжал печататься еще в 1970-х гг.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.